

Н О В Ы Й Д Е Т Е К Т И В Ъ

Борис Акунин

**АЛМАЗНАЯ
КОЛЕСНИЦА**

«Алмазная колесница» — книга Бориса Акунина из серии «Приключения Эраста Фандорина».

Книга издана в двух томах. Первый том начинается в 1905 году, со встречи со штабс-капитаном Рыбниковым, знакомым нам по повести Куприна. Русско-японская война, в России весьма успешно работает сеть японских агентов, но на пути у них встает опытный и умудрённый годами Эраст Петрович Фандорин.

- [Борис Акунин](#)
 - [Том I. Ловец стрекоз](#)
 - [КАМИ-НО-КУ](#)
 - [Слог первый, имеющий некоторое отношение к Востоку](#)
 - [Слог второй, в котором обрываются две земные юдоли](#)
 - [Слог третий, в котором Василий Александрович посещает клозет](#)
 - [Слог четвёртый, в котором вольный стрелок выходит на охоту](#)
 - [Слог пятый, в котором фигурирует интересный пассажир](#)
 - [НАКА-НО-КУ](#)
 - [Слог первый, в котором Василий Александрович берёт отпуск](#)
 - [Слог второй, в котором Маса нарушает нейтралитет](#)
 - [Слог третий, в котором Рыбников попадает в переплёт](#)
 - [Слог четвёртый, в котором Фандорину делается страшно](#)
 - [Слог пятый, почти целиком состоящий из разговоров тет-а-тет](#)
 - [Слог шестой, в котором важную роль играют хвост и уши](#)
 - [Слог седьмой, в котором выясняется, что не все русские любят Пушкина](#)
 - [СИМО-НО-КУ](#)
 - [Слог первый, в котором с небес сыплются железные звезды](#)
 - [Слог второй, насквозь железнодорожный](#)
 - [Слог третий, в котором Рыбников даёт волю страсти](#)
 - [Слог четвёртый, где все поминается Японский Бог](#)
 - [Слог последний, самый протяжный](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Борис Акунин

Алмазная колесница

Том I. Ловец стрекоз

Россия. 1905 год

Автор благодарит за помощь К. Н. и Л. Е.

Слог первый, имеющий некоторое отношение к Востоку

В тот день, когда ужасный разгром русского флота у острова Цусима приближался к концу и когда об этом кровавом торжестве японцев проносились по Европе лишь первые, тревожные, глухие вести, — в этот самый день штабс-капитан Рыбников, живший в безымянном переулке на Песках, получил следующую телеграмму из Иркутска:

«Вышлите немедленно листы следите за больным уплатите расходы».

Штабс-капитан Рыбников тут же заявил своей квартирной хозяйке, что дела вызывают его на день-на два из Петербурга и чтобы поэтому она не беспокоилась его отсутствием. Затем он оделся, вышел из дому и больше уж никогда туда не возвращался.

День у Василия Александровича поначалу складывался самым обычным образом, то есть ужасно хлопотно. Доехав на извозчике до центра города, далее он перемещался исключительно пешком и, несмотря на хромоту (штабс-капитан заметно приволакивал правую ногу), успел посетить невероятное количество мест.

Начал с комендантского управления, где разыскал письмоводителя из учётно-транспортного отдела и с торжественным видом вернул ему занятый третьего дня рубль. Потом наведаясь на Симеоновскую площадь, в Главное управление казачьих войск, справиться о ходатайстве, поданном ещё два месяца назад и увязшем в инстанциях. Оттуда переместился в Военно-железнодорожное ведомство — он давно добивался места архивариуса в тамошнем чертёжном отделении. В тот день его маленькую, суетливую фигуру видели и в Управлении генерал-инспектора артиллерии на Захарьевской, и Управлении по ремонту на Морской, и даже в Комитете о раненых на Кирочной (Рыбников никак не мог получить справку о контузии в голову под Ляояном).

Повсюду юркий армеец успел примелькаться. Служащие небрежно кивали старому знакомому и поскорей отворачивались, с подчёркнуто озабоченным видом углубляясь в бумаги и деловые беседы. По опыту было известно, что если штабс-капитан привяжется, то вымотает всю душу.

Василий Александрович некоторое время крутил стриженной башкой, шмыгал сливообразным носом — выбирал жертву. Выбрав, бесцеремонно садился прямо на стол, начинал раскачивать ногой в потрёпанном сапоге, размахивать руками и нести всякий вздор: о скорой победе над японскими макаками, о своих военных подвигах, о дороговизне столичной жизни. Послать его к черту было нельзя — все-таки офицер, ранен при Мукдене. Рыбникова поили чаем, угощали папиросами, отвечали на его бестолковые вопросы и поскорее сплавляли в другой отдел, где всё повторялось сызнова.

В третьем часу пополудни штабс-капитан, заглянувший по снабженческому делу в контору Санкт-Петербургского арсенала, вдруг взглянул на свои наручные часы с сияющим, словно зеркальце, стеклом (все тысячу раз слышали историю этого хронометра, якобы подаренного пленным японским маркизом) и ужасно заторопился. Подмигнув жёлто-коричневым глазом, сказал двум экспедиторам, совершенно замученным его трескотнёй:

— Славно поболтали. Однако виноват, должен покинуть. Антр-ну, любовное свидание с прекрасной дамой. Томленье страсти и все такое. Как говолят япосяки, куй железный, пока голячий.

Хохотнул, откланялся.

— Ну и фрукт, — вздохнул первый экспедитор, молоденький зауряд-прапорщик. — А вот ведь нашёл себе какую-то.

— Врёт, интересничает, — успокоил его второй, в том же чине, но гораздо старше годами. — Кто на этакого мальбрука польстится?

* * *

Умудрённый жизненным опытом экспедитор оказался прав. В квартире на Надеждинской, куда Рыбников долго добирался с Литейного проходными дворами, его ждала не прекрасная дама, а молодой человек в крапчатом пиджаке.

— Ну что же вы так долго? — нервно воскликнул молодой человек, отворив на условленный стук (два раза, потом три, потом после паузы ещё два). — Вы Рыбников, да? Я вас сорок минут жду!

— Пришлось немного попетлять. Так, показалось что-то... — ответил Василий Александрович, пройдясь по крохотной квартирке, причём заглянул даже в уборную и за дверь чёрного хода. — Привезли? Давайте.

— Вот, из Парижа. Мне, знаете ли, было велено не сразу в Петербург, а сначала заехать в Москву, чтобы...

— Знаю, — не дал ему договорить штабс-капитан, беря два конверта — один потолще, второй совсем тонкий.

— Границу пересёк очень легко, даже удивительно. На чемодан не взглянули, какой там простукивать. А в Москве встретили странно. Этот Дрозд был довольно нелюбезен, — сообщил крапчатый, которому, видимо, очень хотелось поговорить. — В конце концов, я рискую головой и вправе рассчитывать...

— Прощайте, — вновь оборвал его Василий Александрович, не только рассмотрев, но и прощупав оба конверта пальцами вдоль швов. — Сразу за мной не выходите. Пробудьте здесь не меньше часа — потом можете.

Выйдя из подъезда, штабс-капитан покрутил головой влево-вправо, зажёл папироску и своей всегдашней походкой — дёрганой, но на удивление резвой — зашагал по улице. Мимо грохотал электрический трамвай. Рыбников вдруг ступил с тротуара на мостовую, перешёл на бег и ловко вскочил на подножку.

— Ва-аше благородие, — укоризненно покачал головой кондуктор. — Этак только мальчишки делают. Неровен час сорвались бы... У вас вон ножка хромая.

— Ничего, — бодро ответил Рыбников. — Русский солдат как говорит? Или грудь в крестах, или голова в кустах. А и погибну — не беда. Круглый сирота, плакать некому... Нет, братец, я только так, на минутку, — отмахнулся он от билета и в самом деле через минуту тем же мальчишечьим манером соскочил на проезжую часть.

Увернулся от пролётки, нырнул под радиатор авто, разразившегося истеричным рёвом клаксона, и шустро захромал в переулок.

Здесь было совсем пусто — ни экипажей, ни прохожих. Штабс-капитан вскрыл оба конверта. Коротко заглянул в тот, что потолще, увидел учтливое обращение и ровные ряды аккуратно выписанных иероглифов, читать повременил — сунул в карман. Зато второе письмо, написанное стремительной скорописью, всецело завладело вниманием пешехода.

Письмо было такое.

"Мой дорогой сын! Я доволен тобой, но пришло время нанести решительный удар — теперь уже не по русскому тылу, и даже не по русской армии, а собственно по России. Наши войска исполнили всё, что могли, но истекли кровью, силы нашей промышленности на исходе. Увы, Время не на нашей стороне. Твоя задача сделать так, чтобы Время перестало быть союзником русских. Нужно, чтобы под царём зашатался трон и ему стало не до войны. Наш друг полковник А. сделал всю предварительную работу. Твоя задача — передать отправленный им груз в Москву, известному тебе адресату. Поторопи его. Больше, чем три-четыре месяца нам не продержаться.

И ещё. Очень нужна серьёзная диверсия на магистрали. Любой перерыв в снабжении армии Линевица даст отсрочку неминуемой катастрофы. Ты писал, что думал об этом и что у тебя есть идеи. примени их, время пришло.

Знаю, что требую от тебя почти невозможного. Но ведь тебя учили: «Почти невозможное — возможно».

Матушка просила передать, что молится за тебя."

По прочтении письма на скуластом лице Рыбникова не отразилось никаких чувств. Он чиркнул спичкой, поджёг листок и конверт, бросил на землю и растёр пепел каблуком. Пошёл дальше.

Второе послание было от военного агента в Европе полковника Акаси и почти целиком состояло из цифр и дат. Штабс-капитан пробежал его глазами, перечитывать не стал — память у Василия Александровича была исключительная.

Снова зажёт спичку, и пока листок горел, посмотрел на часы, поднеся их чуть не к самому носу.

Здесь Рыбникова ожидал неприятный сюрприз. В зеркальном стёклышке японского хронометра отразился человек в котелке и с тросточкой. Этот господин сидел на корточках, разглядывая что-то на тротуаре — именно в том месте, где штабс-капитан минуту назад спалил письмо от отца.

Письмо — ерунда, оно было сожжено дотла, Василия Александровича больше встревожило другое. Он уже не первый раз подглядывал в своё хитрое стёклышко и прежде никого у себя за спиной не видел. Откуда взялся человек в котелке, вот что было интересно.

Как ни в чем не бывало, Рыбников двинулся дальше, посматривая на часы чаще прежнего. Однако сзади снова никого не было. Чёрные брови штабс-капитана тревожно изогнулись. Исчезновение любопытного господина озаботило его ещё больше, чем появление.

Зевая, Рыбников свернул в подворотню, откуда попал в безлюдный каменный двор. Кинул взгляд на окна (они были мёртвые, нежилые) и вдруг, перестав хромать, перебежал к забору, отделявшему двор от соседнего. Изгородь была высоченная, но Василий Александрович проявил сказочную пружинистость — подскочил чуть не на сажень, схватился руками за край и подтянулся. Ему ничего не стоило перемахнуть на ту сторону, но штабс-капитан ограничился тем, что заглянул через край.

Соседний двор оказался жилой — по расчерченному мелом асфальту прыгала на одной ноге тощая девчонка. Другая, поменьше, стояла рядом и смотрела.

Рыбников перелезть не стал. Спрыгнул вниз, отбежал обратно в подворотню, расстегнул ширинку и стал мочиться.

За этим интимным занятием его и застал человек в котелке и с тросточкой, рысцой вбежавший в подворотню.

Остановился, замер как вкопанный.

Василий Александрович засмутился.

— Пардон, приспичило, — сказал он, отряхиваясь и одновременно жестикулируя свободной рукой. — Свинство наше российское, мало общественных латрин. Вот в Японии, говорят, сортиры на каждом шагу. Оттого и не можем побить проклятых мартышек.

Лицо у торопливого господина было настороженное, но видя, что штабс-капитан улыбается, он тоже слегка раздвинул губы под густыми усами.

— Самурай — он ведь как воюет? — продолжал балагурить Рыбников, застегнув штаны и подходя ближе. — Наши солдатуски окоп доверху загадят, а самурай, косоглазая образина, рису натрескается — у него натурально запор. Этак неделю можно до ветру не ходить. Зато уж как с позиции в тыл сменится, дня два с толчка не слезает.

Очень довольный собственным остроумием, штабс-капитан зашёлся визгливым смехом и, словно приглашая собеседника разделить свою весёлость, легонько ткнул его пальцем в бок.

Усатый не засмеялся, а как-то странно икнул, схватился за левую половину груди и сел на землю.

— Мамочки, — сказал он неожиданно тонким голосом. И ещё раз, тихо. — Мамочки...

— Что с вами? — переполошился Рыбников, оглядываясь. — Сердце схватило? Ай-ай, беда! Я сейчас, я врача! Я мигом!

Выбежал в переулок, но там торопиться передумал.

Лицо его сделалось сосредоточенным. Штабс-капитан покачался на каблуках, что-то прикидывая или решая, и повернул обратно в сторону Надеждинской.

Слог второй, в котором обрываются две земные юдоли

Евстратий Павлович Мыльников, начальник службы наружного наблюдения Особого отдела Департамента полиции, нарисовал в медальончике серп и молот, по бокам изобразил двух пчёл, сверху фуражку, внизу, на ленточке, латинский девиз: «Усердие и служба». Наклонил лысоватую голову, полюбовался своим творением.

Герб рода Мыльниковых надворный советник составил сам, с глубоким смыслом. Мол, в аристократы не лезу, своего народного происхождения не стыжусь: отец был простым кузнецом (молот), дед — землепашцем (серп), но благодаря усердию (пчёлки) и государевой службе (фуражка) вознёсся высоко, в соответствии с заслугами.

Права потомственного дворянства Евстратий Павлович получил ещё в прошлом году, вкуче с Владимиром третьей степени, но Гербовая палата всё волокитствовала с утверждением герба, всё придиралась. Серп с молотом и пчёлка одобрила, а на фуражку заартачилась — якобы слишком похожа на коронетку, предназначенную лишь для титулованных особ.

В последнее время у Мыльникова образовалась привычка: пребывая в задумчивости, рисовать на бумажке милую сердцу эмблему. Поначалу никак не давались пчёлки, но со временем Евстратий Павлович так наловчился — любо-дорого посмотреть. Вот и теперь он старательно заштриховывал чёрные полосы на брюшке тружениц, сам же нет-нет, да и поглядывал на стопку, что лежала слева от его локтя. Документ, погрузивший надворного советника в задумчивость, назывался «Дневник наблюдения по гор. С.-Петербургу за почётным гражданином Андронимом Семёновым Комаровским (кличка „Дёрганый“) за 15 мая 1905 года». Лицо, именуемое себя Комаровским (имелись веские основания подозревать, что паспорт фальшивый), было передано по эстафете от Московского Охранного отделения на предмет установления контактов и связей.

И вот на тебе.

"Объект принят от филёра из московского Летучего отряда на вокзале в 7 час. 25 мин. Сопровождающий (филёр Гнатюк) сообщил, что в дороге Дёрганый ни с кем не разговаривал, из купе выходил только по естественной надобности.

Приняв объект, проследовали за ним на двух извозчиках до дома Бунтинга на Надеждинской улице. Там Дёрганый поднялся на четвёртый этаж, в квартиру № 7 и более оттуда не выходил. Квартира № 7 снята неким Цвиллингом, жителем Гельсингфорса, который однако появляется здесь крайне редко (последний раз, по свидетельству дворника, был в начале зимы).

В 12 час. 38 мин. электрическим звонком объект вызвал дворника. Под видом дворника к нему поднялся филёр Максименко. Дёрганый дал рубль, велел купить булку, колбасы и пару пива. В квартире кроме него, похоже, никого не было.

Принеся заказ, Максименко получил на чай сдачу (17 коп.). Обратил внимание на то, что объект сильно нервничает. Словно бы кого-то или чего-то ждёт.

В 3 часа 15 мин. в подъезд вошёл офицер, коему дана кличка «Калмык». (Штабс-капитан, с воротником интендантского ведомства, прихрамывает на правую ногу, небольшого роста, скуластый, волосы чёрные).

Поднялся в квартиру № 7, но через 4 мин. спустился и направился в сторону ул. Бассейной. За ним отряжен филёр Максименко.

Дёрганый из подъезда не выходил. В 3 часа 31 мин. подошёл к окну, стоял, смотрел во двор, после отошёл.

Максименко до сего момента не вернулся.

Дежурство по наружному наблюдению ныне (8 час. вечера) сдаю команде старшего филёра Зябликова.

Ст. филёр Смуров"

Вроде бы коротко и ясно.

Коротко-то коротко, да ни хрена не ясно.

Полтора часа назад Евстратию Павловичу, только что получившему вышеприведённое донесение, протелефонировали из полицейского участка на Бассейной. Сообщили, что во дворе дома по Митавскому переулку обнаружен мёртвый мужчина с удостоверением на имя филёра Летучего отряда Василия Максименко. Десяти минут не прошло — надворный советник уж был на месте происшествия и лично убедился: да, Максименко. Признаков насильственной смерти, равно как следов борьбы или беспорядка в одежде никаких. Опытнейший Карл Степаныч, медицинский эксперт, безо всяких вскрытий сразу сказал: остановка сердца, по всем приметам.

Ну, Мыльников, конечно, попереживал, даже всплакнул о старом товарище, с которым прослужили бок о бок десять годков, в каких только переделках не бывали. Кстати, и Владимир, благодаря которому возник новый дворянский род, тоже добыт не без участия Василия.

В прошлом году, в мае месяце, от гонконгского консула поступило секретное сообщение, что в направлении Суэцкого канала, а именно в город Аден, следуют четыре японца под видом коммерсантов. Только никакие они не коммерсанты, а морские офицеры: два минёра и два водолаза. Собираются установить подводные бомбы по пути следования крейсеров Черноморской эскадры, отправленных на Дальний Восток.

Евстратий Павлович прихватил с собой шестерых лучших агентов, настоящих волкодавов (в том числе и покойника Максименку), махнули в Аден и там, на базаре, изобразив загулявших моряков, устроили поножовщину — порезали япошек к чёртовой тёще, а багаж ихний потопили в бухте. Крейсера прошли без сучка без задоринки. Их, правда, макаки потом всё одно

разгрохали, но это уж, как говорится, не с нас спрос.

Вот какого сотрудника лишился надворный советник. Добро бы в лихом деле, а то остановка сердца.

Распорядившись насчёт бранных останков, Мыльников вернулся к себе на Фонтанку, перечёл донесение по поводу Дёрганого и что-то забеспокоился. Отрядил Леньку Зябликова, очень толкового паренька, на Надеждинскую — проверить квартиру № 7.

И что же? Не подвело чутьё старого волкодава.

Десять минут назад Зябликов протелефонировал. Так, мол, и так, обрядился водопроводчиком, стал звонить-стучать в седьмую — никакого ответа. Тогда вскрыл дверь отмычкой.

Дёрганный висит в петле, у окна, на занавесочном карнизе. По всем признакам самоубийство: синяки-ссадины отсутствуют, на столе бумажка и карандаш — будто человек собирался написать прощальную записку, да передумал.

Послушал Евстратий Павлович взволнованную скороговорку агента, велел дожидаться экспертной группы, а сам уселся к столу и давай герб рисовать — для прояснения ума, а ещё более для успокоения нервов.

Нервы у надворного советника в последнее время были ни к черту. В медицинском заключении обозначено: «Общая неврастения как результат переутомления; расширение сердечной сумки; опухлость лёгких и частичное поражение спинного мозга, могущее угрожать параличом». Параличом! За всё в жизни платить приходится, и обычно много дороже, чем предполагал.

Вот и потомственный дворянин, и начальник наиважнейшего отделения, оклад шесть тысяч целковых, да что оклад — тридцать тысяч неподчета, мечта любого чиновника. А здоровья нет, и что теперь всё злато земли? Евстратия Павловича мучила еженощная бессонница, а если уснёшь — того хуже: нехорошие сны, поганые, с чертовщиной. Пробудишься в холодном поту, и зуб на зуб не попадает. Все мерещится по углам некое скверное шевеление и словно подхихикивает кто-то, неявственно, но с глумом, а то вдруг возьмёт и завоюет. На шестом десятке Мыльников, гроза террористов и иностранных шпионов, стал с зажжённой лампадкой спать. И для святости, и чтоб темноты по закутам не было. Укатали сивку крутые горки...

В прошлый год запросился в отставку — благо, и деньжонки подкоплены, и мызка прикуплена, в хорошем грибном месте, на Финском заливе. А тут война. Начальник Особого отдела, директор департамента, сам министр упрашивали: не выдавайте, Евстратий Павлович, не бросайте в лихое время. Как откажешь?

Надворный советник заставил себя вернуться мыслью к насущному. Подёргал длинный запорожский ус, потом нарисовал на бумажке два кружочка, между ними — волнистую линию, сверху — знак вопроса.

Два фактика, каждый сам по себе более-менее понятный.

Ну, умер Василий Максименко, не выдержало надорванное служебными тяготами сердце. Бывает.

Почётный гражданин Комаровский, черт его знает кто такой (москвичи позавчера зацепили у эсэровской конспиративной явки), повесился. Это с неврастениками-революционерами тоже случается.

Но чтоб два отчасти связанных между собою бытия, две, так сказать, пересекающиеся земные юдоли вдруг взяли и оборвались одновременно? Больно чудно. Что такое «юдоль», Евстратий Павлович представлял себе неявственно, но слово ему нравилось — он частенько воображал, как бредёт по жизни этой самой юдолью, узенькой и извиистой, зажатой меж суровых скал.

Что за Калмык? Зачем заходил к Дёрганому — по делу или, может, по ошибке (пробыл-то всего четыре минуты)? И что это Максименку в глухой двор понесло?

Ох, не нравился Мыльникову этот самый Калмык. Не штабс-капитан, а прямо какой-то Ангел Смерти (тут надворный советник перекрестился): от одного человека вышел — тот возьми да повесься; другой человек за Калмыком пошёл, да и окочурился по-собачьи, в поганой подворотне.

Мыльников рядом с гербом попробовал нарисовать косоглазую калмыцкую физию, но получилось непохоже — навыка не было.

Ах, Калмык-Калмык, где-то ты сейчас?

* * *

А штабс-капитан Рыбников, столь метко окрещённый филёрами (лицо у него и вправду было несколько калмыковатое), проводил вечер этого хлопотного дня в ещё большей суете и беготне.

После происшествия в Митавском переулке он заскочил на телеграф и отбил две депешки: одну местную, на станцию Колпино, другую дальнюю, в Иркутск, причём поругался с приёмщиком из-за тарифов — возмутился, что за телеграммы в Иркутск берут по 10 копеек за слово. Приёмщик объяснил, что телеграфные сообщения в азиатскую часть империи расцениваются по двойной таксе, и даже показал преискуронт, но штабс-капитан и слушать не хотел.

— Какая же это Азия? — вопил Рыбников, жалобно оглядываясь вокруг. — Вы слышали, господа, как он про Иркутск? Да это великолепнейший город, настоящая Европа! Да-с! Вы там не бывали, так и не говорите, а я служил-с, три незабываемых года! Что ж это такое, господа? Грабёж среди бела дня!

Поскандалив, Василий Александрович переместился в очередь к международному окошку и отправил телеграмму в Париж, по срочному тарифу, то есть аж по 30 копеек за слово, но здесь уже вёл себя тихо, не возмущался.

Затем неугомонный штабс-капитан заковылял на Николаевский вокзал, куда поспел как раз к отходу девятичасового курьерского.

Хотел купить билет второго класса — в кассе не оказалось.

— Что ж, я не виноват, — с видимым удовольствием сообщил Рыбников очереди. — Придётся в третьем, хоть и офицер. Казённая надобность, не имею права не ехать. Вот-с шесть целковиков, извольте билетик.

— В третьем тем более нет, — ответил кассир. — Есть в первом, за 15 рублей.

— За сколько?! — ахнул Василий Александрович. — Я вам не сын Ротшильда! Я, если желаете знать, вообще сирота!

Ему стали объяснять, что нехватка мест, что количество пассажирских поездов до Москвы сокращено по причине военных перевозок. И этот-то билет, что в первый класс, освободился по чистой случайности, две минуты назад. Какая-то дама пожелала ехать в купе одна, а это запрещено постановлением начальника дороги, заставили пассажирку лишний билет сдать.

— Так что, берете или нет? — нетерпеливо спросил кассир.

Жалобно ругаясь, штабс-капитан купил дорожный билет, но потребовал «бумажку с печатью», что более дешёвых билетов в наличии не было. Еле от него отвязались — отправили за «бумажкой» к дежурному по вокзалу, но штабс-капитан туда не пошёл, а вместо этого заскочил в камеру хранения.

Забрал оттуда дешёвенький чемодан и длинный узкий тубус, в каких обыкновенно носят чертежи.

А там уж пора было на перрон — дали первый звонок.

Слог третий, в котором Василий Александрович посещает клозет

В купе первого класса сидела пассажирка — надо полагать, та самая, которой железнодорожная инструкция не позволила путешествовать в одиночестве.

Штабс-капитан хмуро поздоровался, очевидно, ещё переживая из-за пятнадцати рублей. На спутницу едва взглянул, хотя дама была хороша собой, даже не просто хороша, а хороша совершенно исключительно: акварельно-нежное личико, огромные влажные глаза из-под дымчатой вуальки, элегантный дорожный костюм перламутрового оттенка.

Прекрасная незнакомка Рыбниковым тоже не заинтересовалась. На «здрасьте» холодно кивнула, окинула одним-единственным взглядом заурядную физиономию попутчика, его мешковатый китель, рыжие сапоги и отвернулась к окну.

Раздался второй звонок.

Изящно очерченные ноздри пассажирки затрепетали, губки прошептали:

— Ах, скорей бы уж! — но адресовано восклицание было явно не соседу.

По коридору, топоча, пронеслись мальчишки-газетчики — один из respectable «Вечерней России», второй из бульварного «Русского веча». Оба вопили во все горло, стараясь перекричать друг друга.

— Скорбные вести о драме в Японском море! — надрывался первый. — Российский флот сожжён и потоплен!

Второй орал:

— Знаменитая шайка «Московских Лихачей» наносит удар в Петербурге! Раздета дама высшего света!

— Первые списки погибших! Множество дорогих сердцу имён! Зарыдает вся страна!

— Графиня Эн высажена из кареты в наряде Евы! Налётчики знали о спрятанных под платьем драгоценностях!

Штабс-капитан купил «Вечернюю Россию» с огромной траурной каймой, дама — «Русское вече», но приступить к чтению не успели.

Дверь внезапно открылась, и въехал огромный, не поместившийся в проем букет роз, сразу наполнивший купе маслянистым благоуханием.

Над бутонами торчала красивая мужская голова с холёной эспаньолкой и подкрученными усами. Радужно сверкнула бриллиантовая заколка на галстуке.

— Это ещё кто такой?! — воззрился на Рыбникова вошедший, и чёрные брови грозно поползли вверх, однако в ту же секунду, приглядевшись к неказистой внешности штабс-капитана, красавец совершенно на его счёт успокоился и более вниманием не удостоивал.

— Лика! — воскликнул он, падая на колени и бросая букет под ноги даме. — Я люблю всюю душою одну лишь тебя! Прости, умоляю! Ты же знаешь мой темперамент! Я увлекающийся человек, я артист!

Оно и видно было, что артист. Обладателя эспаньолки несколько не смущала публика — а кроме выглядывавшего из-за «Вечерней России» штабс-капитана за интересной сценой наблюдали ещё и зрители из коридора, привлечённые умопомрачительным ароматом роз и звучными ламентациями.

Не ступевалась публики и прелестная дама.

— Всё кончено, Астралов! — гневно объявила она, откинув вуаль и сверкнув глазами. — И

чтоб в Москве появляться не смел! — От умоляюще простёртых дланей отмахнулась. — Нет-нет, и слушать не желаю!

Тогда кающийся повёл себя странно: не вставая с колен, сложил руки на груди и глубоким, волшебнейшим тенором запел:

— Una furtiva lacrima negli occhi suoi spunto...

Дама побледнела, заткнула ладонями уши, но божественный голос наполнил собою купе, да что купе — заслушавшись, притих весь вагон.

Обворожительную мелодию Доницетти прервал третий звонок, особенно длинный и залиvistый.

В дверь заглянул кондуктор:

— Господ провожающих прошу немедленно выйти, отправляемся. Сударь, пора! — коснулся он локтя чудесного певца.

Тот кинулся к Рыбникову:

— Уступите билет! Даю сто рублей! Тут драма разбитого сердца! Пятьсот!

— Не смейте уступать ему билет! — закричала дама.

— Не могу-с, — твёрдо ответил штабс-капитан артисту. — Рад бы, но безотлагательная казённая надобность.

Кондуктор утянул обливающегося слезами Астралова в коридор.

Поезд тронулся. С перрона донёсся отчаянный крик:

— Ликуша! Я руки на себя наложу! Прости!

— Никогда! — выкрикнула раскрасневшаяся пассажирка и вышвырнула великолепный букет в окно, засыпав весь столик алыми лепестками.

Обессиленно упала на бархатное сиденье, закрыла лицо пальчиками и разрыдалась.

— Вы благородный человек, — сказала она, всхлипывая. — Отказались от денег! Я так вам признательна! Выпрыгнула бы в окошко, честное слово!

Рыбников пробурчал:

— Пятьсот рублей деньги большущие. Я в треть столько не получаю, даже со столовыми и разъездными. Но служба. Начальство опозданий не прощает...

— Пятьсот рублей давал, фигляр! — не слушала его дама. — Перед публикой красовался! А в жизни — мелочный человек, *экономист*, — это слово она произнесла с безграничным презрением, даже всхлипывать перестала. — Живёт не по средствам!

Заинтересовавшись логическим противоречием, содержащимся в этой реплике, Василий Александрович спросил:

— Виноват-с, недопонял. Так он экономен или живёт не по средствам?

— Средства у него огромные, да только он по ним не живёт! — объяснила спутница, уже не плача, а озабоченно разглядывая в зеркальце слегка покрасневший носик. Мазнула пуховкой, поправила золотистую прядку у лба. — В прошлом году получил почти сто тысяч, а прожили едва половину. Всё «на чёрный день» откладывает!

Тут она окончательно успокоилась, перевела взгляд на соседа и церемонно представилась:

— Гликерия Романовна Лидина.

Назвался и штабс-капитан.

— Очень приятно, — улыбнулась ему дама. — Я должна объяснить, раз уж вы оказались свидетелем этой безобразной сцены. Жорж обожает устраивать спектакли, особенно при зрителях!

— Он что, вправду артист?

Гликерия Романовна недоверчиво похлопала чуть не дюймовыми ресницами:

— Как? Вы не знаете Астралова? Тенор Астралов-Лидин. Его имя на всех афишах!

— Не до театров, — равнодушно пожал плечами Рыбников. — Некогда, знаете, по операм расхаживать. И средства не позволяют. Жалованье мизерное, пособие по ранению задерживают, а жизнь в Петербурге кусается. Извозчики по семидесяти копеек за пустяковую поездку дерут...

Лидина не слушала, да больше на него и не смотрела.

— Мы два года женаты! — сказала она, словно обращаясь не к своему прозаическому соседу, а к более достойной, сочувственно внимающей аудитории. — Ах, как я была влюблена! Теперь-то я понимаю, что не в него, а в голос. Какой у него голос! Стоит ему запеть, и я таю, он может вить из меня верёвки. И ведь знает это, негодяй! Видели, как он давеча запел, подлый манипулятор? Хорошо звонок помешал, а то у меня уже головокружение началось!

— Красивый господин, — позевывая признал штабс-капитан. — Должно быть, насчёт клубнички не дурак. Из-за того и драма?

— Мне и раньше рассказывали! — сверкнула глазами Гликерия Романовна. — В театральном мире доброжелателей хватает. Но я не верила. А тут собственными глазами! И где! В моей гостиной! И с кем? Со старой кокоткой Котурновой! Ноги моей больше не будет в этой осквернённой квартире! И в Петербурге тоже!

— Стало быть, в Москву перебираетесь, — резюмировал штабс-капитан. По тону было ясно, что ему не терпится закончить пустой разговор и уткнуться в газету.

— Да, у нас в Москве тоже квартира, на Остоженке. Жорж иногда берет на зиму ангажемент в Большом.

Здесь Рыбников спрятался-таки за «Вечернюю Россию», и дама была вынуждена умолкнуть. Нервно развернула «Русское Вече», пробежала глазами статью на первой странице, отшвырнула, пробормотав:

— Боже, какая пошлость! Раздетая, на дороге — ужасно! Неужто совсем-совсем раздетая? Кто же это «графиня Эн»? Вика Олсуфьева? Нелли Воронцова? Ах, неважно!

За окном тянулись дачи, рощицы, унылые огороды. Штабс-капитан увлечённо шелестел газетой.

Лидина вздохнула раз, другой. Молчание было ей в тягость.

— Что это вы читаете с таким интересом? — не выдержала она наконец.

— Да вот, списки офицеров, погибших за царя и отечество в морской баталии близ острова Цусима. Получено через европейские телеграфные агентства, из японских источников. Так сказать, скрижали скорби. Обещают продолжение в последующих номерах. Смотрю, нет ли кого из боевых товарищей. — И Василий Александрович с выражением, вкусно стал читать вслух. — «На броненосце „Князь Кутузов-Смоленский“: младший флагман контр-адмирал Леонтьев, командир корабля капитан первого ранга Эндлунг, казначей эскадры статский советник Зюкин, старший офицер капитан второго ранга фон Швальбе...»

— Ах, перестаньте! — всплеснула ручкой Гликерия Романовна. — Не хочу слушать! И когда только закончится эта ужасная война!

— Скоро. Коварный враг будет разгромлен христоробивым воинством, — пообещал Рыбников, откладывая газету и доставая какую-то книжку, в чтение которой он немедленно погрузился с ещё большей сосредоточенностью.

Дама близоруко сощурилась, чтобы разглядеть заголовок, но книга была обернута коричневой бумагой.

Поезд заскрежетал тормозами, останавливаясь.

— Колпино? — удивилась Лидина. — Странно, курьерский никогда здесь не

останавливается.

Рыбников высунулся из окна, окликнул дежурного:

— Почему стоим?

— Да вот, господин офицер, надобно пропустить вперёд литерный, со срочным военным грузом.

Пользуясь тем, что спутник отвернулся, Гликерия Романовна удовлетворила своё любопытство: быстро отвернула книжную обёртку, приложила к глазам хорошенький лорнет на золотой цепочке — и поморщилась. Книга, которую с таким увлечением читал штабс-капитан, называлась «*ТОННЕЛИ И МОСТЫ. Краткий справочник для железнодорожных служащих*».

К дежурному подбежал телеграфист с бумажной лентой в руке. Тот прочитал депешу, пожал плечами и махнул флажком.

— Что такое? — спросил Рыбников.

— Семь пятниц на неделе. Велено отправлять, не ждать литерного.

Поезд тронулся.

— Вы, должно быть, военный инженер? — поинтересовалась Гликерия Романовна.

— Почему вы взяли?

Признаваться, что подглядела название книги, Лидиной было неловко, но она нашлась — показала на кожаный тубус.

— Да вот. Это ведь для чертежей?

— А, да. — Василий Александрович понизил голос. — Секретная документация. Доставляю в Москву.

— А я думала, вы в отпуске. Навещаете семью или, может быть, родителей.

— Неженат. С каких прибытков семью заводить? Гол как сокол. И родителей не имею. Круглый сирота. Даже, можно сказать, сирота казанский — в полку за косоглазие дразнили татарвой.

После остановки в Колпине штабс-капитан как-то оживился, стал поразговорчивей, да и широкие скулы слегка порозовели.

Вдруг он взглянул на часы и поднялся.

— Пардон, выйду покурю.

— Курите здесь, я привыкла, — милостиво позволила Гликерия Романовна. — Жорж курит сигары. То есть курил.

Василий Александрович конфузливо улыбнулся:

— Виноват. Про покурить это я из деликатности. Не курю-с, лишний расход. На самом деле мне в клозет, по натуральной необходимости.

Дама с достоинством отвернулась.

Тубус штабс-капитан прихватил с собой. Поймав негодующий взгляд спутницы, извиняющимся тоном пояснил:

— Не имею права выпускать из рук.

Проводив его взглядом, Гликерия Романовна пробормотала:

— Какой все-таки несимпатичный. — И стала смотреть в окно.

А штабс-капитан быстро прошёл через второй и третий классы в хвостовой вагон и выглянул на тормозную площадку.

Сзади донёлся протяжный, требовательный гудок.

На площадке стояли обер-кондуктор и караульный жандарм.

— Что за черт! — сказал первый. — Никак литерный. А телеграфировали, что отменён!

Не далее как в полуверсте ехал длинный состав, влекомый двумя паровозами. Локомотивы пытели чёрным дымом, за ними вытянулся хвост из зачехлённых платформ.

Время было уже позднее, одиннадцатый час, но сумерки едва начали сгущаться — приближалась пора белых ночей.

Жандарм оглянулся на штабс-капитана, взял под козырёк:

— Ваше благородие, виноват, но извольте закрыть дверь. Согласно инструкции, строжайше запрещено.

— Это, братец, правильно, — одобрил Рыбников. — Бдительность и всё такое. Я, собственно, только покурить хотел. Ну да я в коридорчике. Или в нужнике.

И в самом деле отправился в туалетную комнату, которая в третьем классе была тесна и не слишком опрятна.

Запершись, Василий Александрович высунулся из окна.

Поезд как раз въезжал на допотопный, ещё клейнмихелевского строительства мост, перекинутый через неширокую речку.

Рыбников нажал ногой рычаг слива воды — в дне унитаза открылось круглое отверстие, сквозь него было видно, как мелькают шпалы.

Штабс-капитан надавил пальцем какую-то незаметную кнопочку на тубусе и запихнул узкий кожаный футляр в дырку — диаметр совпал в точности, так что понадобилось приложить некоторое усилие.

Когда тубус исчез в отверстии, Василий Александрович быстро намочил руки под краном и вышел в тамбур, стряхивая с пальцев воду.

Минуту спустя он уже входил в своё купе.

Лидина взглянула на него строго — ещё не простила конфуза с «натуральной необходимостью» — и хотела отвернуться, но вдруг воскликнула:

— Ваш секретный футляр! Вы, верно, забыли его в туалетной комнате?

На лице Рыбникова отразилось неудовольствие, но ответить Гликерии Романовне он не успел.

Откуда-то донёсся ужасающий грохот, вагон качнуло.

Штабс-капитан бросился к окну.

Из других окон тоже торчали головы. Все смотрели назад.

Дорога в этом месте описывала небольшую дугу, и было видно как на ладони железнодорожный путь, давешнюю речку и мост.

Вернее, то, что от него осталось.

Мост обрушился ровно посередине, причём в тот самый момент, когда по нему проезжал тяжёлый воинский состав.

Зрелище катастрофы было ужасающим: столб воды и пара, выплеснутый рухнувшими в воду локомотивами, вздыбленные платформы, с которых срывались какие-то массивные стальные конструкции, и самое жуткое — сыпавшиеся вниз человеческие фигурки.

Гликерия Романовна, притиснувшись к плечу Рыбникова, пронзительно завизжала. Кричали и другие пассажиры.

Хвостовой вагон литерного, вероятно, отведённый для офицеров, покачался на самом краешке пролома, кто-то вроде бы даже успел выпрыгнуть из окна, но затем опора подломилась, и вагон тоже ухнул вниз, в груды перекорёженного металла, что торчала из воды.

— Боже, Боже! — истерически закричала Лидина. — Что вы смотрите? Надо же что-то делать!

И бросилась в коридор. Василий Александрович, помедлив долю секунды, последовал за нею.

— Остановите поезд! — накинулась экзальтированная дамочка на обер-кондуктора, бежавшего в сторону головного вагона. — Там раненые! Тонушие! Нужно спасать!

Схватила его за рукав, да так цепко, что железнодорожнику пришлось остановиться.

— Какой там «спасать»! Кого спасать? Такая каша! — пытался вырваться бледный как смерть начальник поездной бригады. — Что мы можем? На станцию нужно, сообщить.

Не слушая, Гликерия Романовна била его кулачком в грудь.

— Они гибнут, а мы уезжаем? Остановите! Я требую! — визжала она. — Жмите этот ваш, как его, стоп-кран!

На вопли из соседнего купе высунулся чернявый господин с нафабранными усишками. Видя, что начальник поезда колеблется, угрожающе крикнул:

— Я тебе остановлю! У меня срочное дело в Москве!

Рыбников мягко взял Лидину за локоть, успокаивающе начал:

— Сударыня, ну в самом деле. Конечно, катастрофия ужасная, но единственное, чем мы можем помочь, — это поскорее протелеграфировать с ближайшей...

— Ах, ну вас всех! — крикнула Гликерия Романовна.

Метнулась к стоп-крану и рванула ручку.

Все, кто находился в коридоре, кубарем полетели на пол. Поезд, подпрыгнув, мерзко заскрежетал по рельсам. Со всех сторон доносились вой и визг — пассажиры решили, что и их поезд угодил в крушение.

Первым опомнился чернявый, не упавший, а лишь стукнувшийся головой о косяк двери.

С криком «Убью, мерррзавка!» он налетел на оглушённую падением истеричку и схватил её за горло.

Судя по огонькам, вспыхнувшим в глазах Василия Александровича, он отчасти разделял кровожадное намерение чернявого господина. Однако во взгляде, который штабс-капитан бросил на удушаемую Гликерию Романовну, была не только ярость, но и, пожалуй, изумление.

Вздохнув, Рыбников схватил несдержанного брюнета за воротник и отшвырнул в сторону.

Слог четвёртый, в котором вольный стрелок выходит на охоту

Аппарат зазвонил в половине второго ночи. Ещё не сняв трубку, Эраст Петрович махнул камердинеру, просунувшему в дверь свою стриженую башку, чтоб подавал одеваться. Телефонировать в такой час могли только из управления и непременно по какому-нибудь чрезвычайному делу.

Слушая голос, взволнованно рокотавший в рожке, Фандорин всё больше хмурил чёрные брови. Переменил руку, чтобы Маса просунул её в рукав накрахмаленной рубашки. Покачал головой на штиблеты — камердинер понял и принёс сапоги.

Телефонировавшему Эраст Петрович не задал ни одного вопроса, сказал лишь:

— Хорошо, Леонтий Карлович, сейчас буду.

Уже одетый, на секунду остановился перед зеркалом. Причесал чёрные с проседью (про такие говорят «перец с солью») волосы, прошёлся особой щёткой по совершенно белым вискам и аккуратным усикам, в которых ещё не было ни единого серебряного волоска. Поморщился, проведя рукой по щеке, но бриться было некогда.

Вышел из квартиры.

Японец уже сидел в авто, держа в руке дорожный саквояж.

Самое ценное в фандоринском камердинере было даже не то, что он всё делал быстро и точно, а то, что умел обходиться без лишних разговоров. Собственно, господин и слуга пока вообще не обменялись ни единым словом. По выбору обуви Маса догадался, что предстоит дальняя поездка, — вот и снарядился соответствующим образом.

Двухцилиндровый «олдсмобиль», взревев мощнейшим двадцатисильным мотором, с рёвом

вынеся с Садовой, где квартировал Фандорин, и минутой спустя уже скользил по Чернышевскому мосту. С серого, неубедительного ночного неба сочился вялый дождик, мостовая блестела от луж. Замечательные небрызгающие шины фирмы «Геркулес» скользили по асфальту, словно по чёрному льду.

Ещё через две минуты авто затормозило у дома номер 7 по Коломенской улице, где располагалось Санкт-Петербургское Жандармско-полицейское управление железных дорог.

Фандорин взбежал по ступенькам, кивнув взявшему под козырёк часовому. Камердинер же остался сидеть в «олдсмобиле», да ещё демонстративно отвернулся.

С самого начала вооружённого конфликта между двумя империями Маса, являвшийся японцем по рождению, но российским подданным по паспорту, заявил, что будет соблюдать нейтралитет, и скрупулёзно придерживался этого правила. Подвигами героических защитников Порт-Артура не восхищался, но не радовался и победам японского оружия. Главное же — принципиально не переступал порога военных учреждений, что по временам доставляло и ему, и его господину изрядные неудобства.

Нравственные страдания камердинера усугублялись ещё и тем, что после нескольких арестов по подозрению в шпионаже пришлось камуфлировать свою национальность. Фандорин выхлопотал для своего слуги временный паспорт на имя китайского уроженца, так что теперь Маса, выходя из дому, был вынужден надевать парик с длинной косой и, согласно документу, звался невозможным именем «Лянчан Шанхоевич Чаюневин». От всех этих испытаний камердинер утратил аппетит, осунулся и даже перестал разбивать сердца горничным и белошвейкам, у которых в довоенное время пользовался головокружительным успехом.

Времена были тяжёлые не только для фальшивого Лянчана Шанхоевича, но и для его господина.

Когда японские миноносцы без предупреждения атаковали Порт-Артурскую эскадру, Фандорин находился на противоположном краю света, в голландской Вест-Индии, где проводил увлекательнейшие изыскания из области подводной навигации.

Вначале Эраст Петрович не желал иметь ничего общего с войной, в которой участвовали две дорогие его сердцу страны, но по мере того, как перевес все более склонялся на сторону Японии, Фандорин постепенно утрачивал интерес и к влагостойким свойствам алюминия, и даже к поискам галеона «Сан-Фелипе», затонувшего с грузом золота в 1708 году от Рождества Христова в семи милях к зюйд-зюйд-весту от острова Аруба. В тот самый день, когда фандоринская субмарина наконец царапнула алюминиевым брюхом по торчащему из дна обломку испанской грот-мачты, пришло известие о гибели броненосца «Петропавловск» вместе с главнокомандующим адмиралом Макаровым и всем экипажем.

Наутро, доверив подъем золотых слитков компаньонам, Эраст Петрович отбыл на родину.

Прибыв в Санкт-Петербург, обратился к давнему, ещё по Третьему отделению, сослуживцу, ныне состоявшему на ответственной должности, и предложил свои услуги: известно, что специалистов по Японии катастрофически мало, а Эраст Петрович в своё время прожил в Стране Восходящего Солнца не один год.

Старый знакомец визиту Фандорина очень обрадовался, однако сказал, что желал бы использовать Эраста Петровича на ином поприще.

— Знатоков Японии, конечно, не хватает, как и многого другого, — сказал генерал, часто моргая красными от недосыпания глазами, — но есть прореха ещё худшая — на самом, пардон, интимном месте. Если б вы знали, милый мой, в каком бедственном состоянии пребывает наша система контршпионажа! В действующей армии кое-как ещё наладилось, но в тылу — мрак и ужас. Японские агенты повсюду, действуют нагло, изобретательно, а ловить их мы не умеем. Опыта нет. Мы-то привыкли к шпионам чинным, европейским, которые служат под прикрытием

посольств да иностранных компаний. Азиаты же нарушают все правила. Я вот за что больше всего боюсь, — понизил голос большой человек, придвинувшись. — За наши пути сообщения. Когда война идёт в десяти тысячах вёрст от заводов и призывных пунктов, победы и поражения зависят от железных дорог, главной кровеносной системы государственного организма. Одинаединственная артерия на всю империю — от Питера до Артура. Чахлая, вяло пульсирующая, подверженная тромбам, а хуже всего то, что почти незащищённая. Эраст Петрович, дорогой, я тут двух вещей страшусь: японских диверсий и российского разгильдяйства. Опыта по оперативной работе вам, слава Богу, не занимать. И потом, мне докладывали, вы в Америке на инженера выучились. Впряглись бы, а? На любых условиях. Хотите — восстановим вас на государственной службе, не хотите — оставайтесь вольным стрелком. Выручите, подставьте плечо.

Так Фандорин попал на службу в столичное Жандармско-полицейское управление железных дорог, и именно что в качестве «вольного стрелка», то есть консультанта, не получающего жалованья, однако обладающего весьма обширными полномочиями. Задача перед консультантом была поставлена такая: разработать систему обеспечения безопасности путей сообщения, опробовать её в подведомственной зоне и затем передать для использования всем жандармским железнодорожным управлениям империи.

Дело было хлопотное, мало похожее на прежние занятия Эраста Петровича, но по-своему увлекательное. В ведении управления находилось 2000 вёрст путей, сотни станций и вокзалов, мосты, полосы отчуждения, депо, мастерские — и всё это нужно было охранять от возможных посягательств противника. Если в губернском жандармском управлении служили несколько десятков сотрудников, то в железнодорожном — более тысячи. И размах, и ответственность несопоставимые. Кроме того, по должностной инструкции железнодорожные жандармы освобождались от функций политической полиции, а это для Фандорина было очень важно: он не любил революционеров, но с ещё большим отвращением относился к методам, посредством которых Охранка и Особый отдел Департамента полиции искореняли нигилистическую заразу. В этом смысле служба в Жандармском железнодорожном ведомстве представлялась Эрасту Петровичу делом чистым.

О путях сообщения Фандорин знал немного, но и совершенным дилетантом считаться не мог. Все-таки дипломированный инженер по двигающимся машинам, да и лет двадцать назад, расследуя одно запутанное дело, под видом практиканта прослужил некоторое время на дистанции.

За минувший год «вольный стрелок» добился многого. Были учреждены жандармские караулы на всех поездах, включая пассажирские; обеспечен особый режим охраны мостов, тоннелей, разъездов и стрелок, созданы летучие дрезинные бригады, и прочее, и прочее. Новшества, вводимые в столичном управлении, быстро перенимались прочими губерниями, и до сих пор (тьфу-тьфу-тьфу) не произошло ни одной крупной катастрофы, ни одной диверсии.

Хотя должность у Фандорина была странная, в управлении к Эрасту Петровичу успели привыкнуть и относились с пиететом, называли «господин инженер». Начальник, генерал-лейтенант фон Кассель, привык во всем полагаться на своего консультанта и не принимал без него никаких решений.

Вот и сейчас Леонтий Карлович поджидал своего помощника на пороге кабинета.

Завидев в конце коридора высокую, стремительную фигуру инженера, бросился навстречу.

— Надо же, чтоб именно на Тезоименитском! — крикнул генерал ещё издали. — Ведь мы писали министру, предупреждали, что мост ветх, ненадёжен! А он мне выговаривает, грозитя: мол, если окажется, что японская диверсия, — под суд. Какая к лешему диверсия? Тезоименитский мост не ремонтировался с 1850 года! Вот вам и пожалуйста: не выдержал

тяжести эшелона, перевозившего тяжёлую артиллерию. Орудия попорчены. Много погибших. А хуже всего, что нарушено сообщение с Москвой!

— Хорошо, что здесь, а не за Самарой, — сказал Эраст Петрович, входя за фон Касселем в кабинет и прикрывая дверь. — Тут можно по объездному пустить, через новгородскую линию. Да точно ли, что обвалился, что не диверсия?

Леонтий Карлович поморщился:

— Помилуйте, какая диверсия? Уж вы-то должны знать, сами инструкцию разрабатывали. На мосту караул, каждые полчаса проверка рельсов, на тормозных площадках поездов дежурные жандармы — у меня на территории полный порядок. Вы скажите лучше, что это за напасти на несчастное отечество! Ведь и так из последних сил тужимся. Цусима-то, а? Читали корреспонденции? Полный разгром, а ни одного вражеского корабля не потопили. Откуда она только взялась, Япония эта. Когда я службу начинал, про такую страну никто и слыхом не слыхивал. И вот, в считанные годы, раздулась, как на дрожжах. Виданное ли дело?

— П-почему же не виданное? — ответил Фандорин с своим всегдашним лёгким заиканием. — Япония начала модернизироваться в 1868 году, тридцать семь лет назад. От воцарения Петра до Полтавы прошло меньше. Раньше не было такой державы — Россия, а тут вдруг взяла да выросла — и тоже, как на д-дрожжах.

— А, бросьте, это история, — махнул рукой генерал и размашисто перекрестился. — А я вам вот что скажу. Карает нас Господь за грехи наши. Жестоко карает, как египетского фараона, злочудесными напастями. Ей-богу, — тут Леонтий Карлович оглянулся на дверь и перешёл на шёпот, — проиграли мы войну.

— Не с-согласен, — отрезал Эраст Петрович. — Ни по одному пункту. Ничего злочудесного не произошло. Это раз. Случилось лишь то, чего следовало ожидать. Что Россия не выиграла ни одного сражения, неудивительно. Было бы чудо из чудес, если б выиграла. Наш солдат хуже японского — уступает и выносливостью, и обученностью, и боевым духом. Русский офицер, положим, неплох, но японский-то просто великолепен. Ну а про генералов (не примите на свой счёт, ваше превосходительство) и говорить нечего: наши жирны и б-безынициативны, японские поджары и нахраписты. Если до сих пор мы ещё как-то держимся, то лишь благодаря тому, что обороняться легче, чем наступать. Но не беспокойтесь, Леонтий Карлович. Хоть сражения мы и проигрываем, в войне все-таки победим. И это д-два. Мы неизмеримо сильнее японцев в главном: у нас экономическая мощь, человеческие и природные ресурсы. Время работает на нас. Главнокомандующий Линевиц действует совершенно правильно, не то что Куропаткин: затягивает кампанию, наращивает силы. Японцы же чем дальше, тем слабее. Их казначейство на грани банкротства, коммуникации растягиваются всё больше, резервы иссякают. Нам всего-то и нужно, что уклоняться от больших сражений — и победа в к-кармане. Не было ничего глупее, чем тащить через полсвета балтийский флот — на съедение адмиралу Того.

Генерал слушал помощника и светлел лицом, но, начав за здравие, окончил свою оптимистическую речь Фандорин за упокой:

— Крушение на Тезоименитском мосту пугает меня больше, чем гибель нашей эскадры. Без флота мы войну худо-бедно выиграем, а вот если на железнодорожной магистрали, питающей фронт, начнутся подобные фокусы, России конец. Распорядитесь-ка прицепить к паровозу инспекторский вагон. Поедем п-посмотрим.

Слог пятый, в котором фигурирует интересный пассажир

К тому времени, когда инспекторский вагон прибыл на место катастрофы, к обрывистому берегу реки Ломжи, ночи надоело прикидываться хоть сколько-то тёмной и с неба вовсю

струился ясный утренний свет.

У обрубка Тезоименитского моста скопилось невероятное количество начальства — и военный министр, и августейший генерал-инспектор артиллерии, и министр путей сообщения, и шеф жандармского корпуса, и директор департамента полиции, и начальник жандармского губернского управления. Одних салон-вагонов, выстроившихся в хвост друг за другом, и каждый при собственном локомотиве, собралось до полудюжины.

Над обрывом сверкали позументы, звякали шпоры и адъютантские аксельбанты, порывивали начальственные басы, а внизу, у кромки воды, царствовали хаос и смерть.

Посреди Ломжи громоздилась бесформенная груда дерева и железа, над ней свисали переломанные кости моста, в противоположный берег зарылся носом искорёженный паровоз, ещё дымящийся, а второй торчал из воды прямоугольным чёрным тендером, похожий на утёс. Раненых уже унесли, но на песке, прикрытая брезентом, лежала длинная шеренга мертвецов.

Новейшие тяжёлые орудия, предназначенные для Маньчжурской армии, сорвались с платформ и частью утонули, частью были раскиданы по мелководью. На противоположном берегу грохотал передвижной кран, бестолково дёргая стрелой, тянул за лафет стального монстра с покривившимся стволом, но было ясно, что не сдюжит, не вытянет.

Леонтий Карлович отправился к высокому начальству, Фандорин же обошёл золотопогонный островок стороной и приблизился к самому провалу. Постоял, посмотрел и вдруг полез вниз по наклонной плоскости. У самой воды ловко перескочил на крышу утонувшего вагона, оттуда перебрался к следующей опоре моста, с которой свисали согнутые рельсы. Инженер вскарабкался по решётке шпал, как по приставной лестнице, и вскоре оказался на той стороне реки.

Здесь было куда менеелюдно. Поодаль, в полусотне шагов, стоял курьерский поезд — тот самый, что успел проскочить перед самым обрушением. Возле вагонов кучками стояли пассажиры.

На уцелевшей части моста и возле воды копошились деловитые люди в штатском, одетые по-разному, но при этом похожие друг на друга, как родные братья. В одном из них Фандорин узнал Евстратия Павловича Мыльниковца, с которым когда-то вместе служил в Первопрестольной.

Перед Мыльниковым, вытянувшись в струнку, стоял жандармский унтер-офицер в мокром и разорванном мундире — похоже, дознание уже шло полным ходом. Но смотрел надворный советник не на унтера, а на Фандорина.

— Ба, — развёл он руками, словно собирался заключить инженера в объятия, — Эраст Петрович! Какими судьбами? Ах да, вы теперь в ЖэУЖэДэ, мне говорили. Извините, что вторгаюсь на вашу территорию, но приказ наивысшего начальства: расследовать в кратчайшие сроки и с привлечением всех касательствующих ведомств. Подняли с пуховой постельки. Фас, говорят, бери след, старый пёс. Ну, насчёт постели это я приврал. — Мыльников оскалил жёлтые зубы как бы в улыбке, но глаза остались холодными, прищуренными. — Какие у нас, ищеек, нынче пуховики. Завидую вам, железнодорожным сибаритам. А я в кабинете ночевал, на стульчиках, по обыкновению. Зато, как видите, и поспел первым. Вот-с, допрашиваю ваших человечков — не японская ли мина.

— Господин инженер, — взволнованно обратился к Фандорину унтер, — да скажите их высокоблагородию. Помните меня? Лоскутов я, прежде в Фарфоровой на переезде служил. Вы нас зимой проверяли, остались довольны. Распорядились повышение дать. Всё честь по чести исполнил, как положено! Всюду сам лазил, за десять минут до литерного. Чисто было! Да и как бы супостату на мост пролезть? У меня с обоих концов часовые!

— Значит, чисто было? — переспросил Эраст Петрович и покачал головой. — Хорошо

смотрели?

— Да я... Да вот вам... — задохнулся унтер и рванул с головы фуражку. — Христом-Богом! Восьмой год... У кого угодно спросите, как Лоскутов службу справляет.

Инженер обернулся к Мыльникову:

— Что успели выяснить?

— Картинка ясная, — пожал тот плечами. — Обычная расейская чепуха. Впереди шёл курьерский. В Колпино остановился, должен был пропустить вперёд литерный с пушками. Вдруг телеграфист подаёт депешу: следовать дальше, литерный задерживается. Напутал кто-то. Только курьерский через мостишко перемахнул, сзади догоняет эшелон. Тяжеленный, сами видите. Если б ему тут на полной скорости проскочить, как положено, то ничего бы и не было. А он, видно, начал притормаживать, вот опоры и подломились. Будет путейскому начальству на орехи.

— Кто прислал телеграмму о з-задержке литерного? — весь подался вперёд Фандорин.

— В том-то и штука. Такой телеграммы никто не посылал.

— А где телеграфист, который её якобы принял?

— Ищем. Пока не нашли — смена у него кончилась. У инженера дёрнулся угол рта.

— Плохо ищите. Добудьте словесный портрет, если удастся — фотокарточку, и во всероссийский розыск, срочно.

У Мыльникова отвисла челюсть.

— Телеграфиста? Во всероссийский?

Фандорин поманил надворного советника пальцем, отвёл в сторону и тихо сказал:

— Это диверсия. Мост взорван.

— Откуда вы взяли?

Эраст Петрович повёл начальника филёров к пролому, стал спускаться по висящим рельсам. Мыльников, охая и крестясь, лез следом.

— Г-глядите.

Рука в серой перчатке показала на обугленную и расщеплённую шпалу, на заплетённый серпантинном рельс.

— С минуты на минуту придут наши эксперты. Наверняка обнаружат частицы взрывчатки...

Евстратий Павлович присвистнул, сдвинул котелок на затылок.

Дознатели висели над чёрной водой, слегка раскачиваясь на импровизированной лестнице.

— Так врёт жандарм, что осматривал? Или того хуже — в сговоре? Арестовать?

— Лоскутов — японский агент? Чушь. Тогда бы он сбежал, как колпинский т-телеграфист.

Нет-нет, никакой мины на мосту не было.

— Как же тогда? Мины не было, а взрыв был?

— Выходит, что так.

Надворный советник озабоченно насупился, полез по шпалам вверх.

— Пойти начальству доложить... Ну, теперь начнётся свистопляска.

Махнул рукой филёрам:

— Эй, лодку мне!

Однако в лодку не сел, передумал.

Посмотрел вслед Фандорину (тот шёл по направлению к курьерскому), почесал затылок и кинулся догонять.

Оглянувшись на топот, инженер кивнул на стоящий поезд:

— Неужто между составами была такая маленькая дистанция?

— Нет, курьерский остановился дальше, на стоп-кране. Потом машинист дал задний ход.

Проводники и некоторые из пассажиров помогали доставать из реки раненых. С этого берега до станции ближе, чем с того. Пригнали оттуда подвод, отвезли в больницу...

Эраст Петрович властным жестом подозвал начальника бригады. Спросил:

— Сколько пассажиров в поезде?

— Все места распроданы, господин инженер. Стало быть, триста двенадцать человек. Я извиняюсь, когда можно дальше следовать?

Двое из пассажиров находились неподалёку: армейский штабс-капитан и хорошенькая дама. Оба с головы до ног в грязи и тине. Офицер поливал своей спутнице на платок из чайника, та тщательно тёрла перепачканное личико. Оба с любопытством прислушивались к разговору.

От моста рысцой приближался взвод железнодорожных жандармов. Командир подбежал первым, откозырял:

— Господин инженер, прибыл в ваше распоряжение. Ещё два взвода на том берегу. Эксперты приступили к работе. Какие будут приказания?

— Оцепление с обеих сторон моста и вдоль берегов. К разлому никого не подпускать, хотя бы и генеральского чина. Иначе следствие слагает с себя всякую ответственность — так и говорите. Скажите Сигизмунду Львовичу, чтобы искал следы взрывчатки... Впрочем, не нужно, он сам увидит. Мне дайте писаря и четверых солдат, порасторопней. Да, вот ещё: вокруг курьерского тоже оцепление. Ни пассажиров, ни поездных без моего разрешения не выпускать.

— Господин инженер, — жалобно воскликнул начальник бригады, — ведь пятый час стоим!

— И п-простоите ещё долго. Мне нужно составить полный список пассажиров. Каждого будем допрашивать и проверять документы. Начнём с последнего вагона. А вы, Мыльников, занялись бы лучше пропавшим телеграфистом. Здесь я разберусь и без вас.

— Оно конечно. Тут вам и карты в руки, — не стал спорить Евстратий Павлович и даже замахал руками — мол, удаляюсь и ни на что не претендую, однако уйти не ушёл.

— Господа пассажиры, — уныло обратился железнодорожник к офицеру и даме, — извольте вернуться на свои места. Слыхали? Будет проверка документов.

* * *

— Беда, Гликерия Романовна, — шепнул Рыбников. — Пропал я.

Лидина вздыхала, разглядывая запачканную кровью кружевную манжетку, но тут вскинулась:

— Почему? Что случилось?

В немножко покрасневших, но все равно прекрасных глазах Василий Александрович прочёл немедленную готовность к действию и вновь, уже в который раз за ночь, подивился непредсказуемости этой столичной штучки.

Во время спасения тонущих и раненых Гликерия Романовна вела себя совершенно поразительно: не рыдала, истерик не закатывала, даже не плакала, лишь в особенно тягостные минуты закусывала нижнюю губку, так что к рассвету та совсем распухла. Рыбников только головой качал, глядя, как хрупкая дамочка тащит из воды контуженного солдата, как перевязывает оторванной от шёлкового платья тряпицей кровотокающую рану.

Раз, не выдержав, штабс-капитан даже пробормотал:

— Некрасов какой-то, поэма «Русские женщины». — И быстро оглянулся, не слышал ли кто этого замечания, плохо вязавшегося с обликом серого, затёртого офицеришки.

После того, как Василий Александрович спас её из лап чернявого неврастеника, а в

особенности после нескольких часов совместной работы, Лидина стала держаться со штабс-капитаном запросто, как со старым приятелем — видно, и она переменяла своё начальное мнение о соседе по купе.

— Да что стряслось? Говорите же! — воскликнула она, смотря на Рыбникова испуганными глазами.

— Со всех сторон пропал, — зашептал Василий Александрович, беря её под руку и медленно ведя по направлению к поезду. — Я ведь в Питер самовольно ездил, втайне от начальства. Сестра у меня хворает. Теперь откроется — беда...

— Гауптвахта, да? — расстроилась Лидина.

— Что гауптвахта, это разве беда. Ужасно другое... Помните, вы спросили про тубус? Ну, перед самым взрывом? Я и в самом деле оставил его в туалетной. Всегдашняя моя растерянность.

Гликерия Романовна спросила страшным шёпотом, прикрыв рукой губки:

— Секретные чертежи?!

— Да. Очень важные. В самовольную отлучку ездил, и то ни на минуту из рук не выпускал.

— И где ж они? Вы туда, ну, в туалетную, разве не заглядывали?

— Пропали, — замогильным голосом сказал Василий Александрович и повесил голову. — Взял кто-то... Это уж не гауптвахта — трибунал. По законам военного времени.

— Какой ужас! — У дамы округлились глаза. — Что же делать?

— У меня к вам просьба. — Дойдя до последнего вагона, Рыбников остановился. — Я сейчас, пока никто не смотрит, под колёса нырну, а после, улучив момент, с насыпи — и в кусты. Нельзя мне под проверку попадать. Так вы уж не выдавайте, а? Скажите, знать не знаю, куда подевался. Ехали — не разговаривали, на что мне этот мужлан? А чемоданчик мой, что на полке, с собой прихватите, я за ним после в Москве к вам наведаюсь. Остоженка, вы сказали?

— Да, дом Бомзе.

Лидина оглянулась на важного петербургского начальника и жандармов, тоже двинувшихся в сторону состава.

— Выручите, спасёте? — Рыбников отступил в тень вагона.

— Конечно! — На личике Гликерии Романовны появилось решительное, даже отчаянное выражение — как давеча, когда она кинулась к стоп-крану. — Я знаю, кто ваши чертежи украл! Тот противный субъект, который на меня бросился! Вот он отчего так торопился-то! И мост очень возможно, что он взорвал!

— Как взорвал? — не поспевал за её словами ошалевший Рыбников. — С чего вы взяли? Как он мог взорвать?

— Откуда мне знать, я же не военный! Бомбу какую-нибудь из окна бросил! Я вас обязательно выручу! И под вагон лазить незачем! — крикнула уже на бегу — так порывисто бросилась навстречу жандармам, что штабс-капитан хотел удержать, да не успел.

— Кто тут главный? Вы? — налетела Лидина на элегантного господина с седыми висками. — У меня важное известие!

Тревожно прищурившись, Рыбников заглянул под вагон, но нырять туда было поздно — теперь в эту сторону было устремлено множество глаз. Штабс-капитан стиснул зубы, двинулся вслед за Лидиной.

А та держала седоватого за рукав летнего пальто и с невообразимой быстротой стрекотала:

— Я знаю, кто вам нужен! Тут был один человек, такой неприятный брюнет, безвкусно одетый, с алмазным перстнем — камень огромный, но нечистой воды. Ужасно подозрительный! Очень в Москву торопился! Все-все остались, и многие помогали людей из реки вынимать, а он подхватил свой саквояж и уехал! Хуже, чем просто уехал. Когда первая подвода со станции

прибыла, за ранеными, он возницу подкупил. Дал ему деньги, много, и уехал. А раненого не взял!

— А ведь правда, — подхватил начальник поезда. — Пассажир из второго вагона, шестое купе. Я видел, он мужику сотенную дал — за телегу-то! И укатил на станцию.

— Ах, да помолчите вы, я ещё не всё рассказала! — сердито отмахнулась от него Лидина. — Я слышала, как он у того крестьянина спрашивал: «Паровоз маневровый на станции есть?» Это он и паровоз нанять хотел, чтоб поскорей сбежать! Я вам говорю — ужасно подозрительный!

Рыбников слушал насторожённо, ожидая, что сейчас она скажет и про якобы украденный тубус, но Гликерия Романовна, умница, про это подозрительнейшее обстоятельство умолчала, в очередной раз удивив штабс-капитана.

— Интере-есный пассажир, — протянул господин с седыми висками и энергичным жестом подозвал жандармского офицера. — Поручик! Пошлите на ту сторону. Там, в инспекторском вагоне мой слуга-китаец, вы его знаете. Пусть б-бегом сюда. Я буду на станции.

И быстро зашагал вдоль поезда.

— А что с курьерским, господин Фандорин? — крикнул ему вслед поручик.

— Отправляйте! — бросил заика, не останавливаясь.

Тёршийся неподалёку дядька с простоватой физиономией и вислыми усами щёлкнул пальцами — к нему подлетели двое неприметных людишек, и все трое о чем-то зашептались.

Гликерия Романовна вернулась к Рыбникову победительницей:

— Ну, видите, всё устроилось. Нечего вам, как зайцу, по кустам бегать. А чертёж ваш найдётся.

Но штабс-капитан смотрел не на неё, а в спину человеку, которого поручик назвал «Фандориным». Желтоватое лицо Василия Александровича было похоже на застывшую маску, в кошачьих глазах мерцали странные блики.

Слог первый, в котором Василий Александрович берёт отпуск

Распрощались по-дружески и, конечно, не навсегда — Рыбников пообещал, как обустроится, непременно навестить.

— Да уж пожалуйста, — строго сказала Лидина, пожимая ему руку. — Я буду волноваться из-за вашего тубуса.

Штабс-капитан уверил её, что теперь как-нибудь выкрутится, и расстался с очаровательной дамой, испытывая смешанное чувство сожаления и облегчения, причём последнее было много сильнее.

Тряхнув головой, отогнал неуместные мысли и первым делом наведалься на вокзальный телеграф. Там его ожидала телеграмма до востребования:

«Правление фирмы поздравляет блестящим успехом возражения снимаются можете приступать проэку получению товара извещу дополнительно».

Видимо, признание заслуг, а ещё более то, что снимаются какие-то возражения, было для Рыбникова очень важно. Он просветлел лицом и даже запел про тореадора.

Что-то в манере штабс-капитана переменилось. Мундир по-прежнему сидел на нем мешковато (после ночных приключений он ещё больше истрепался), но плечи Василия Александровича расправились, глаза смотрели бойчей и ногу он больше не приволакивал.

Взбежав по лестнице на второй этаж, где располагались служебные помещения, Рыбников уселся на подоконник, откуда просматривался весь широкий пустой коридор, и достал записную книжку, исписанную цитатами и афоризмами на все случаи жизни. Имелись тут и сакраментальное «Пуля дура, штык молодец», и «Русский медленно запрягает, да быстро едет», и «Кто пьян да умен, два угодыя в нём», а последняя из заинтересовавших Василия Александровича максим была такая: «Хоть ты и Иванов-Седьмой, а дурак. А. П. Чехов».

За Чеховым шли чистые странички, но штабс-капитан вынул плоский пузырьёк с бесцветной жидкостью, капнул на бумагу, растёр пальцем, и на листке проступили странные письмена, похожие на переплетённых змеек. Со следующими несколькими страничками он поступил точно таким же образом — и на тех тоже откуда ни возьмись повывлезали диковинные каракули. Некоторое время Рыбников внимательно их рассматривал. Потом немного подумал, пошевелил губами, запоминая. А нарисованные змейки через минуту-другую сами собой исчезли.

Он снова вернулся на телеграфный пункт, отбил две срочные телеграммы — в Самару и в Красноярск. Содержание было одинаковым: просьба прибыть в Москву «по известному делу» 25 мая и сообщение, что номер в «той же самой гостинице» заказан. Подписался штабс-капитан именем «Иван Гончаров».

На этом, кажется, спешные дела были окончены. Василий Александрович спустился в ресторан и с большим аппетитом покушал, причём не копейничал — даже позволил себе коньячку. Официанту на чай дал не экстравагантно, но прилично.

И это было только началом чудесной метаморфозы армейского замухрышки.

С вокзала штабс-капитан поехал на Кузнецкий мост, в одёжный магазин. Сказал приказчику, что по ранению отставлен «вчистую» и желает обзавестись приличным гардеробом.

Купил два хороших летних костюма, пиджак, несколько пар брюк, штилеты с гамашами и американские ботинки, английское кепи, соломенное канотье и полдюжины рубашек. Там же

переоделся, потрёпанный мундир спрятал в чемодан, шашку велел упаковать в бумагу.

Тут вот ещё что: в магазин Рыбников приехал на обычном «ваньке», а укатил на лаковой пролётке, из тех что берут полтинник за одну только посадку.

У типографской конторы Фухтеля щеголеватый седок выгрузился и ждать его не велел. Ему нужно было забрать заказ — сотню *cartes de visite* на имя корреспондента телеграфного агентства Рейтера, причём имя-отчество на карточках было его, рыбниковское, — Василий Александрович, а фамилия совсем другая: Стэн.

Оттуда новоиспечённый господин Стэн (или нет, чтоб не путаться, пусть уж остаётся Рыбниковым) отбыл и вовсе на пятирублевом лихаче. Велел доставить его на Чистые пруды в пансион «Сен-Санс», только сначала заехать куда-нибудь за букетом белых лилий. Молодцеватый кучер почтительно кивнул: «Понимаем-с».

* * *

Премилый ампирный особняк выходил оградкой прямо на бульвар. Судя по гирлянде из разноцветных лампичков, украшавшей ворота, пансион, должно быть, выглядел особенно нарядно в вечернее время. Но сейчас во дворе и на стоянке для экипажей было пусто, высокие окна белели опущенными гардинами.

Рыбников спросил, дома ли графиня Бовада, и подал швейцару свою карточку. Не прошло минуты — из глубин дома, который внутри оказался гораздо обширнее, чем выглядел снаружи, выплыла сдобная дама — немолодая, но ещё и нестарая, очень ухоженная, подкрашенная столь умело, что лишь опытный взор заметил бы следы косметических ухищрений.

При виде Рыбникова чуть хищноватое лицо графини на миг словно поджалось, но сразу вслед за тем просияло любезной улыбкой.

— Дорогой друг! Драгоценнейший... — Она искоса взглянула на визитную карточку. — Драгоценнейший Василий Александрович! Безумно рада вас видеть! И не забыли, что я обожаю белые лилии! Как мило!

— Я никогда ничего не забываю, мадам Беатриса, — приложился к сверкающей кольцами руке бывший штабс-капитан.

При этих словах хозяйка непроизвольно дотронулась до великолепных пепельных волос, уложенных в высокую причёску, и взглянула на склонённый затылок галантного гостя с беспокойством. Впрочем, когда Рыбников распрямился, на полных губах графини снова сияла прелестная улыбка.

В убранстве салона и коридоров преобладали пастельные тона, на стенах сверкали золотыми рамами копии Ватто и Фрагонара. Тем впечатлительней был контраст с кабинетом, куда её сиятельство провела посетителя: никаких игривостей и жеманностей — письменный стол с бухгалтерскими книгами, конторка, этажерка для бумаг. Было видно, что графиня — человек дела и терять время попусту не привыкла.

— Не тревожьтесь, — сказал Василий Александрович, садясь в кресло и закидывая ногу на ногу. — Всё в порядке. Вами довольны, здесь от вас не меньше пользы, чем раньше, в Порт-Артуре и Владивостоке. Я к вам не по делам. Устал, знаете ли. Решил взять небольшой отпуск, пожить на покое. — Он весело улыбнулся. — По опыту знаю: чем больше вокруг бардака, тем спокойнее.

Графиня Бовада обиделась:

— У меня не бардак, а лучшее заведение в городе! Всего за год работы мой пансион приобрёл отличную репутацию! К нам ходят очень приличные люди, которые ценят

благопристойность и тишину!

— Знаю-знаю, — всё с той же улыбкой перебил её Рыбников. — Именно поэтому я с поезда сразу к вам, дорогая Беатриса. Благопристойность и тишина — как раз то, что мне нужно. Не обременю?

Хозяйка очень серьезно ответила:

— Не нужно так говорить. Я вся в вашем распоряжении. — Немного поколебавшись, деликатно спросила. — Не угодно ли отдохнуть с какой-нибудь из барышень? Есть очень славные. Обещаю — забудете об усталости.

— Не стоит, — вежливо поблагодарил телеграфный корреспондент. — Возможно, мне придётся прогостить у вас две-три недели. Если я вступлю в особенные отношения с кем-то из ваших... пансионеров, это может вызвать ревность и склоку. Ни к чему.

Беатриса кивнула, признавая резонность довода.

— Я размещу вас в апартаменте из трех комнат, с особым входом. Это отделение для клиентов, готовых платить за полную приватность. Вам там будет удобней всего.

— Отлично. Ваши убытки, разумеется, будут возмещены.

— Благодарю. Помимо отгороженности от основной части дома, где по ночам иногда бывает довольно шумно, в апартаменте есть и другие удобства. Комнаты соединены потайными дверьми, что может оказаться кстати.

Рыбников хмыкнул:

— Держу пари, что там есть и фальшивые зеркала, через которые удобно вести секретное фотографирование. Как в Артуре, помните?

Графиня улыбнулась и промолчала.

Квартирой Рыбников остался доволен. Потратил несколько часов на обустройство, но в не совсем обычном смысле этого слова. К уюту и комфорту эти домашние хлопоты отношения не имели.

Лёг Василий Александрович за полночь и устроил себе царский отдых, какого не имел уже давно — проспал целых четыре часа, вдвое против обычного.

Слог второй, в котором Маса нарушает нейтралитет

Пассажир из шестого купе не разочаровал Эраста Петровича. Напротив, версия выглядела чем дальше, тем перспективней.

На станции Фандорин отыскал возницу, который увёз торопливого субъекта с берега Ломжи. Показания хорошенькой дамы подтвердились — крестьянин сказал, что немец и в самом деле отвалил сотню.

— Почему немец? — спросил инженер.

Возница удивился:

— Да нешто наш кинет сотню, когда тут красная цена пятиалтынный? — Подумав, добавил. — И говор у него чудной.

— Какой именно «чудной»? — допытывался Эраст Петрович, но туземец объяснить этого не сумел.

Гораздо труднее было установить, куда брюнет отправился далее. Начальник станции отговаривался незнанием, дежурный блеял и не смотрел в глаза, местный жандарм стоял по стойке «смирно» и прикидывался стоеросовой дубиной. Тогда, опять-таки вспомнив о словах бесценной свидетельницы, инженер спросил в лоб, где маневровый паровоз.

Жандарм моментально покрылся крупными каплями пота, дежурный побледнел, а начальник покраснел.

Выяснилось, что паровоз, вопреки правилам и инструкциям, на всех парах укатил брюнета вдогонку за пассажирским поездом, шедшим на час раньше курьерского. Сумасшедший брюнет (относительно его национальности мнения свидетелей расходились: начальник станции счёл его французом, дежурный поляком, а жандарм «жидком») совал направо и налево такие деньжищи, что устоять было невозможно.

Сомнений больше не оставалось: именно этот человек и нужен Фандорину.

Поезд, за которым погнался интересный пассажир, прибывал в Москву без четверти десять, так что времени оставалось в обрез.

Инженер дал телеграмму московскому представителю управления, а по совместительству начальнику Волоколамского участка подполковнику Данилову: встретить подозреваемого (следовало подробное описание) на вокзале; ни в коем случае не задерживать, а приставить самых толковых агентов в штатском и организовать слежку; более ничего не предпринимать до прибытия Эраста Петровича.

Движение по Николаевской дороге в связи с крушением остановилось, в петербургскую сторону выстроилась длинная очередь из пассажирских и грузовых составов, но в московском направлении дорога была чиста. Фандорин затребовал новейший пятиосный «компаунд» и, сопровождаемый верным камердинером, понёсся на восток со скоростью восемьдесят вёрст в час.

* * *

Последний раз Эраст Петрович был в родном городе пять лет назад, — втайне от всех, под вымышленным именем. Высшая московская власть недолюбливала отставного статского советника, причём до такой степени, что даже самое короткое пребывание во второй столице могло закончиться для него очень неприятным образом.

После того как Фандорин, пусть без соблюдения формальностей, но все же вернулся на государственную службу, ситуация сложилась престранная: облечённый доверием правительства и наделённый широчайшими полномочиями инженер в московской губернии продолжал считаться персоной нон-грата и в своих поездках старался не заезжать далее станции Бологое.

Но вскоре после нового года случилось происшествие, положившее конец этому многолетнему изгнанию, и если Эраст Петрович до сих пор не выбрался в родные палестины, то лишь по чрезвычайной загруженности работой.

Стоя рядом с машинистом и рассеянно глядя в жарко пылающую топку, Фандорин думал о предстоящем свидании с городом своей молодости и о событии, благодаря которому эта встреча стала возможной.

Событие было громкое — не только в переносном, но и в буквальном смысле. Московского генерал-губернатора, заклятого фандоринского недоброжелателя, прямо посреди Кремля разорвала на куски эсэровская бомба.

При всей неприязни к покойнику, человеку малодостойному и для города вредному, Эраст Петрович был потрясён случившимся.

Россия тяжело болела, её лихорадило, бросало то в жар, то в холод, из пор сочился кровавый пот, и дело здесь было не только в японской войне. Война лишь выявила то, что и так было ясно всякому думающему человеку: империя превратилась в анахронизм, в зажившегося на свете динозавра с огромным телом и слишком маленькой головой. То есть по размерам-то голова была здоровенная, раздутая множеством министерств и комитетов, но в этой башке прятался

крохотный и неотягощенный извилинами мозг. Всякое хоть сколько-то важное решение, любое движение неповоротливой туши было невозможно без воли одного-единственного человека, который, увы, и сам был не семи пядей во лбу. Но даже если бы он был титаном мысли, разве возможно в век электричества, радио, рентгена управлять огромной страной единолично, да ещё в перерывах между лаун-теннисом и охотой?

Вот и шатало бедного российского динозавра, могучие лапы заплетались, тысячеверстный хвост бессмысленно волочился по земле. Сбоку наскакивал, вырывая куски мяса, юркий хищник нового поколения, а в недрах исполинского организма разрасталась смертоносная опухоль. Чем лечить больного великана, Фандорин не знал, но уж во всяком случае не бомбами — от сотрясения маленький мозг ящера и вовсе ошалевает, исполинское тело задёргается в панических конвульсиях, и Россия умрёт.

Как обычно, избавиться от мрачных, бесплодных мыслей помогла мудрость Востока. Инженер выудил из памяти подходящий к случаю афоризм: «Благородный муж знает, что мир несовершенен, но не опускает рук». А за ним вспомнился и ещё один, уже не теоретического, но практического свойства: «Если в душе недовольство, определи фактор, нарушивший гармонию, и устрани его».

Фактор, нарушивший гармонию души Эраста Петровича, должен был с минуты на минуту прибыть в Москву, на Николаевский вокзал.

Только бы не сплеховал подполковник Данилов...

* * *

Данилов не сплеховал. Петербургского гостя встретил лично, прямо на запасном пути, куда прибыл «компаунд». Крутая физиономия подполковника светилась от возбуждения. Сразу после рукопожатия принялся докладывать.

Хороших агентов у него ни одного нет — всех переманили в Летучий отряд Охранного отделения, где и жалованье лучше, и награды, и свободы больше. Посему, зная, что господин инженер по пустякам тревожить не стал бы, Данилов тряхнул стариной и, взяв в помощь своего заместителя штабс-ротмистра Лисицкого, очень дельного офицера, проследил за объектом самолично.

Тут ажитация бравого Николая Васильевича стала инженеру понятна. Засиделся подполковник в кабинете, истомился без настоящего дела, оттого и кинулся с такой охотой играть в казаки-разбойники. Надо будет сказать, чтобы перевели на оперативную работу, мысленно пометил себе Фандорин, слушая азартный рассказ о том, как Данилов с помощником переоделись купчишками, как ловко организовали слежку на двух пролётках.

— В Петровско-Разумовском? — переспросил он. — В такой д-дыре?

— Ах, Эраст Петрович, сразу видно, что вы давненько у нас не бывали. Петровско-Разумовское теперь район фешенебельных дач. Например, та, куда мы проводили Брюнета, снята неким Альфредом Радзиковским за тысячу рублей в месяц.

— За тысячу? — поразился Фандорин. — Что же это за Фонтенбло такое?

— Именно что Фонтенбло. Сад в десятину, оранжерея, собственная конюшня, даже гараж. Я оставил штабс-ротмистра вести наблюдение, с ним двое унтер-офицеров, разумеется, в цивильном. Люди надёжные, но, конечно, не профессиональные филёры.

— Едем, — коротко сказал инженер.

Лисицкий — писанный красавец с заливчатски подкрученными усами — и вправду оказался человеком дельным. В кустах просидел не впустую, успел многое выяснить.

— Живут с размахом, — рапортовал он, иногда, на польский манер, смещая ударение на предпоследний слог. — Электричество, телефон, даже собственный телеграф. Ванная с душем! Два экипажа с чистокровными рысаками! В гараже авто! Гимнастический зал с велосипедными снарядами! Прислуга в кружевных фартучках! В зимнем саду вот такие попугаи!

— Про попугаев-то вы откуда знаете? — не выдержал Фандорин.

— Так я был там, — с хитрым видом сообщил штабс-ротмистр. — Ходил в садовники наниматься. Не взяли — сказали, есть уже. Но в оранжерею заглянуть позволили, там один у них — большой любитель флоры.

— "Один"? — быстро переспросил инженер. — А сколько их всего?

— Не знаю, но компания немаленькая. Я слышал с полдюжины разных голосов. Между прочим, — со значением сообщил Лисицкий, — между собой говорят по-польски.

— О чем? — вскричал подполковник. — Вы же знаете язык!

Молодой офицер развёл руками:

— При мне ничего существенного не говорили. За что-то хвалили Брюнета, называли «лихой башкой». Зовут его, кстати, Юзек.

— Это польские националисты из социалистической партии, я уверен! — воскликнул Данилов. — Читал в секретном циркуляре. Они спутались с японцами, те обещают в случае победы выговорить для Польши независимость. Их предводитель недавно ездил в Токио. Как бишь его...

— Пилсудский, — сказал Эраст Петрович, разглядывая дачу в бинокль.

— Да, Пилсудский. Видно, получил в Японии и деньги, и инструкции.

— П-похоже на то...

На даче происходило какое-то движение. Блондин в рубашке без воротничка и широких подтяжках, стоя у окна, кричал что-то в телефонную трубку. Раз, другой громко хлопнула дверь. Донеслось конское ржание.

— Похоже, к чему-то готовятся, — шепнул на ухо инженеру Лисицкий. — Уж с полчаса, как зашевелились.

— Не больно-то с нами церемонятся господа японские шпионы, — рокотал во второе ухо подполковник. — Конечно, наша контрразведка работает из рук вон, но это уж наглость: обустроиться с таким комфортом, в пяти минутах от Николаевской железной дороги. Зацапать бы их, голубчиков, прямо сейчас. Да жаль, не наша юрисдикция. Охранные с губернскими потом живьём сожрут. Если б в полосе отчуждения — другое дело.

— А мы вот что, — предложил штабс-ротмистр, — вызовем наш взвод, обложим дачу, а брать сами не будем, сообщим в полицию. Тогда не придерутся.

Фандорин в дискуссии участия не принимал — вертел головой, что-то высматривая. Возрился на свежеструганный столб, торчащий на обочине.

— Телефонный... Послушать бы, о чем толкуют...

— Каким образом? — удивился подполковник.

— Да отвод сделать, от с-столба.

— Простите, Эраст Петрович, но я ничего в технике не смыслю. Что такое «отвод»?

Однако Фандорин ничего объяснять не стал — он уже принял решение.

— Тут ведь близко платформа нашей Николаевской д-дороги...

— Так точно, Петровско-Разумовский полустанок.

— Там должен быть телефонный аппарат. Пошлите жандарма. Только живо, не теряя ни секунды. Вбегает, отрезает провод вместе с трубкой, под корень, и скорей обратно. Времени на объяснения не тратить — показать удостоверение, и всё. Марш!

Несколько мгновений спустя донёлся быстро удаляющийся топот сапог — унтер понёсся выполнять задание и через каких-нибудь десять минут примчался обратно со срезанной трубкой.

— Удачно, что длинный, — обрадовался инженер и поразил жандармов: скинул элегантное пальто и ловко, зажав в зубах складной нож, вскарабкался на столб.

Немного поколдовал над проводами, спустился вниз, держа в руке трубку — от неё вверх тянулся шнур.

Сказал штабс-ротмистру:

— Держите. Раз знаете польский, будете слушать.

Лисицкий пришёл в восхищение:

— Какая гениальная идея, господин инженер! Поразительно, что никто раньше не додумался! Ведь это же можно на телефонной станции учредить особый кабинет! Подслушивать разговоры подозрительных лиц! Сколько пользы для отечества! И как цивилизованно, в духе технического прогресса... — Офицер оборвал сам себя на полуслове, предостерегающе вскинул палец и страшным шёпотом сообщил. — Вызывают! Центральную!

Подполковник и инженер подались вперёд.

— Мужчина... Просит номер 398... — отрывисто шептал Лисицкий. — Там тоже мужской... По-польски... Первый назначает встречу... Нет, не встречу — сбор... На Ново-Басманной... У дома Варваринского акционерного общества... Операция! Он сказал «операция»! Всё, разъединился.

— Что за операция? — схватил за плечо помощника Данилов.

— Не сказал. Просто «операция», и всё. В полночь, а сейчас почти половина десятого. Тот они и суетятся.

— На Басманной? Дом Варваринского общества? — Эраст Петрович, сам не заметив, тоже перешёл на шёпот. — Что там, не знаете?

Офицеры, переглянувшись, пожали плечами.

— Нужна адресная к-книга.

Того же унтера снова отправили в набег на полустанок: вбежать в контору, схватить со стола справочник «Вся Москва», и со всех ног обратно.

— На полустанке решат, что в железнодорожной жандармерии служат психические, — посетовал подполковник, но больше для проформы. — Ничего, после всё вернём — и трубку, и книгу.

Следующие десять минут прошли в напряжённом ожидании. Бинокль чуть не вырывали друг у друга из рук. Видно было неважно — начинало темнеть, но на даче горели все окна, по шторам мелькали торопливые тени.

Навстречу запыхавшемуся унтер-офицеру кинулись втроём. Эраст Петрович на правах старшего схватил потрёпанный том. Сначала посмотрел, что за номер 398. Оказалось, «Большая Московская гостиница». Перешёл к разделу «Табель домов», открыл на Ново-Басманной — и кровь застучала в висках.

В доме, принадлежащем Варваринскому акционерному обществу, располагалось управление Окружного артиллерийского склада.

Заглянув через инженерovo плечо, подполковник ахнул:

— Ну конечно! Как это я сразу... Ново-Басманная! Там же склады, откуда отправляют снаряды и динамит в действующую армию! Всегда хранится не менее, чем недельный запас

боеприпасов. Но это же, господа... Это неслыханно! Чудовищно! Если они задумали взорвать — мало не пол-Москвы разнесёт! Ну, полячишки! Пардон, Болеслав Стефанович, я не в том смысле...

— Что взять с социалистов? — вступился за свою нацию штабс-ротмистр. — Пешки в руках японцев, не более. Но каковы азиаты! Воистину новые гунны! Никаких представлений о цивилизованной войне!

— Господа, господа! — перебил Данилов, его глаза загорелись. — Нет худа без добра! Артиллерийские склады примыкают к мастерским Казанской железной дороги, а это...

— А это уже наша территория! — подхватил Лисицкий. — Bravo, Николай Васильевич! Обойдёмся без губернских!

— И без охранных! — хищно улыбнулся его начальник.

* * *

Подполковник и штабс-ротмистр явили истинное чудо распорядительности: за два часа подготовили хорошую, обстоятельную засаду. Вести диверсантов от Петровско-Разумовского не стали — слишком рискованно. По ночному времени в аллеях дачного посёлка было пусто, да и, будто нарочно, всю светила луна. Разумнее было сосредоточить все усилия в одном месте, где у злоумышленников назначен сбор.

На акцию Данилов вывел весь наличный состав отделения, кроме занятых на дежурстве — 67 человек.

Большую часть жандармов расставил (вернее, разложил, ибо команда была «лежать тихо, не высовываться») по периметру складской территории, с внутренней стороны стены. За старшего там был Лисицкий. Сам подполковник с десятком лучших людей спрятался в здании дирекции.

Для того чтоб железнодорожной жандармерии позволили хозяйничать во владениях артиллерийского ведомства, пришлось поднять с постели начальника складов, старенького генерала, ещё успевшего повоевать с Шамилем. Тот так разволновался, что и не подумал придирается к тонкостям юрисдикции — сразу на всё согласился и лишь поминутно глотал сердечные капли.

Видя, что Данилов отлично справляется и без него, инженер от руководства засадой устранился. Они с Масой расположились в подворотне, напротив складских ворот. Это место Фандорин выбрал неслучайно. Если жандармы, не привычные к такого рода операциям, кого-то из диверсантов упустят, путь беглецам преградит Эраст Петрович, уж от него-то не уйдут. Подполковник, впрочем, понял подобный выбор инженера по-своему; в тоне окрылённого приготовлениями Николая Васильевича появилась лёгкая снисходительность: мол, понимаю и не осуждаю, человек вы штатский, под пули лезть не обязаны.

Едва все расположились по местам, едва нервный генерал, согласно инструкции, погасил у себя в кабинете свет и прижался лицом к оконному стеклу, как с Каланчевской площади донёлся звон башенных часов, и минуту спустя на тёмную улицу с двух сторон вкатились пролётки — две от Рязанского проезда, одна от Елоховской. Съехались перед зданием управления, из экипажей вылезли люди (Фандорин насчитал пятерых, да трое остались на козлах). Зашушукались о чём-то.

Инженер вынул из кармана красивый плоский пистолет, изготовленный на заказ бельгийским заводом Браунинга, передёрнул затвор. Камердинер демонстративно отвернулся.

Ну же, вперёд, мысленно поторопил Эраст Петрович поляков и вздохнул — надежды на то, что даниловские орлы хоть кого-то возьмут живьём, было немного. Ничего, кто-то из злодеев

должен остаться при лошадях. Счастливчик, его минует жандармская пуля, он попадёт в руки к Фандорину.

Переговоры закончились. Но вместо того чтобы двинуться к дверям управления или прямо к воротам, диверсанты снова расселись по пролёткам. Щёлкнули кнуты, все три пролётки, набирая скорость, понеслись прочь от складов, в сторону Доброй Слободы.

Что-то заметили? Изменили план?

Эраст Петрович выбежал из подворотни.

Коляски уже скрылись за углом.

Инженер сдёрнул с плеч своё замечательное пальто и побежал в том же направлении.

Слуга подобрал брошенное пальто и, пыхтя, затрусил сзади.

Когда подполковник Данилов и его жандармы выскочили на крыльцо, на Новой Басманной улице было пусто. Стук копыт затих вдали, в небе сияла безмятежная луна.

* * *

Оказалось, что Эраст Петрович Фандорин, ответственный сотрудник серьёзнейшего ведомства, человек не первой молодости, не только умеет лазить по столбам, но и фантастически быстро бегают, притом не производя шума и оставаясь почти невидимым — бежал он вдоль самых стен, где ночные тени гуще всего, лунные пятна огибал или перемахивал гигантским прыжком. Больше всего инженер был сейчас похож на призрак, стремительно несущийся вдоль тёмной улицы по каким-то своим потусторонним делам. Хорошо, не встретился какой-нибудь поздний прохожий — беднягу ждало бы нешуточное потрясение.

Пролётки Фандорин нагнал довольно скоро. После этого стал бежать потише, чтобы не сокращать дистанцию.

Погоня, впрочем, продолжалась недолго.

За Фон-Дервизовской женской гимназией коляски остановились. Встали колесо к колесу, один из кучеров собрал в пучок вожжи, остальные семеро направились к двухэтажному дому со стеклянной витриной.

Один повозился с дверью, махнул рукой, и вся компания исчезла внутри.

Эраст Петрович, высунувшись из-за угла, соображал, как подобраться к кучеру. Тот стоял на козлах, зорко поглядывая по сторонам. Все подходы были ярко освещены луной.

Тут подоспел запыхавшийся Маса. Поняв по лицу Фандорина, что тот вот-вот приступит к решительным действиям, перебросил через плечо фальшивую косу, сердито зашептал по-японски:

— Я вмешаюсь, только если сторонники его величества микадо станут вас убивать. А если вы сами станете убивать сторонников его величества микадо, то на мою помощь не рассчитывайте.

— Отстань, — ответил Эраст Петрович по-русски. — Не мешай.

Из дома донёсся приглушённый крик. Медлить больше было нельзя.

Инженер беззвучно перебежал к ближайшему фонарю, спрятался за него. До кучера оставалось с десятков шагов.

Достав из кармана украшенный монограммой портсигар, Фандорин швырнул его в противоположную сторону.

Кучер дёрнулся на звон, повернулся к фонарю спиной.

Это-то и требовалось. В три прыжка Фандорин преодолел разделявшее их расстояние, вскочил на подножку и сдавил вознице шею. Тот обмяк, инженер аккуратно уложил его на

брусчатку, возле дутых шин.

Отсюда можно было разглядеть вывеску, висевшую над дверью.

«ИОСИФ БАРАНОВ. БРИЛЛИАНТОВЫЕ, ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ»,

прочёл инженер и пробормотал:

— Ничего не понимаю.

Перебежал к витрине, заглянул внутрь — благо в магазине зажглось несколько электрических фонарей.

Внутри было темно, лишь мелькали проворные тени. Но вдруг внутренность помещения озарилась нестерпимо ярким сиянием, во все стороны рассыпался огненный дождь, и стало видно стеклянные прилавки, снующих вдоль них людей и дверцу сейфа, над которой склонился человек с газосварочным аппаратом — самоновейшей конструкции, Эраст Петрович видел такой на картинке во французском журнале.

На полу, прижавшись к стене, сидел связанный человек, по виду — ночной сторож: рот заклеен пластырем, по разбитой голове стекает кровь, безумные глаза таращатся на сатанинское пламя.

— До чего д-докатилась японская агентура! — обернулся Фандорин к подошедшему камердинеру. — Неужто у Японии так плохо с деньгами?

— Сруги его веричества микадо не грабят, — ответил Маса, разглядывая живописное зрелище. — Это нарётчики. «Московские рихачи» — я читар в газете: наретают на авто ири на рихачах, очень руют прогресс. — Лицо японца просияло улыбкой. — Как хорошо! Господин, я могу вам помогать!

Эраст Петрович уже и сам понял, что стал жертвой заблуждения — принял обычных варшавских бандитов, прибывших на гастроли в Москву, за диверсантов. Сколько времени потрачено впустую!

А как же Брюнет, пассажир из шестого купе, столь подозрительным манером скрывшийся с места катастрофы?

Да очень просто, ответил сам себе инженер. В Петербурге третьего дня совершено дерзкое ограбление, о котором взахлёб писали все газеты. Неизвестный в маске остановил карету графини Воронцовой, обобрал её сиятельство до нитки и оставил на дороге голой, в одной шляпке. Пикантность в том, что именно в тот вечер графиня поссорилась с мужем и переезжала в родительский дом, тайком прихватив с собой все драгоценности. То-то Лисицкий рассказывал, что обитатели дачи называли Брюнета «лихой башкой» — и в Питере дело провернул, и к московской акции поспел.

Если б не горькое разочарование, не досада на самого себя, Эраст Петрович вряд ли стал бы вмешиваться в уголовщину, но злость требовала выхода — да и ночного сторожа было жалко, не прирезали бы.

— Братъ, когда станут выходить, — шепнул он слуге. — Одного ты, одного я.

Маса кивнул и облизнулся. Но судьба распорядилась иначе.

— Панове, шухер! — отчаянно крикнул кто-то — должно быть, увидел за стеклом две тени.

В ту же секунду ацетиленовое сияние погасло, вместо него из крошечной тьмы грохнул багровый выстрел.

Фандорин и японец с идеальной синхронностью отпрыгнули в разные стороны. Витрина рассыпалась с оглушительным звоном.

Из магазина стреляли ещё, но теперь уж вовсе впустую.

— Кто выпрыгнет — твои, — скороговоркой бросил инженер.

Пригнувшись, ловко перекатился через засыпанный осколками подоконник и растворился в чёрных недрах магазина.

Там орали, матерились по-русски и по-польски, доносились звуки коротких, хлёстких ударов, а по временам помещение озарялось вспышками выстрелов.

Вот из двери, вжав голову в плечи, вылетел человек в клетчатой кепке. Маса сделал ему подсечку, припечатал беглеца ударом пониже затылка. Проворно связал, оттащил к пролёткам, где уже лежал придушенный инженером возница.

Вскоре из витрины выпрыгнул ещё один и, не оглядываясь, кинулся наутёк. Японец без труда догнал его, схватил за кисть и легонько повернул — налётчик, взвизгнув, скрючился.

— Чихо, чихо, — уговаривал пленника Маса, быстро прикручивая ему ремнём запястья к щиколоткам.

Перенёс к тем двоим, вернулся на исходную позицию.

В магазине уже не шумели. Послышался голос Фандорина:

— Один, два, три, четыре... где же пятый... ах, вот — пять. Маса, у тебя сколько?

— Три.

— Сходится.

Из ощеренного стеклянными зазубринами прямоугольника высунулся Эраст Петрович.

— Беги на склад, приведи жандармов. Да поживей, а то эти очухаются, и снова з-здорово.

Слуга убежал в сторону Ново-Басманной.

Фандорин же распутал сторожа, немножко похлопал по щекам, чтобы привести в разум. Но сторож в разум приходиться не хотел — мычал, жмурился, трясся в сухой икоте. По-медицински это называлось «шок».

Пока Эраст Петрович тёр ему виски, пока нащупывал нервный узел пониже ключицы, начали шевелиться оглушённые налётчики.

Один бугаище, всего пять минут назад получивший отменный удар ботинком в подбородок, сел на полу, замотал башкой. Пришлось оставить икающего сторожа, отвесить воскресшему добавки.

Едва тот ткнулся носом в пол, пришёл в себя другой — встал на четвереньки и шустро пополз к выходу. Эраст Петрович кинулся за ним, оглушил.

В углу копошился третий, а на улице, где Маса разложил свою икэбану, тоже происходил непорядок: в свете фонаря было видно, как кучер зубами пытается развязать узел на локтях у подельника.

Фандорин подумал, что похож сейчас на клоуна в цирке, который подбросил вверх несколько шариков и теперь не знает, как со всеми ними управиться — пока подберёшь с пола один, сыплются другие.

Бросился в угол. Темноволосый бандит (уж не тот ли самый Юзек?) не только очнулся, но и успел достать нож. Удар, для верности ещё один. Лёг.

И со всех ног к пролёткам — пока те трое не расползлись.

Черт, куда же провалился Маса?

* * *

Но фандоринский камердинер так и не добрался до подполковника Данилова, беспомощно топтавшегося со своими людьми у дома Варваринского общества.

На первом же углу ему под ноги бросился юркий человечек, ещё двое навалились сверху, заломили руки. Маса рычал и даже пытался кусаться, но скрутили его крепко, профессионально.

— Евстратьпалыч! Один есть! Китаеза! Говори, ходя, где пальба?

Масу дёрнули за косу — с головы слетел парик.

— Ряженный! — торжественно закричал тот же голос. — А рожа косоглазая, японская! Шпион, Евстратьпалыч!

Подожёл ещё один, в шляпе-котелке. Похвалил:

— Молодцы.

Нагнулся к Масае:

— Здравия желаю, ваше японское благородие. Я надворный советник Мыльников, особый отдел Департамента полиции. Каково ваше имя, звание?

Задержанный попытался злобно лягнуть надворного советника в голень, но не преуспел. Тогда шипяще заругался по-чужестранному.

— Что уж браниться, — укорил его Евстратий Павлович, держась на расстоянии. — Попались — не чирикайте. Вы, должно быть, офицер японского генерального штаба, дворянин? Я тоже дворянин. Давайте уж честь по чести. Что вы тут затеяли? Что за стрельба, что за беготня? Посвети-ка мне, Касаткин.

В жёлтом круге электрического света возникла перекошенная от ярости узкоглазая физиономия, блестящий ёжик коротко стриженных волос.

Мыльников растерянно пролепетал:

— Это же... Здравьете, господин Маса...

— Скорько рет скорько зим, — прошипел фандоринский камердинер.

Слог третий, в котором Рыбников попадает в переплёт

Все последние месяцы Василий Александрович Рыбников (ныне Стэн), жил лихорадочной, нервической жизнью, переделывая сотню дел за день и отводя на сон не более двух часов (которых ему, впрочем, совершенно хватало — просыпался он всегда свежим, как огурчик). Но поздравительная телеграмма, полученная им наутро после крушения на Тезоименитском мосту, освобождала бывшего штабс-капитана от рутинной работы, позволив целиком сосредоточиться на двух главных заданиях, или, как он про себя их называл, «проектах».

Всё, что необходимо было сделать на предварительной стадии, новоиспечённый корреспондент Рейтера исполнил в два первые дня.

Для подготовки главного «проекта» (речь шла о передаче крупной партии некоего товара) достаточно было всего лишь отправить получателю с легкомысленной кличкой Дрозд письмо внутригородской почтой — мол, ждите поставку в течение одной-двух недель, всё прочее согласно договорённости.

По второму «проекту», второстепенному, но все равно очень большого значения, хлопот тоже было немного. Кроме уже поминавшихся телеграмм в Самару и Красноярск, Василий Александрович заказал в стеклодувной мастерской две тонкие спиральки по представленному им чертежу, доверительно шепнув приёмщику, что это детали спиртоочистительного аппарата для домашнего употребления.

По инерции или, так сказать, в *pendant* суетливой питерской жизни, ещё денька два-три Рыбников побегал по московским военным учреждениям, где корреспондентская карточка обеспечивала ему доступ к разным осведомлённым лицам — известно ведь, как у нас любят иностранную прессу. Самозванный репортёр узнал много любопытных и даже полуконфиденциальных сведений, которые, будучи сопоставлены и проанализированы, превращались в сведения уже совершенно конфиденциальные. Однако затем Рыбников спохватился и всякое интервьюирование прекратил. По сравнению с важностью порученных ему «проектов», всё это была мелочь, из-за которой не стоило рисковать.

Усилием воли Василий Александрович подавил зуд активной деятельности, выработанный

долгой привычкой, и заставил себя побольше времени проводить дома. Терпеливость и умение пребывать в неподвижности — тяжкое испытание для человека, который привык ни минуты не сидеть на месте, но Рыбников и тут проявил себя молодцом.

Из человека энергического он мигом превратился в сибарита, часами просиживающего в кресле у окна и разгуливающего по квартире в халате. Новый ритм его жизни отлично совпал с распорядком весёлых обитательниц «Сен-Санса», которые просыпались к полудню и часов до семи вечера разгуливали по дому в папильотках и шлёпанцах. Василий Александрович в два счета наладил с девушками чудесные отношения.

В первый день барышни ещё дичились нового жильца и оттого строили ему глазки, но очень скоро распространился слух, что это Беатрискин *дуся*, и лирические поползновения сразу прекратились. На второй день «Васенька» уже стал всеобщим любимцем. Он угощал девиц конфетами, с интересом выслушивал их враньё, да к тому же ещё и брэнчал на пианино, распевая чувствительные романсы приятным, немножко слащавым тенором.

Рыбникову и в самом деле было интересно общаться с пансионерками. Он обнаружил, что эта болтовня, если её правильно направить, даёт не меньше пользы, чем рискованная беготня по фальшивым интервью. Заведение графини Бовада было поставлено на хорошую ногу, сюда навевались мужчины с положением. Иногда в салоне они обсуждали между собой служебные дела, да и потом, уже в отдельном кабинете, разнежившись, бывало, обронят что-нибудь совсем уж любопытное. Должно быть, полагали, что пустоголовые барышни все равно ничего не поймут. Девушки и вправду разумом были не Софьи Ковалевские, но обладали цепкой памятью и ужасно любили сплетничать.

Таким образом, чаепития у пианино не только помогали Василию Александровичу убивать время, но и давали массу полезных сведений.

К сожалению, в первый период добровольного штабс-капитанова отшельничества воображение барышень было всецело поглощено сенсацией, о которой гудела вся первопрестольная. Полиция наконец захватила знаменитую шайку «лихачей». В Москве об этом писали и говорили больше, чем о Цусиме. Известно было, что на поимку дерзких налётчиков был прислан специальный отряд самых лучших сыщиков из Петербурга — москвичам это льстило.

Про рыжую Манон по прозвищу «Вафля» знали, что к ней хаживал один из «лихачей», красавец-поляк, настоящий цыпа-ляля, поэтому теперь Вафля носила чёрное и держалась загадочно. Остальные девочки ей завидовали.

В эти дни Василий Александрович не раз ловил себя на том, что думает о соседке по купе — возможно, оттого, что Лидина была полной противоположностью чувствительным, но грубым душой обитательницам «Сен-Санса». Рыбникову вспоминалось, как Гликерия Романовна бросилась к стоп-крану или как она, бледная, с закушенной губой, перетягивает обрывком юбки разорванную артерию на ноге у раненого.

Удивляясь на самого себя, затворник гнал эти картины прочь, они не имели к его жизни и нынешним интересам никакого отношения.

Для моциона отправлялся на прогулку по бульварам — до Храма Спасителя и обратно. Москву Василий Александрович знал не очень хорошо, и поэтому ужасно удивился, случайно взглянув на табличку с названием улицы, что уходила от прославленного собора наискось и вверх.

Улица называлась «Остоженка».

«Дом Бомзе на Остоженке», как наяву услышал Василий Александрович мягкий, по-петербургски чеканящий согласные голос.

Прошёлся вверх по асфальтовой, застроенной красивыми домами улице, но вскоре

опомнился и повернул обратно.

И все же с того раза у него вошло в привычку, дойдя до конца бульварной подковы, делать петельку с захватом Остоженки. Проходил Рыбников и мимо доходного дома Бомзе — шикарного, четырехэтажного. От праздности настроение у Василия Александровича было непривычно-рассеянное, так что, поглядывая на узкие венские окна, он даже позволял себе немножко помечтать о том, чего никогда и ни за что произойти не могло.

Ну, и домечтался.

На пятый день прогулок, когда мнимый репортёр, постукивая тросточкой, спускался по Остоженке к Лесному проезду, его окликнули из пролётки:

— Василий Александрович! Вы?

Голос был звонкий, радостный.

Рыбников так и замер, мысленно проклиная своё легкомыслие. Медленно повернулся, изобразил удивление.

— Куда же вы пропали? — возбуждённо щебетала Лидина. — Как не стыдно, ведь обещали! Почему вы в штатском? Отличный пиджак, вам в нем гораздо лучше, чем в том ужасном мундире! Что чертежи?

Последний вопрос она задала, уже спрыгнув на тротуар, шёпотом.

Василий Александрович осторожно пожал узкую руку в шёлковой перчатке. Он был растерян, что с ним случилось крайне редко — можно сказать, даже вовсе никогда не случилось.

— Плохо, — промямлил наконец. — Вынужден скрываться. Потому и в штатском. И не пришёл тоже поэтому... От меня сейчас, знаете ли, лучше держаться подальше. — Для убедительности Рыбников оглянулся через плечо и понизил голос. — Вы езжайте себе, а я пойду. Не нужно привлекать внимание.

Лицо Гликерии Романовны стало испуганным, но она не тронулась с места.

Тоже оглянулась, и — ему, в самое ухо:

— Военный суд, да? И что — каторжные работы? Или... или хуже?

— Хуже. — Он чуть отстранился. — Что поделаешь, сам виноват. Кругом виноват. Правда, Гликерия Романовна, милая, пойду я.

— Ни за что на свете! Чтоб я бросила вас в беде! Вам, наверное, нужны деньги? У меня есть. Пристанище? Я что-нибудь придумаю. Господи, какое несчастье! — в глазах дамы заблестели слезы.

— Нет, благодарю. Я живу у... у тёти, сестры покойной матушки. Ни в чем не нуждаюсь. Видите, каким я щёголем... Право же, на нас смотрят.

Лидина взяла его за локоть.

— Вы правы. Садитесь в коляску, мы поднимем верх.

И не стала слушать, усадила — он уже знал, что эту не переупрямишь. Примечательно, что железная воля Василия Александровича в эту минуту не то чтобы ослабела, но как бы на время *отвлеклась*, и нога сама ступила на подножку.

Прокатились по Москве, разговаривая о всякой всячине. Поднятый фартук коляски придавал самой невинной теме пугающую Рыбникова интимность. Несколько раз он принимал твёрдое решение выйти у первого же угла, но как-то не складывалось. Лидину же более всего волновало одно — как помочь бедному беглецу, над которым навис безжалостный меч законов военного времени.

Когда Василий Александрович наконец распрощался, пришлось пообещать, что завтра он придёт на Пречистенский бульвар. Лидина будет снова ехать на извозчике, увидит его будто по случайности, окликнет, и он снова к ней сядет. Ничего подозрительного, обычная уличная сценка.

Давая обещание, Рыбников был уверен, что не исполнит его, но назавтра с волей железного человека вновь приключился уже поминавшийся необъяснимый феномен. Ровно в пять ноги сами принесли корреспондента к назначенному месту, и прогулка повторилась.

То же случилось и на следующий день, и в день после этого.

В их отношениях не было и тени флирта — за этим Рыбников следил строго. Никаких намёков, взглядов или, упаси Боже, вздохов. Разговоры по большей части были серьёзные, да и тон вовсе не такой, в каком мужчины обыкновенно разговаривают с красивыми дамами.

— Мне с вами хорошо, — призналась однажды Лидина. — Вы не похожи на остальных. Не интересничаете, не говорите комплиментов. Чувствуется, что я для вас не существо женского пола, а человек, личность. Никогда не думала, что смогу дружить с женщиной и что это так приятно!

Должно быть, что-то переменялось в выражении его лица, потому что Гликерия Романовна покраснела и виновато воскликнула:

— Ах, какая я эгоистка! Думаю только о себе! А вы на краю бездны!

— Да, я на краю бездны... — глухо пробормотал Василий Александрович, и так убедительно у него это прозвучало, что на глаза Лидиной навернулись слезы.

* * *

Гликерия Романовна теперь думала о бедном Васе (про себя называла его только так) все время — и до встреч, и после. Как ему помочь? Как спасти? Он рассеянный, беззащитный, не приспособленный для военной службы. Что за глупость надевать на такого офицерскую форму! Достаточно вспомнить, как он в этом наряде смотрелся! Ну, потерял какие-то чертежи, велика важность! Скоро война закончится, никто об этих бумажках и не вспомнит, а жизнь хорошего человека будет навсегда сломана.

Каждый раз являлась на свидание окрылённая, с новым планом спасения. То предлагала нанять искусного чертёжника, который сделает точь-в-точь такой же чертёж. То придумывала, что обратится за помощью к большому жандармскому генералу, своему доброму знакомому, и тот не посмеет отказать.

Всякий раз, однако, Рыбников переводил разговор на отвлечённости. О себе рассказывал скупо и неохотно. Лидиной очень хотелось узнать, где и как прошло его детство, но Василий Александрович сообщил лишь, что маленьким мальчиком любил ловить стрекоз, чтоб потом пускать их с высокого обрыва и смотреть, как они зигзагами мечутся над пустотой. Ещё любил передразнивать голоса птиц — и правда, до того похоже изобразил кукушку, сороку и лазоревку, что Гликерия Романовна захлопала в ладоши.

На пятый день прогулок Рыбников возвращался к себе в особенной задумчивости. Во-первых, потому что до перехода обоих «проектов» в ключевую стадию оставалось менее суток. А во-вторых, потому, что знал: с Лидиной он нынче виделся в последний раз.

Гликерия Романовна сегодня была особенно мила. Ей пришло в голову сразу два плана рыбниковского спасения: один уже поминавшийся, про жандармского генерала, и второй, который ей особенно нравился — устроить бегство за границу. Она увлечённо расписывала преимущества этой идеи, возвращалась к ней снова и снова, хотя он сразу сказал, что не получится — арестуют на пограничном пункте.

Беглый штабс-капитан шагал вдоль бульвара с непреклонно выпяченной челюстью, от задумчивости в зеркальные часы совсем не поглядывал.

Правда, достигнув пансиона и войдя в свою отдельную квартиру, по привычке к

осторожности выглянул-таки из-за занавески.

И заскрипел зубами: у тротуара напротив стоял извозчий экипаж с поднятым верхом — и это несмотря на ясную погоду. Возница пялился на окна «Сен-Санса», седока же было не видно.

В голове Рыбникова замелькали быстрые, обрывистые мысли.

Как?

Почему?

Графиня Бовада?

Исключено.

Но больше никто не знает.

Старые контакты оборваны, новые ещё не завязались.

Версия могла быть только одна: чёртово агентство Рейтера. Кто-нибудь из проинтервьюированных генералов пожелал внести какие-то исправления или дополнения, позвонил в московское представительство Рейтера и обнаружил, что никакого Стэна там не числится. Переполошился, сообщил в Охранное... Но даже если так — как его нашли?

И тут вероятность получалась всего одна: случайно.

Кто-то из особенно везучих агентов по словесному описанию (эх, надо было хотя бы поменять гардероб!) опознал на улице и теперь ведёт слежку.

Но если случайно, дело поправимое, сказал себе Василий Александрович и сразу успокоился.

Прикинул расстояние до коляски: шестнадцать, нет семнадцать шагов.

Мысли стали ещё короче, ещё стремительней.

Начать с седока, он профессионал... Сердечный припадок... Я тут живу — помоги-ка, братец, занести... Беатриса будет недовольна... Ничего, назвалась груздем... А коляску? Вечером, это можно вечером.

Додумывал уже на ходу. Неспешно, позевывая, вышел на крыльцо, потянулся. Рука небрежно помахивала длинным мундштуком — пустым, без папиросы. Ещё Рыбников достал из кармана плоскую таблетницу, вынул из неё что-то, сунул в рот.

Проходя мимо извозчика, заметил, как тот косится на него.

Василий Александрович на кучера никакого внимания. Зажал мундштук зубами, быстро отдёрнул фартук на пролётке — и замер.

В экипаже сидела Лидина.

Мертвенно побледнев, Рыбников выдернул изо рта мундштук, закашлялся, сплюнул в платок.

Она несколько не выглядела смущённой. С хитрой улыбкой сказала:

— Так вот вы где живёте, господин конспиратор! У вашей тётушки красивый дом.

— Вы за мной следили? — выдавил Василий Александрович, думая: ещё бы секунда, доля секунды, и...

— Ловко, да? — засмеялась Гликерия Романовна. — Сменила извозчика, велела ехать шагом, на отдалении. Сказала, что вы мой муж, что я подозреваю вас в измене.

— Но... зачем?

Она стала серьёзной.

— Вы так на меня посмотрели, когда я сказала «до завтра»... Я вдруг почувствовала, что вы завтра не придёте. И вообще больше никогда не придёте. А я даже не знаю, где вас искать... Я же вижу, что наши встречи отягощают вашу совесть. Вы думаете, что подвергаете меня опасности. И знаете, что я придумала? — оживлённо воскликнула Лидина. — Познакомьте меня с вашей тётей. Она — ваша родственница, я — ваш друг. Вы не представляете, какая сила — две женщины, вступившие в союз.

— Нет! — отшатнулся Рыбников. — Ни в коем случае!

— Ну так я сама войду, — объявила Лидина, выражение лица у неё сделалось таким же, как в коридоре курьерского поезда.

— Хорошо, если вы так хотите... Но я должен предупредить тётушку, у неё больное сердце, она вообще очень не любит неожиданностей, — в панике понёс чушь Василий Александрович. — Тётя содержит пансион для благородных девиц. Там свои правила... Давайте завтра. Да-да, завтра. Ближе к вечеру...

— Десять минут, — отрезала она. — Жду десять минут, потом войду сама.

И демонстративно взялась за алмазные часики, что висели у неё на шее.

* * *

Графиня Бовада была особой редкостной сообразительности, это Рыбников про неё давно знал. Она поняла с полуслова, не потратила ни секунды на вопросы и сразу перешла к действию.

Вряд ли какая-нибудь другая женщина была бы способна за десять минут превратить бордель в пансион для благородных девиц.

Ровно десять минут спустя (Рыбников подсматривал из-за шторы) Гликерия Романовна расплатилась с извозчиком и с решительным видом вышла из коляски.

Дверь ей открыл солидный швейцар, с поклоном повёл по коридору навстречу звукам фортепиано.

Пансион приятно удивил Лидину богатством убранства. Немножко странным ей показалось, что в стенах кое-где торчат гвоздики — будто там висели картины, но их сняли. Должно быть, унесли протирать пыль, рассеянно подумала она, волнуясь перед важным разговором.

В уютном салоне две хорошеньких девушки в гимназической форме старательно наигрывали в четыре руки «Собачий вальс».

Приподнялись, сделали неловкий книксен, хором сказали: «Бонжур, мадам».

Гликерия Романовна ласково улыбнулась их смущению. Когда-то она сама была такой же дикаркой, росла в искусственном мирке Смольного института: полудетские мечты, тайное чтение Флобера, девичьи откровения в тиши дортуара...

Здесь же, у пианино, стоял Вася — его некрасивое, но милое лицо выглядело сконфуженным.

— Тётенька ждёт вас. Я провожу, — пробормотал он, пропуская Лидину вперёд.

Фира Рябчик (амплуа «гимназистка») придержала Рыбникова за полу пиджака:

— Вася, это твоя благоверная? Характерная дамочка. Не трусь, обойдётся. Мы остальных по комнатам заперли.

Слава Богу, и она, и Лионелка по дневному времени были ещё не накрашены.

А из дверей навстречу гостье уже плыла Беатриса — величественная, как мать-императрица Мария Федоровна.

— Графиня Бовада, — представилась она с любезной улыбкой. — Васюша мне столько о вас рассказывал!

— Графиня? — пролепетала Лидина.

— Да, мой покойный муж был испанским грандом, — скромно обронила Беатриса. — Прошу пожаловать в кабинет.

Прежде чем последовать за хозяйкой, Гликерия Романовна шепнула:

— Так вы в свойстве с испанскими грандами? Любой другой непременно бы похвастался.

Все-таки вы необыкновенный.

В кабинете было уже легче. Графиня держалась уверенно, инициативы из рук не выпускала.

Идею бегства за границу горячо одобрила. Сказала, что документы для племянника достанет, самые надёжные. Затем разговор двух дам повернул в географическую сторону: куда бы эвакуировать обожаемого «Васюшу», При этом выяснилось, что вдова испанского гранда объездила чуть не весь мир. С особенным чувством она отзывалась о Порт-Саиде и Сан-Франциско.

Рыбников в обсуждении участия не принимал, лишь нервно похрустывал пальцами.

Ничего, говорил он себе мысленно. Завтра 25-ое, а там всё равно.

Слог четвёртый, в котором Фандорину делается страшно

Мрачное бешенство — так вернее всего было бы обозначить настроение, в котором пребывал Эраст Петрович. За долгую жизнь ему случалось не только одерживать победы, но и терпеть поражения, но, кажется, никогда ещё он не чувствовал себя столь глупо. Должно быть, так ощущает себя китобой, гарпун которого, вместо того чтоб пронзить кашалота, расшугал стайку мелких рыбёшек.

Ну разве можно было усомниться в том, что треклятый Брюнет и есть японский агент, устроивший диверсию? Виновно было нелепое стечение обстоятельств, но это служило инженеру слабым утешением.

Драгоценное время было потрачено попусту, след безнадёжно упущен.

Московский градоначальник и сыскная полиция хотели выразить Фандорину сердечную благодарность за поимку обнаглевшей банды, но Эраст Петрович ушёл в тень, все лавры достались Мыльникову и его филёрам, которые всего лишь доставили связанных налётчиков в ближайший участок.

Между инженером и надворным советником состоялось объяснение, причём Евстратий Павлович и не думал заператься. Глядя на Фандорина своими выцветшими от разочарования в человечестве глазами, Мыльников без тени смущения признался: да, приставил филёров и сам перебрался в Москву, ибо по старой памяти знает — у Эраста Петровича уникальный нюх, так вернее выйдешь на след, чем самому подмётки стаптывать. Хоть диверсантов и не добыл, но в накладе не остался — за варшавских гоп-стопников получит благодарность начальства и награды.

— А вы чем обзывать, лучше рассудили бы, что нам с вами резонней будет поладить, — миролюбиво заключил Евстратий Павлович. — Куда вы без меня? У вашей железномерии и прав нет дознание вести. А у меня есть, опять же прихватил из Питера лучших ищек, молодцы один к одному. Давайте, Эраст Петрович, сговоримся по-доброму, по-товарищески. Голова будет ваша, руки-ноги наши.

В том, что предлагал этот малопочтенный господин, резон и в самом деле имелся.

— По-доброму так по-доброму. Только учтите, Мыльников, — предупредил его Фандорин, — вздумаете хитрить и действовать у меня за спиной, ц-церемониться не стану. Я жалобы начальству писать не буду, поступлю проще: нажму у вас на животе секретную точку *бакайро* — тут вам и конец. И никто не догадается.

Никакой точки *бакайро* в природе не существовало, но Евстратий Павлович, знавший, как ловко Фандорин владеет всякими японскими фокусами, изменился в лице.

— Не пугайте, и так здоровья не осталось. Чего мне с вами хитрить? Одно дело делаем. Я того мнения придерживаюсь, что без вашей японской чертовщины нам беся этого, который мост взорвал, не выловить! Тут клин клином надо, ворожбу ворожбой.

Эраст Петрович чуть поднял брови — не придуривается ли собеседник, но вид у надворного советника был самый серьёзный, а в глазах зажглись огоньки.

— Вы что ж думаете, у Мыльников мозгов и сердца нету? Не вижу ничего, не задумываюсь? — Евстратий Павлович оглянулся, понизил голос. — Государь наш кто? Помазанник Божий, верно? Значит, Господь должен его от японца безбожного оберегать, так? А что творится? Лупцуют христолюбивое воинство в хвост и в гриву! И кто лупцует-то? Народишко мелкий, слабосильный. Оттого это, что за японцем Сатана стоит, это он желторожим силы придаёт. А от нашего государя Всевышний Вершитель отступился, не хочет помогать. Я тут в департаменте рапорт секретный прочёл, из Архангельской губернии. Старец там один, раскольник, вещает: мол, Романовым определено править триста лет и не долее, такой на них положен предел. И эти триста лет на исходе. За то и вся Русь кару несёт. А ну как правда?

Инженеру надоело слушать бред. Поморщившись, он сказал:

— Бросьте ваши филёрские штучки. Если мне захочется поговорить с кем-нибудь о судьбе царской династии, я найду себе собеседника не из Особого отдела. Будете работать или устраивать д-дурацкие провокации?

— Работать, работать, — зашёлся Мыльников деревянным смехом, но искорки в глазах не погасли.

* * *

Между тем эксперты закончили осмотр места катастрофы и представили заключение, полностью подтвердившее фандоринскую версию.

Взрыв умеренной силы, вызвавший обрушение, был произведён зарядом мелинита массой 12–14 фунтов, то есть по мощи примерно соответствовал шестидюймовому артиллерийскому снаряду. Любой другой мост на Николаевской дороге, скорее всего, выдержал бы сотрясение такой силы, но только не ветхий Тезоименитский, да ещё во время прохождения тяжёлого состава. Диверсанты выбрали место и момент со знанием дела.

Разъяснилась и загадка, как злоумышленникам удалось разместить мину на тщательно охраняемом объекте и взорвать её прямо под колёсами военного эшелона. Эксперты обнаружили в точке разлома кожаные лоскутки непонятного происхождения и микроскопические частицы плотного лабораторного стекла. Поломав голову, дали заключение: кожаный продолговатый футляр цилиндрической формы и узкая стеклянная трубка спиралевидной формы.

Этого Эрасту Петровичу было достаточно, чтобы восстановить картину произошедшего.

Мелинитовый снаряд был помещён в кожаный корпус — что-нибудь вроде чехла для кларнета либо иного узкого духового инструмента. Оболочки не было вовсе — она лишь утяжелила бы мину и ослабила ударную силу. Взрыватель использован химический, с замедлителем — инженер читал о таких. Стеклянная трубочка, в которой находится гремучая ртуть, прокалывается иглой, однако ртуть вытекает не моментально, а полминуты или минуту, в зависимости от длины и конфигурации трубки.

Сомнений не оставалось: бомба была сброшена с курьерского, который шёл непосредственно перед эшелоном.

Ситуация, при которой два поезда оказались в опасной близости друг от друга, была подстроена искусственно — при помощи фальшивой депеши, переданной колпинским телеграфистом (который, разумеется, исчез бесследно).

Некоторое время Фандорин ломал голову над тем, как именно была сброшена мина. Через окно купе? Вряд ли — слишком велик риск, что футляр, ударившись о настил моста, отлетит в

реку. Потом догадался — через сливное отверстие в уборной. Затем и узкий чехол.

Эх, если б свидетельница не сунулась со своим подозрительным брюнетом! Действовать бы, как собирался вначале: переписать пассажиров, да допросить. Даже если б пришлось всех отпустить, теперь можно было бы опросить их заново — наверняка вспомнили бы путешествующего музыканта, и очень вероятно, что он был не один, а в компании...

Когда тайна катастрофы была разгадана, Эрасту Петровичу стало не до уязвлённого самолюбия, явилась забота поосновательней.

Вся работа инженера в железнодорожной жандармерии (или, как её обозвал Мыльников, «железномерии»), длившаяся уже целый год, была направлена на одно: защитить самый уязвимый участок в анатомии недужного российского динозавра — его главную, хребтовую артерию. Предприимчивый японский хищник, атаковавший израненного исполина с самых разных сторон, рано или поздно должен был сообразить, что ему не нужно сбивать противника с ног, довольно перегрызть его единственный кровоснабжающий сосуд — Транссибирскую магистраль. Оставшись без боеприпасов, продовольствия и подкреплений, Маньчжурская армия будет обречена.

Тезоименитский мост — не более, чем проба сил. Движение по нему будет полностью восстановлено через две недели, пока же поезда идут в обход по псковско-старорусской ветке, теряя всего несколько часов. Но если б подобный удар был нанесён в любой точке за Самарой, откуда магистраль вытягивается единой ниткой протяжённостью в восемь тысяч вёрст, это вызвало бы остановку сообщения минимум на месяц. Армия Линевича окажется в катастрофическом положении. И потом, кто мешает японцам устраивать диверсии одну за другой?

Правда, Транссиб — дорога новая, построенная по современной технологии. Год проведён не впустую — налажена неплохая система охраны, да и сибирские мосты не чета Тезоименитскому, десятью фунтами мелинита через клозетное отверстие не взорвёшь. Но японцы ушлые, придумают что-нибудь другое.

Самое скверное, что они приняли решение начать рельсовую войну. Теперь жди продолжения...

От этой мысли (к сожалению, совершенно неоспоримой) Эрасту Петровичу стало страшно. Но инженер принадлежал к той породе людей, в ком страх вызывает не паралич или паническую суетливость, а мобилизацию всех умственных ресурсов.

«Мелинит, м-мелинит», задумчиво повторял Фандорин, прохаживаясь по временно одолженному у Данилова кабинету. Щёлкал пальцами заложенной за спину руки, дымил сигарой, подолгу стоял у окна, шурясь на ясное майское небо.

То, что для последующих диверсий японцы применяют именно мелинит, сомнений не вызывало. Опробовали эту взрывчатку на Тезоименитском мосту, результатом остались довольны.

Мелинит в России не производят, это взрывчатое вещество состоит на вооружении лишь у французов и японцев, причём последние именуют его симосэ, или, в исковерканном русскими газетчиками варианте, «шимоза». Именно шимозе приписывают главную заслугу в Цусимской победе японского флота: снаряды, начинённые мелинитом, продемонстрировали куда большую пробивную и разрывную мощь, чем русские пороховые.

Мелинит, или пикриновая кислота, идеально подходит для диверсионной деятельности: мощен, отлично комбинируется с взрывателями различного типа и притом компактен. Но все же для диверсии на большом современном мосту понадобится заряд в несколько пудов. Откуда диверсанты возьмут такое количество взрывчатки и как переправят?

Ключ был именно здесь — Эраст Петрович сразу это понял, но прежде чем подступиться к

главному направлению поиска, принял меры предосторожности на второстепенном.

На случай, если мелинитовая версия ошибочна и враг задумал воспользоваться обычным динамитом либо пироксилином, Фандорин распорядился разослать по всем военным складам и арсеналам секретный циркуляр с предупреждением. От этой бумажки охрана, конечно, бдительней не станет, но воры-интенданты поостерегутся продавать взрывчатку на сторону, а ведь именно таким образом смертоносные материалы обычно уплывают к отечественным бомбистам.

Приняв эту подстраховочную меру, Эраст Петрович сосредоточился на путях транспортировки мелинита.

Доставят его из-за границы, и скорее всего из Франции (не из Японии же везти!).

Груз по меньшей мере в несколько пудов весом чемоданом не переправишь, думал Фандорин, вертя в руках полученную в артиллерийской лаборатории пробирку со светло-жёлтым порошком. Поднёс к лицу, рассеянно втянул носом резкий запах — тот самый «мертвящий аромат шимозы», который любят поминать военные корреспонденты.

«А что ж, п-пожалуй», пробормотал вдруг Эраст Петрович.

Быстро поднялся, велел подавать коляску и четверть часа спустя был уже в Малом Гнездиновском переулке, на Полицейском телеграфе. Там он продиктовал телеграмму, от которой оператор, чего только не повидавший на своём веку, часто-часто захлопал глазами.

Слог пятый, почти целиком состоящий из разговоров тет-а-тет

Утром 25 мая квартирант графини Бовада получил известие о прибытии и Груза, и Транспорта — в один день, как планировалось. Организация работала с точностью хронометра.

Груз представлял собой четыре полторапудовых мешка кукурузной муки, присланных из Лиона московской хлебопекарне «Вернер и Пфлейдерер». Посылка ожидала получателя на складе станции «Москва-Товарная» Брестской железной дороги. Тут всё было просто: приехать, предъявить квитанцию, да расписаться. Мешки наипрочнейшие — джутовые, водостойкие. Если не в меру дотошный жандарм или поездной воришка проткнёт на пробу — просыплется жёлтый крупнозернистый порошок, который в пшенично-ржаной России вполне сойдёт за кукурузную муку.

С транспортом было сложнее. Круглым путём, из Неаполя в Батум, а оттуда железной дорогой через Ростов на Рогожскую сортировочную прибывал опломбированный вагон, по документам числящийся за Управлением конвойных команд и сопровождаемый караулом в составе унтер-офицера и двух солдат. Охрана была настоящая, документация поддельная. То есть в ящиках действительно, как значилось в сопроводительных бумагах, лежали 8500 итальянских винтовок «веттерли», 1500 бельгийских револьверов «франкотт», миллион патронов и динамитные шашки, однако предназначался весь этот арсенал вовсе не для нужд конвойного ведомства, а для человека по кличке Дрозд. По плану, разработанному отцом Василия Александровича, в Москве должна была завязаться большая смута, которая отобьёт у русского царя охоту зариться на маньчжурские степи и корейские концессии.

Мудрый составитель плана учёл всё: и что в Петербурге гвардия, а во второй столице лишь разномастный гарнизон из запасных второго разряда, и что Москва — транспортное сердце страны, и что в городе двести тысяч голодных, озлобленных нуждой рабочих. Уж десять-то тысяч бесшабашных голов среди них сыщутся, было бы оружие. Одна искра — и рабочие кварталы вмиг ошетинятся баррикадами.

Начал Рыбников, как его приучили с детства, то есть с самого трудного.

На Сортировочную приехал штабс-капитаном. Представился, получил в сопровождение

чиновничка из отделения по прибытию грузов, отправился на третий путь встречать ростовский литерный. Письмоводитель робел хмурого офицера, нетерпеливо постукивавшего по настилу ножами шашки. По счастью, долго ждать не пришлось — поезд прибыл минута в минуту.

Старший караула, сильно немолодой унтер, ещё шевелил губами, читая предъявленную штабс-капитаном бумагу, а к перрону один за другим уже подъезжали нанятые Рыбниковым ломовики.

Но дальше вышла заминка — никак не могли дождаться полувзвода, которому полагалось охранять караван.

Кляня расейский бардак, штабс-капитан побежал к телефону. Вернулся белый от ярости и разразился такой многослойной матерщиной, что письмоводитель вжал голову в плечи, а караульные уважительно покачали головами. Было ясно, что никакого полувзвода штабс-капитану не будет.

Побушевав сколько положено, Рыбников взял унтера за рукав:

— Братец, как тебя, Екимов, видишь, экая вышла хренятина. Выручи, а? Знаю, что ты свою службу исполнил и не обязан, но без охраны отправлять нельзя, здесь оставлять тоже нельзя. А я в долгу не останусь: тебе трёшницу и орлам твоим по целковику.

Унтер пошёл говорить с солдатами, такими же пожилыми и мятыми, как он.

Сторговались так: кроме денег его благородие даст ещё бумажку, чтоб команде два дня в Москве погулять. Рыбников обещал.

Погрузились, поехали. Впереди штабс-капитан на извозчике, потом подводы с ящиками; конвойные идут один справа, другой слева; замыкает процессию унтер. Довольные обещанной наградой и увольнительной, солдаты шагали бодро, трехлинейки несли наперевес — Рыбников предупредил, чтоб держали ухо остро, косоглазый враг не дремлет.

На Москве-реке у Рыбникова заранее был снят склад. Ломовики перетасили груз, получили расчёт и отбыли.

Аккуратно пряча в карман расписку, полученную от артельщика, штабс-капитан подошёл к ростовским караульным.

— Спасибо за службу, ребята. Сейчас разотчусь, уговор дороже денег.

У склада и на берегу было пусто, под настилом плескалась переливчатая от нефтяных пятен вода.

— Ваше благородие, а где ж часовые? — спросил Екимов, озираясь. — Чудно что-то. Оружейный склад, и без охраны.

Вместо ответа Рыбников ткнул его стальным пальцем в горло. Обернулся к рядовым. Один из них собирался одолжить второму табаку — да так и застыл с разинутым ртом, махорка на бумажку не попала, просыпалась мимо. Первого Василий Александрович ударил правой рукой, второго — левой. Произошло всё очень быстро: тело унтера ещё падало, а двое его подчинённых уже были мертвы.

Трупы Рыбников спустил под причал, привязав к каждому по тяжёлому камню.

Снял фуражку, вытер со лба пот.

Ну вот, всего половина одиннадцатого, а самая хлопотная часть работы позади.

* * *

Забрать Груз было делом десяти минут. На станцию «Москва-Товарная» Василий Александрович приехал в смазных сапогах, поддёвке и матерчатом картузе, приказчик приказчиком. Мешки перетаскал сам, даже ваньку не допустил — чтоб тот лишний гривенник

не запросил. Перевёз «кукурузную муку» с Брестской дороги на Рязанско-Уральскую, потому что путь Грузу отныне лежал в восточную сторону. Пока ехал на другой конец города, перепакował товар и на вокзале сдал в хранение под две разные квитанции.

На этом беготня по железнодорожным станциям была окончена. Рыбников несколько не устал, а напротив, был полон злой и бодрой силы — истомился от вынужденного безделья, ну и, конечно, сознавал важность.

С умом отправлено, в срок получено, грамотно передано по назначению, думал он. Вот так образуется Непобедимость. Когда каждый на своём месте действует, как будто исход всей войны зависит от него одного.

Немного беспокоили «куклы», вызванные из Самары и Красноярска. Не опоздают ли? Но из записной книжки, исписанной невидимыми змеевидными значками, Рыбников неслучайно выбрал именно этих двоих. Красноярский (про себя Василий Александрович называл его «Туннель») был жаден и от жадности обязателен, а самарец (кличка ему «Мост»), хоть обязательностью не отличался, имел веские причины не опаздывать — у этого человека оставалось совсем мало времени.

И расчёт оказался верен, обе «куклы» не подвели. В этом Рыбников убедился, завернув с вокзала в условленные гостиницы — «Казань» и «Железнодорожную». Гостиницы располагались близко одна от другой, но все же не по соседству. Не хватало ещё, чтобы «куклы» по нелепой случайности познакомились друг с другом.

В «Железнодорожной» Василий Александрович оставил записку: «В три. Гончаров». В гостинице «Казань» — «В четыре. Гончаров».

* * *

Теперь пора было заняться человеком по прозвищу Дрозд, получателем Транспорта.

Здесь Рыбников проявил сугубую осторожность, ибо знал, что за эсэрами бдительно следит Охранка, да и своих предателей среди революционной шушеры хватает. Оставалось надеяться, что Дрозд понимает это не хуже Рыбникова.

Василий Александрович позвонил с публичного телефона (удобнейшая новинка, появившаяся в столицах совсем недавно). Попросил барышню дать номер 34–81.

Произнёс условленную фразу:

— Сто тысяч извинений. Нельзя ли попросить к аппарату почтеннейшего Ивана Константиновича?

Женский голос после секундной паузы ответил:

— Его сейчас нет, но скоро будет.

Это означало, что Дрозд в Москве и готов к встрече.

— Соблаговолите передать Ивану Константиновичу, что профессор Степанов приглашает его на своё 73-летие.

— Профессор Степанов? — озадаченно переспросила женщина. — На 73-летие?

— Именно так-с.

Связной ни к чему понимать смысл, её дело — в точности передать сказанное. В числе 73 первая цифра обозначала время, вторая — порядковый номер одного из заранее обговорённых мест встречи. Дрозд поймёт: в семь часов, в месте № 3.

* * *

Если бы кто-то подслушал разговор Рыбникова с красноярцем, то вряд ли что-нибудь понял. — Опять бухгалтерские книги? — спросил Туннель, крепкий усатый мужчина с вечно прищуренным взглядом. — Повисить бы надо, дороговизна-то нынче какая.

— Нет, не книги. — Василий Александрович стоял посреди дешёвого номера, прислушиваясь к шагам в коридоре. — Груз особенный. Оплата тоже. Полторы тысячи.

— Сколько?! — ахнул собеседник.

Рыбников протянул пачку кредиток.

— Вот. Ещё столько же получите в Хабаровске. Если выполните всё, как надо.

— Три тысячи?

Брови красноярца подёргались-подёргались, но вверх так и не полезли. Нелегко вытаращить глаза, привыкшие смотреть на мир через щёлку.

Человек, которого Василий Александрович окрестил Туннелем, не догадывался ни об этой кличке, ни о том, чем в действительности занимаются люди, так щедро оплачивающие его услуги. Он был уверен, что помогает нелегальным золотодобытчикам. По «Уставу о частной золотопромышленности» старательским артелям предписывалось сдавать всю добычу государству, получая взамен так называемые «ассигновки» — по курсу ниже рыночного, да ещё со всевозможными вычетами. Давно известно: там, где закон несправедлив или неразумен, люди находят способы его обойти.

Туннель состоял на очень полезной для Организации службе — сопровождал по Транссибирской магистрали почтовые вагоны. Перевозя из европейской части империи на Дальний Восток и обратно тетради с колонками цифр, он полагал, что это финансовая переписка между добытчиками и сбытчиками подпольного золота.

Но Рыбников выудил почтаря из своей хитрой записной книжки для иной цели.

— Да, три тысячи, — твёрдо сказал он. — Такие деньги зря не платят, сами понимаете.

— Что везти? — спросил Туннель, облизнув пересохшие от волнения губы. Рыбников отрезал:

— Взрывчатку. Три пуда.

Почтарь замигал, соображая. Потом кивнул:

— Для прииска? Породу рвать?

— Да. Обернёте ящики холстом, как посылки. Туннель № 12 на Кругобайкальской линии знаете?

— "Половинный"? Кто ж его не знает.

— Сбросите ящики ровно на середине, у отметки 197. После наши люди их подберут.

— А... а не грохнет?

Рыбников засмеялся:

— Сразу видно, что вы ничего не смыслите во взрывном деле. Про детонаторы слышать приходилось? Скажете тоже — «грохнет».

Удовлетворённый ответом, Туннель плевал на пальцы — готовился пересчитывать деньги, а Василий Александрович мысленно улыбнулся: «Не грохнет, а шандарахнет, да так что Зимний дворец закачается. Пусть попробуют потом разгрести каменную кашу, выковырять из-под неё сплюснутые вагоны с паровозом в придачу».

Кругобайкальская железная дорога, строившаяся с огромными затратами и открытая совсем недавно, раньше назначенного срока, была последним звеном Транссиба. Прежде эшелоны выстраивались в огромные очереди у байкальской паромной переправы, теперь же трасса запульсировала с утроенной скоростью. Вывод из строя Половинного туннеля, самого длинного на линии, вновь посадит Маньчжурскую армию на голодный паёк.

И это была лишь половина рыбниковского «проекта».

Вторую половину должен был обеспечить постоялец «Казани», с которым Василий Александрович разговаривал совсем иначе — не сухо и отрывисто, а душевно, со сдержанным сочувствием.

Это был совсем ещё молодой человек с землистым цветом кожи и выпирающим кадыком. Впечатление он производил странное: тонкие черты лица, нервная жестикуляция и очки плохо сочетались с потёртой тужуркой, ситцевой рубашкой и грубыми сапогами.

Самарец харкал кровью и был безответно влюблён. От этого он ненавидел весь мир, и в особенности мир ближний: окружавших его людей, родной город, свою страну. С ним можно было не скрытничать — Мост знал, на кого работает, и выполнял задания со сладострастной мстительностью.

Полгода назад, по поручению Организации, он бросил университет и нанялся на железную дорогу помощником машиниста. Жар топки пожирал последние остатки его лёгких, но Мост за жизнь не цеплялся, ему хотелось поскорее умереть.

— Вы говорили нашему человеку, что хотите погибнуть с шумом. Я дам вам такую возможность, — звенящим голосом сказал Рыбников. — Шуму будет на всю Россию и даже на весь мир.

— Говорите, говорите, — поторопил его чахоточный.

— Александровский мост в Сызрани. — Рыбников сделал эффектную паузу. — Самый длинный в Европе, семьсот саженей. Если рухнет в Волгу, магистраль встанет. Вы понимаете, что это значит?

Человек по кличке Мост медленно улыбнулся.

— Да. Да. Крах, поражение, позор. Капитуляция! Вы, японцы, знаете, куда бить! Вы заслуживаете победы! — Глаза бывшего студента вспыхнули, темп речи с каждым словом делался всё быстрее. — Это можно! Я могу это сделать! У вас есть сильная взрывчатка? Я спрячу её в тендере, среди угля. Один брикет возьму в кабину. Брошу в топку, детонация! Фейерверк!

Он расхохотался.

— На седьмом пролёте, — мягко вставил Рыбников. — Это очень важно. Иначе может не получиться. На седьмом, не перепутайте.

— Я не перепутаю! Послезавтра мне заступать. Товарняк до Челябинска. Машинисту так и надо, мерзавец, всё глумится над моим кашлем, «глистой» обзывает. Мальчишку-кочегара жалко. Но я его ссажу. На последней станции задену по руке лопатой. Скажу: ничего, буду кидать уголь сам. А уговор? — вдруг встрепенулся Мост. — Про уговор не забыли?

— Как можно, — приложил руку к сердцу Рыбников. — Помним. Десять тысяч. Вручим в точности, согласно вашей инструкции.

— Не вручить, не вручить, а подбросить! — нервно выкрикнул больной. — И записку: «В память о несбывшемся». Я напишу сам, вы перепутаете!

И тут же, брызгая чернилами, написал.

— Она поймёт... А не поймёт, ещё лучше, — бормотал он, шмыгая носом. — Вот, возьмите.

— Но учтите: деньги и записку дорогая вам особа получит лишь в одном случае — если мост рухнет. Не обсчитайтесь: на седьмом пролёте.

— Не бойтесь. — Самарец хмуро стряхнул с ресниц слезу. — Чему-чему, а точности чахотка меня обучила — принимаю пилюли по часам. Главное, не обманите. Дайте честное слово самурая.

Василий Александрович вытянулся в струну, нахмурил лоб и сузил глаза. Потом сделал какой-то невообразимый, только сейчас придуманный им жест и торжественно произнёс:

— Честное слово самурая.

* * *

Главный разговор тет-а-тет был назначен в семь часов вечера, в извозчиьем трактире близ Калужской заставы (тот самый пункт № 3).

Место было выбрано с толком: темно, грязновато, шумно, но не крикливо. Здесь пили не горячительные напитки, а чай — помногу, целыми самоварами. Публика была чинная, нелюбопытная — нагляделись за день на уличную сутолоку да на седоков, теперь бы посидеть в покое за приличным разговором.

Василий Александрович явился с десятиминутным опозданием и сразу направился к угловому столу, за которым сидел крепкий бородач с неподвижным лицом и цепким, ни на миг не останавливающимся взглядом.

Весь последний час Рыбников наблюдал за входом в трактир из соседнего подъезда и Дрозд заметил ещё на подходе. Когда убедился, что слежки нет, вошёл.

— Кузьмичу моё почтеньице! — крикнул он издали, подняв растопыренную пятерню — Дрозд его в лицо не знал, а нужно было изобразить встречу старых приятелей.

Революционер несколько не удивился, ответил в тон:

— А-а, Мустафа. Садись, татарская харя, почаевничаем.

Сильно стиснул руку, да ещё хлопнул по плечу.

Сели.

За соседним столом большая компания степенно кушала чай с баранками. Поглядели на двух друзей без интереса, отвернулись.

— За вами не следят? — тихо спросил Василий Александрович о самом насущном. — Уверены, что в вашем окружении нет агента полиции?

Дрозд спокойно ответил:

— Почему же не следят, обязательно следят. И провокатор имеется. Мы его, иуду, пока не трогаем. Лучше знать, кто, а то другого приставят, вычислй его.

— Следят? — напряжился Рыбников и метнул взгляд в сторону стойки — за ней имелся выход в проходной двор.

— Ну, следят, так что? — Эсэр пожал плечами. — Когда можно, пускай следят. А когда ни к чему, можно и оторваться, дело привычное. Так что не нервничайте, отважный самурай. Я нынче чистенький.

Второй раз за сегодняшний день Василия Александровича назвали самураем, но теперь с явной насмешкой.

— Вы ведь японец? — спросил получатель Транспорта, хрустнув куском сахара и шумно втянув чай из блюдца. — Я читал, что некоторые из самураев почти неотличимы от европейцев.

— Какая к бесу разница — самурай, не самурай, — обронил Рыбников, по привычке подстраиваясь под тон собеседника.

— Это верно. Давайте к делу. Где товар?

— Перевёз в склад на реке, как вы просили. Зачем вам река?

— Нужно. Куда именно?

— После покажу.

— Кто кроме вас знает? Ведь разгрузка, перевозка, охрана — целое предприятие. Люди

надёжные? Язык за зубами держать умеют?

— Они будут немые, как рыбы, — серьёзно сказал Рыбников. — Ручаюсь головой. Когда будете готовы забрать?

Дрозд почесал бороду.

— Думаем часть товара, небольшую, в Сормово сплавить, по Оке. Завтра к ночи оттуда придёт баржа. Тогда и заберём.

— Сормово? — прищурился Василий Александрович. — Это хорошо. Правильный выбор. Каков ваш план действий?

— Начнём с забастовки на железных дорогах. Потом всеобщая. А когда власть нервишками дрогнет, пустит казаков или маленько постреляет — вмиг боевые отряды. На сей раз обойдёмся без булыжника, орудия пролетариата.

— Когда начнёте-то? — небрежно спросил Рыбников. — Нужно, чтоб самое позднее через месяц.

Каменное лицо революционера скривилось в усмешке:

— Выдыхаетесь, сыны микадо? Язык на плечо?

По зале прокатился смешок, и Василий Александрович от неожиданности вздрогнул — неужто слышали?

Рывком обернулся — и тут же снова расслабился.

Это в трактир ввалились двое седобородых извозчиков, здорово навеселе. Один, не удержавшись на ногах, упал, второй помогал ему подняться, приговаривая:

— Ничаво, Митюха, конь об четырех ногах, и то спотыкается...

От одного из столов крикнули:

— Энтакого коняшку на живодёрню пора!

Загоготали.

Митюха заругался было на насмешников, но налетели половые и в два счета вытолкали пьяненьких ванек прочь — не срами почтенное заведение.

— Эх, Русь-матушка, — снова усмехнулся Дрозд, и опять криво. — Ничего, скоро так встряхнём — из порток выскочит.

— И припустит с голым задом в светлое будущее?

Революционер внимательно посмотрел в холодные глаза собеседника.

Не надо было задирать, сразу понял Рыбников. Перебор.

Несколько секунд не отводил взгляд, потом сделал вид, что не выдерживает — потупился.

— Нас с вами объединяет лишь одно, — презрительно сказал эсэр. — Отсутствие буржуазных сантиментов. Только у нас, революционеров, их уже нет — перешагнули, а у вас, молодых хищников, их ещё нет — не доросли. Вы используете нас, мы используем вас, однако вы мне, господин самурай, не ровня. Вы не более чем винтик в машине, а я — архитектор Завтрашнего Дня, ясно?

Он похож на кошку, решил Василий Александрович. Позволяет себя кормить, но руку лизать не станет — в лучшем случае мурлыкнет, и то вряд ли.

Ответить нужно было в тон, но не усугубляя конфронтацию:

— Ладно, господин архитектор, к черту лирику. Обсудим детали.

* * *

Дрозд и ушёл по-кошачьи, без прощаний.

Когда выяснил всё, что нужно, просто поднялся и нырнул в дверь за стойкой. Василию

Александровичу предоставил уходить через улицу.

Возле трактира на козлах дремали извозчики, поджидали седоков. Первые двое — давешние пьянчуги. Первый совсем сомлел, уткнулся носом в колени и зная похрапывал. Второй кое-как держался — даже тряхнул вожжами, увидев Рыбникова.

Но брат извозчика у трактира Василий Александрович не стал — это противоречило правилам конспирации. Отошёл подальше и остановил случайного, ехавшего мимо.

На углу Кривоколенного переулочка, в месте плохо освещённом и пустынном, Рыбников положил на сиденье рублёвку, а сам мягко, даже не качнув коляску, соскочил на мостовую — и в подворотню. Как говорится, бережёного Бог бережёт.

Слог шестой, в котором важную роль играют хвост и уши

Особый поезд № 369-бис ожидался ровно в полночь, и можно было не сомневаться, что эшелон прибывает минута в минуту — о графике его следования Фандорину телеграфировали с каждой станции. Состав шёл по «зеленой улице», вне всякой очереди. Грузовые, пассажирские и даже курьерские уступали ему дорогу. Когда мимо обычного поезда, беспричинно застрявшего где-нибудь в Бологом или Твери, проносился паровоз с одним-единственным купейным вагоном, бывалые пассажиры говорили друг другу: «Начальство поспешает. Видать, в Москве какая-нибудь заставка».

Окна секретного вагона были не только закрыты, но и плотно завешены шторами. На всем пути следования из первой столицы во вторую 369-бис остановился всего один раз, для заправки, да и то не более чем на четверть часа.

Встречали таинственный поезд на маленьком подмосковном полустанке, окружённом двойной цепочкой железнодорожных жандармов. Моросил мелкий, противный дождь, фонари раскачивались под порывистым ветром, отчего по перрону шныряли вороватые, нехорошие тени.

Эраст Петрович прибыл за десять минут до назначенного времени, выслушал доклад подполковника Данилова о принятых мерах предосторожности, кивнул.

Надворный советник Мыльников, извещённый об ожидавшемся событии всего час назад (инженер заехал за ним безо всякого предупреждения), весь извертелся: несколько раз обежал платформу, возвращался к Фандорину и всё спрашивал: «Кого ожидаем?»

— Увидите, — коротко отвечал Эраст Петрович, то и дело поглядывая на свой золотой брегет.

Без одной минуты двенадцать из темноты донёсся протяжный гудок, потом засветились огни паровоза.

Дождь полил сильнее, и камердинер раскрыл над инженером зонтик, нарочно встав так, чтобы капли стекали Мыльникову на шляпу. Вздурораженный Евстратий Павлович, впрочем, этого не замечал — лишь поёжился, когда холодная струйка проникла за воротник.

— Начальник вашего управления, да? — спросил он, разглядев купейный вагон. — Шеф корпуса? — И, понизив голос до шёпота. — Неужто сам министр?

— Убрать посторонних! — крикнул Фандорин, заметив в дальнем конце перрона обходчика.

Грохоча сапогами, жандармы бросились выполнять приказ.

369-бис остановился. Когда затих железный лязг и скрежет тормозов, до слуха приосанившегося и сдёрнувшего котелок Мыльникова донёсся странный звук, очень похожий на бесовские завывания, терзавшие по ночам больные нервы Евстратия Павловича. Мыльников замотал головой, отгоняя чертовщину, но вой усилился, а вслед за ним явственно донёсся и лай.

Со ступенек браво скатился офицер в кожаной тужурке, откозырял Фандорину и вручил ему

пакет, на котором чернела загадочная надпись «СПШПЕВПАПОРОППСПС».

— Что это? — дрогнул голосом Мыльников, заподозривший, что всё это ему снится: и ночное явление инженера, и поездка под дождём, и собачий лай, и непроизносимое слово на конверте.

Эраст Петрович перевёл аббревиатуру:

— "Состоящее под почётным председательством Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского Российское Общество поощрения применения собак к полицейской службе". Хорошо, п-поручик. Можете выводить. Фургоны ждут.

Из вагона один за другим стали выходить полицейские, каждый вёл на поводке по собаке. Были тут и овчарки, и ризеншнауцеры, и спаниели, и даже дворняги.

— Что это? — растерянно повторил Евстратий Павлович. — Зачем?

— Это операция «Пятое ч-чувство».

— Пятое? Какое такое пятое?

— Обоняние.

* * *

Подготовка операции «Пятое чувство» была осуществлена в наикратчайшие сроки и заняла немногим более двух суток.

В депеше от 18 мая, так поразившей опытного полицейского телеграфиста, Фандорин писал своему начальнику:

«ПРОШУ СРОЧНО СОБРАТЬ ПРИНЦЕВЫХ СОБАК ПОДРОБНОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНО».

Эраст Петрович был горячим сторонником и отчасти даже вдохновителем начинания принца Ольденбургского, который задумал устроить в России настоящую, научно организованную полицейско-собачью службу по европейскому образцу. Дело было новое, малоизученное, но сразу же поставленное на широкую ногу.

Для того чтобы натаскать хорошего пса на определённый запах, довольно нескольких часов. Из лаборатории Артиллерийского управления было выделено потребное количество шимозы, и началась работа: пятьдесят четыре полицейских инструктора тыкали своих мохнатых помощников носом в жёлтый порошок, звучали укоризненные и одобрительные возгласы, разносился залиvistый лай, на клыках весело хрустел сахар.

Запах у мелинита был резкий, ищейки легко распознавали его даже среди мешков с москательным товаром. По окончании краткого курса обучения питомцы его высочества разъехались в служебные командировки: двадцать восемь псов на западную границу, по два на каждый из четырнадцати пропускных пунктов, остальные — спецпоездом в Москву, в распоряжение инженера Фандорина.

Днём и ночью, в две смены, переодетые поводыри водили собак по вагонам и складам всех железнодорожных линий Первопрестольной. Мыльников в фандоринскую затею не верил, но вмешиваться не вмешивался — наблюдал со стороны. Собственных идей по поводу поимки японских агентов у надворного советника всё равно не было.

На пятый день в кабинете, где Эраст Петрович изучал наиболее уязвимые места Транссиба, помеченные на карте красными крестиками, наконец раздался долгожданный звонок.

— Есть! — кричал в трубку взволнованный голос, заглушаемый лаем. — Господин

инженер, вроде есть! Это проводник-дрессировщик Чуриков, со станции «Москва-товарная», на Брестской! Ничего не трогал, как велели!

Эраст Петрович тут же протелефонировал Мыльникову.

На станцию примчались с разных концов, почти одновременно.

Дрессировщик Чуриков представил начальству героиню дня, бельгийскую овчарку грюнендальской породы:

— Резеда.

Резеда понюхала штиблет Фандорина и вильнула хвостом. На Евстратия Павловича оскалила клыки.

— Не обижайтесь, она брюхатая, — поспешно сказал поводырь. — Зато нюх острее.

— Ну, что вы там нашли, показывайте! — нетерпеливо потребовал надворный советник.

— Да вот, смотрите сами.

Чуриков потянул собаку за поводок, она неохотно поплелась к складу, оглядываясь на инженера. У входа упёрлась лапами, потом и вовсе легла на пол, всем своим видом показывая, что ей спешить некуда. Покосилась на людей — не будут ли ругаться.

— Капризничает, — вздохнул дрессировщик. Сел на корточки, почесал суке раздутое брюхо, пошептал что-то на ухо.

Резеда милостиво встала, направилась к штабелям ящиков и мешков.

— Вот, вот, следите! — вскинул руку Чуриков.

— За чем?

— За ушами и хвостом!

Хвост и уши у Резеды были опущены. Она медленно прошла мимо одного ряда, мимо второго. Посередине третьего уши вдруг встали торчком, хвост взметнулся кверху, потом опустился и больше уже не поднимался, зажатый между лап. Ищейка присела и залаяла на четыре аккуратных джутовых мешка среднего размера.

Груз прибыл из Франции и предназначался хлебопекарному товариществу «Вернер и Пфлейдерер». Доставлен утренним новгородским поездом. Содержание — жёлтый порошок, оставляющий на пальцах характерный маслянистый блеск, — сомнений не вызывало: мелинит.

— Успел пересечь г-границу раньше, чем туда прибыли собаки, — определил Фандорин по сопроводительным документам. — Ну что ж, Мыльников, работаем.

* * *

Работать решили сами, не доверяясь филёрам. Эраст Петрович нарядился железнодорожником, Мыльников грузчиком. Устроились в соседнем пакгаузе, откуда отлично просматривался и склад, и подходы к нему.

Получатель явился за грузом в 11.55.

Невысокий мужчина приказчицкого вида предъявил бумажку, расписался в конторской книге, мешки в закрытый фургон перетаскал сам.

Наблюдатели так и приросли к биноклям.

— Пожалуй, японец, — пробормотал Эраст Петрович.

— Да что вы! — усомнился Мыльников, крутя колёсико. — Русак русаком, с некоторой татаринкой, как положено.

— Японец, — уверенно повторил инженер. — Возможно, с примесью европейской крови, но разрез глаз, форма носа... Где-то я его видел. Но где и когда? Возможно, просто похож на кого-то из знакомых японцев... Японские лица разнообразием не отличаются, антропология

выделяет всего двенадцать основных типов. Это из-за островной уединённости. Не было притока иноплеменной к-крови...

— Уезжает! — прервал антропологическую лекцию Евстратий Павлович. — Скорей!

Но спешить теперь было незачем. Для слежки по городу был заготовлен целый парк разномастных колясок и пролёток, и в каждой сидело по филёру, так что деться объекту было некуда.

Инженер и надворный советник опустили на пружинистое сиденье экипажа, замыкавшего весь этот караван, очень правдоподобно изображавший оживлённое уличное движение, и медленно покатали по улицам.

Дома и фонари были украшены флагами и гирляндами. Москва отмечала день рождения императрицы Александры Федоровны не в пример пышнее, чем в прежние годы. На то имелась особенная причина: недавно государыня наконец подарила России наследника престола — после четырех девочек, или «холостых выстрелов», как непочтительно выразился Мьльников.

— А мальчонка-то, говорят, хилый, порченый, — вздохнул Евстратий Павлович. — Карает Господь Романовых.

На этот раз инженер и отвечать не стал — лишь поморщился на глупую провокацию.

Между тем объект оказался фокусником. На «Товарной» загрузил в свою крытую повозку четыре мешка, а у камеры хранения Рязанско-Уральской дороги вынес три дощатых ящика и восемь небольших свёртков в чёрной блестящей бумаге. Фургон отпустил. Агенты, конечно, остановили ломовика за первым же поворотом, но внутри обнаружили лишь четыре пустых джутовых мешка. Мелинит из них был изъят и зачем-то перефасован.

Приёмщик в камере хранения показал, что ящики и свёртки были сданы как два отдельных места, на разные квитанции.

Но все эти сведения были получены Фандориным позднее. Поскольку от вокзала предполагаемый японец дальше двинулся пешим порядком, инженер и надворный советник вновь взяли наблюдение в свои руки.

Следовали за объектом на предельной дистанции, филёров отослали в резерв. Сейчас главное было не вспугнуть живца, на которого могла клюнуть ещё какая-нибудь рыбка.

Приказчик зашёл в две привокзальные гостиницы — «Казань» и «Железнодорожную». Из осторожности наблюдатели внутрь соваться не стали, да и не успели бы — в каждой объект пробыл не более минуты.

Эраст Петрович хмурился — подтверждались его худшие опасения: Рязанско-Уральская линия была частью великой трансконтинентальной магистрали, на которой красный карандаш инженера насчитал не менее сотни уязвимых участков. Для какого из них предназначается багаж, сданный в камеру хранения?

С вокзальной площади объект подался в центр и довольно долго крутился по городу. Несколько раз неожиданно останавливал извозчиков, так же внезапно, посреди улицы, отпускал их, но от образцово устроенной слежки не избавился.

В восьмом часу вечера он вошёл в извозчий трактир близ Калужской площади. Судя по тому, что перед этим битый час прятался в подьезде соседнего дома, здесь у него была назначена встреча, и уж эту-то оказию упустить было никак нельзя.

Едва объект вошёл в трактир (было это в девять минут восьмого), Мьльников свистком подозвал экипировочную карету Летучего отряда, удобнейшее изобретение современного сыска. В карете имелся набор костюмов и маскировочных приспособлений на все случаи жизни.

Инженер и надворный советник переоделись ваньками и, пошатываясь, вошли в трактир.

Окинув взглядом полутёмное помещение, Евстратий Павлович сделал вид, что не может устоять на ногах — повалился на пол. Наклонившемуся Фандорину шепнул:

— С ним Лагин. Кличка Дрозд. Эсэр. Особо опасный. Вот тебе и на...

Главное было установлено, поэтому не стали торчать в трактире и попусту мозолить глаза — дали вытолкать себя на улицу.

Отрядив к чёрному ходу четвёрку агентов, наскоро обсудили тревожное открытие.

— Заграничная агентура сообщает, что полковник Акаси, главный японский резидент, встречается с политическими эмигрантами и закупает большие партии оружия, — шептал Мыльников, нагнувшись с козел казённой пролётки. — Но то далеко, в Парижах да Лондонах, а тут Москва-матушка. Неужто прошляпили? Если тутошним горлопанам да японские винтовки, такое начнётся...

Эраст Петрович слушал, стиснув зубы. Этот демарш, неслыханный в практике европейских войн — спровоцировать в тылу врага революцию, — был во сто крат опасней любых железнодорожных взрывов. Тут под угрозой оказывался не исход кампании, а судьба всего Российского государства. Воины Страны Ямато знают, что такое настоящая война: в ней не бывает недозволенных средств, есть лишь поражение или победа. До чего же японцы изменились за четверть века!

— Азиаты ...ые! — матерно выругался Евстратий Павлович, словно подслушав фандоринские раздумья. — Ничего святого! Повоюй-ка с такими!

Но не о том ли самом говорил и Андрей Болконский перед Бородинским сражением, возразил инженер — разумеется, не вслух, Мыльникову, а мысленно, самому себе. Рыцарство и война по правилам — вздор и глупость, утверждал привлекательнейший из героев русской литературы. Пленных убивать, в переговоры не вступать. Никакого великодушничанья. Война — не игрушки.

А все-таки победит тот, кто великодушничает, подумалось вдруг Эрасту Петровичу, но довести эту парадоксальную мысль до конца он не успел — дежуривший у входа агент подал сигнал, и пришлось скорей лезть на козлы.

Приказчик вышел один. Посмотрел на вереницу пролёток (все, как одна, охранного ведомства), но садиться не стал. Отошёл подальше, остановил проезжающего извозчика — разумеется, тоже фальшивого.

Правда, все мыльниковские хитрости оказались напрасны. Каким-то непостижимым способом объект из коляски испарился. Филёр, изображавший извозчика, не заметил, как и когда это произошло: только что был седок, и вдруг исчез — лишь на сиденье, будто в насмешку, остался смятый рублевик.

Это было досадно, но не фатально.

Во-первых, имелся эсэр Лагин по кличке Дрозд, а в его ближнем окружении у охраны был свой человек. Во-вторых, близ камеры хранения расположилась засада, на которую Эраст Петрович возлагал особую надежду, поскольку дело было устроено без Мыльникова, силами железнодорожной жандармерии.

Приёмщик получил от инженера самый подробный инструктаж: как только появится «приказчик» либо предъявитель известных квитанций, нажать на специально установленную кнопку. В соседней комнате, где дежурит наряд, зажжётся лампочка, начальник немедленно протелефонирует Эрасту Петровичу и, в зависимости от приказа, либо произведёт арест, либо будет вести тайное (через глазок) наблюдение до прибытия филёров в штатском, а уж приёмщик позаботится, чтобы багаж был выдан не слишком быстро.

— Вот он где у нас, макака косоглазая, — резюмировал Мыльников, сжав воздух крепкой пятернёй.

Слог седьмой, в котором выясняется, что не все русские любят Пушкина

За несколько дней перед долгожданным 25 мая в московской жизни Василия Александровича Рыбникова имел место некий эпизод, на фоне последующих событий малозначительный, но не упомянуть о нем вовсе было бы недобросовестно.

Произошло это в тот период, когда беглый штабс-капитан томился бездействием, отчего, как упоминалось выше, даже совершил некоторые не свойственные ему поступки.

В один из праздных моментов он наведаясь в Адресный стол, расположенный в Гнездииковском переулке, и стал наводить справки относительно одной интересовавшей его персоны.

Покупать двухкопеечный запросный бланк Рыбников и не подумал, а вместо этого, проявив знание психологии, завёл с канцеляристом душевный разговор. Объяснил, что разыскивает старого сослуживца покойного батюшки. Человека этого он давно потерял из виду, отлично понимает всю сложность задачи и готов оплатить многотрудную работу по особенному тарифу.

— Без квитанции? — спросил служитель, чуть приподнявшись над стойкой и удостоверившись, что других посетителей в адресном столе нет.

— Ну разумеется. На что она мне? — Жёлто-коричневые глаза смотрели просительно, пальцы же как бы невзначай покручивали довольно пухлый бумажник. — Только человек этот, скорее всего, ныне проживает не в Москве.

— Это ничего-с. Раз по особенному тарифу, то ничего. Если ваш знакомец ещё состоит на государственной службе, имею списки по всем ведомствам. Если в отставке — тогда, конечно, будет затруднительно...

— Служит, служит! — уверил канцеляриста Рыбников. — И в хорошем чине. Может быть, даже генеральском. С батюшкой-покойником они по дипломатической части состояли, но до того, я слышал, он числился не то по полицейскому департаменту, не то Жандармскому корпусу. Уж не вернулся ли на прежнюю службу? — И деликатно пристроил на стойку два бумажных рублика.

Забрав деньги, служитель весело сказал:

— Это часто бывает, что из дипломатов переводятся в жандармы, а потом обратно. Такая служба. Как его звать-величать? Какого возраста?

— Эраст Петрович Фан-до-рин. Ему сейчас, должно быть, лет сорок восемь или сорок девять. Имею сведения, что жительствоует в Санкт-Петербурге, но это недостоверно.

Адресный кудесник надолго зарылся в пухлые, истрёпанные книги. Время от времени сообщал:

— По министерству иностранных дел такого не числится... По штабу Жандармского корпуса нет... По Губернскому жандармскому нет... По Жандармскому железнодорожному нет... По Министерству внутренних дел... Ферендюкин есть, Федул Харитонович, начальник склада вещественных доказательств Сыскной полиции. Не он?

Рыбников покачал головой.

— Может, в Москве посмотрите? Помнится, господин Фандорин был родом москвич и долго здесь жительствоовал.

Сунул ещё рубль, однако чиновник с достоинством покачал головой:

— Справка по городу Москве две копейки. Прямая моя обязанность, не возьму-с. Да и дело минутное. — И в самом деле очень скоро объявил. — Нет такого, не проживает и не служит. Можно, конечно, по прежним годам посмотреть, но это уж в порядке исключения...

— По полтинничку за год, — сказал понятливый посетитель, иметь с таким делом было одно удовольствие.

Тут поиски затянулись. Служитель брал ежегодные справочники том за томом, переместился из двадцатого столетия в девятнадцатое, зарываясь все глубже в толщу минувшего.

Василий Александрович уже смирился с неудачей, когда канцелярист вдруг воскликнул:

— Есть! Вот, в книге за 1891 год! С вас... э-э-э... семь целковых! — И прочёл: «Э. П. Фандорин, стат. сов., чин. ос. поруч. при моск. ген.-губ. Малая Никитская, флиг. дома бар. Эвэрт-Колокольцева». Ну, если знакомый ваш ещё 14 лет назад на такой должности состоял, теперь уж наверняка должен быть «превосходительством». Странно, что в министерских списках не обнаружился.

— Странно, — признал Рыбников, в рассеянности перебирая красненькие бумажки, торчавшие из бумажника.

— Говорите, по Департаменту полиции или по жандармскому? — хитро прищурился чиновник. — Там ведь у них знаете как бывает: вроде есть человек, и даже в большущих чинах, а для публики его как бы и нету.

Посетитель похлопал глазами, потом оживился:

— В самом деле. Батюшка рассказывал, что Эраст Петрович и в посольстве по секретной части состоял!

— Ну вот видите. А знаете-ка что... У меня тут по соседству, в Малом Гнездиновском, кум служит. На полицейском телеграфе. Двадцать лет там состоит, всех значительных особ знает...

Здесь последовала красноречивая пауза, но совсем короткая, потому что Рыбников быстро сказал:

— И вам, и вашему куму по красненькой.

— Куда? Куда? — закричал чиновник сунувшемуся в дверь крестьянину. — Не видишь, половина второго? Обед у меня. Через час приходи! А вы, сударь (это уже Василию Александровичу, шёпотом), здесь обождите. Я мигом-с.

Ждать в конторе Рыбников, конечно, не стал. Подождал снаружи, примостившись в подворотне. Мало ли что. Вдруг этот Акакий Акакиевич не так прост, как кажется.

Предосторожность, однако, была излишней.

Чиновник вернулся четверть часа спустя, один и очень довольный.

— Знаменитая персона! Как говорится, широко известная в узких кругах! — объявил он вынырнувшему сбоку Рыбникову. — Пантелей Ильич столько про вашего Фандорина понарассказал! Большой был, оказывается, человек — в прежние, долгоруковские времена.

Слушая рассказ о былом величии губернаторского помощника, Василий Александрович и ахал, и всплёскивал руками, но главный сюрприз ожидал его в самом конце.

— Повезло вам, — сказал чиновник и эффектно, будто цирковой фокусник, вскинул руки. — В Москве ваш господин Фандорин, из Питера прибыл. У Пантелея Ильича каждый день бывает.

— В Москве?! — вскричал Рыбников. — Да что вы! В самом деле, какая удача! Не знаете, надолго ли он сюда?

— Неизвестно. Дело наиважнейшее, государственного значения, а какое именно, Пантелей Ильич не сказал, да я и не спрашивал. Не нашего с вами ума дело.

— Это точно так... — Глаза Рыбникова скользнули по лицу собеседника с неким особым выражением и едва приметно сощурились. — Вы не сказали куму, что Эраста Петровича знакомый разыскивает?

— Нет, я как бы от себя поинтересовался.

«Не врёт, — определил Василий Александрович, — решил обе красненьких себе оставить» — и взгляд снова стал обыкновенный, без прищура... Так канцелярист и не узнал, что его маленькая жизнь только что висела на тонком-претонком волоске.

— И очень хорошо, что не сказали. Я ему сюрприз устрою — в память о покойном папаше. То-то Эраст Петрович обрадуется! — сиял улыбкой Рыбников.

Но когда вышел, лицо нервно задёргалось.

* * *

Было это в тот самый день, когда Гликерия Романовна пришла на свидание с новой идеей рыбниковского спасения: обратиться за помощью к её доброму знакомому — начальнику московского жандармского управления генералу Шарму. Лидина уверяла, что Константин Фёдорович — милейший старик, в полном соответствии со своей фамилией, и нипочём ей не откажет.

— Да что это даст? — отбивался Рыбников. — Милая вы моя, ведь я государственный преступник: секретные документы потерял, в бега ударился. Чем тут поможет ваш жандармский генерал?

Но Гликерия Романовна горячо воскликнула:

— Не скажите! Константин Фёдорович сам мне объяснял, как много зависит от чиновника, которому поручено вести дело. Он может и по-злему повернуть, и по-доброму. Ах, если б разузнать, кто вами занимается!

И здесь, повинувшись секундному импульсу, Василий Александрович вдруг выпалил:

— А я знаю. Да вы его видели. Помните, около моста — такой высокий господин с седыми висками?

— Элегантный, в светлом английском пальто? Помню, очень импозантный мужчина.

— Его зовут Фандорин, Эраст Петрович. Специально прибыл по мою душу из Петербурга. Ради Бога, не нужно никакого заступничества — только навлечёте на себя подозрение, что укрываете дезертира. Но вот если бы вы осторожно, между делом, выяснили, что он за человек, какого образа жизни, какого характера, это могло бы мне помочь. Тут любая мелочь важна. Только действовать нужно деликатно!

— Не мужчинам учить нас деликатности, — снисходительно обронила Лидина, уже прикидывая, как возьмётся за дело. — Этому горю мы поможем, утро вечера мудренее.

Рыбников не стал благодарить, но посмотрел так, что у неё потеплело в груди. Его жёлтые глаза уже не казались ей кошачьими, как в первые минуты знакомства — про себя она называла их «ярко-кофейными» и находила очень выразительными.

— Вы как царица Лебедь. — Он улыбнулся. — «Полно, князь, душа моя. Это чудо знаю я. Не печалься, рада службу оказать тебе я в дружбу».

Гликерия Романовна поморщилась:

— Пушкин? Терпеть не могу!

— Как так? Разве не все русские обожают Пушкина?

Рыбников спохватился, что от изумления выразился не совсем ловко, но Лидина не придавала странной фразе значения.

— Как он мог написать: «Твою погибель, смерть детей с жестокой радостию вижу»? Что это за поэт, который радуется смерти детей! Ничего себе «звезда пленительного счастья»!

И разговор повернул с серьёзной темы на русскую поэзию, которую Рыбников неплохо знал. Сказал, что в детстве приохотил отец, горячий поклонник пушкинской лиры.

А потом наступило 25 мая, и несущественный разговор вылетел у Василия Александровича из головы — нашлись дела поважнее.

* * *

«Куклам» было велено забрать багаж из камеры хранения на рассвете, перед отправлением. Почтальон обошьёт три ящика в холст, облепит сургучом и спрячет среди посылок — самое лучшее место. Мосту ещё проще, потому что Василий Александрович сделал за него половину работы: пока ехал в фургоне, ссыпал мелинит в восемь картонных коробок и каждую обернул антрацитно-чёрной обёрткой.

Ехали оба одним и тем же восточным экспрессом, только Мост по льготной путевой книжке, третьим классом, а Туннель в почтовом вагоне. Потом их пути разойдутся. Первый в Сызрани переседет на товарный поезд — уже не пассажиром, а на паровоз — и посреди Волги бросит коробки в топку. Второй же покатит дальше, до самого Байкала.

Для порядка Рыбников решил лично проследить, как агенты заберут багаж — конечно, не показываясь им на глаза.

На исходе ночи вышел из пансиона, одетый а-ля маленький человек: кривой картузишка, под пиджачком косоворотка.

Коротко взглянул на розовеющий край неба и, войдя в роль, затрусил дворняжьей рысцой по Чистопрудному.

Слог первый, в котором с небес сыплются железные звезды

Итак, предположительный японец был упущен, а Дрозда вела московская охранка, посему все свои усилия петербуржцы сосредоточили на камере хранения. Багаж был сдан на сутки, из чего следовало, что скоро, никак не позднее полудня, за ним явятся.

Фандорин и Мыльников сели в секрет ещё с вечера. Как уже говорилось, в непосредственной близости от камеры хранения дежурили железнодорожные жандармы, по привокзальной площади, сменяясь, бродили мыльниковские филёры, поэтому руководители операции устроились с комфортом — в конторе «Похоронные услуги Ляпунова», что находилась напротив станции. Обзор отсюда был превосходный, и очень кстати приглянулась витрина американского стекла — траурно-чёрного, пропускающего свет лишь в одну сторону.

Лампу напарники не зажигали, да в ней и не было особенной нужды — поблизости горел уличный фонарь. Ночные часы тянулись медленно.

Время от времени звонил телефон — подчинённые рапортовали, что сеть расставлена, все люди на местах, бдительность не ослабевает.

О деле у Эраста Петровича и Евстратия Павловича всё уж было переговорено, а на отвлечённые темы разговор не клеился — слишком различался у партнёров круг интересов.

Инженер-то ничего, ему молчание было не в тягость, а вот надворный советник весь извёлся.

— Графа Лорис-Меликова знать не приходилось? — спрашивал он.

— Как же, — отвечал Фандорин — и только.

— Говорят, объёмного ума был человек, даром что армяшка.

Молчание.

— Я, собственно, к чему. Мне рассказывали, что его сиятельство перед своей отставкой долго разговаривал с Александром Третьим наедине, делал разные пророчества и наставления: про конституцию, про послабления инородцам, про иностранную политику. Покойный государь, как известно, разумом был не востёр. После со смехом рассказывал: «Лорис меня вздумал Японией пугать — представляете? Чтоб я её опасался». Это в 1881 году, когда Японию никто и за страну-то не считал! Не слышали вы этого анекдота?

— Д-доводилось.

— Вот какие при Царе-Освободителе министры были. Ананасу Третьему не ко двору прились. Ну а про сына его Николашу и говорить нечего... Воистину сказано: «Захочет наказать — лишит разума»... Да не молчите вы! Я ведь искренне, от сердца. Душа за Россию болит!

— П-понятно, — сухо заметил Фандорин.

Даже совместная трапеза не поспособствовала сближению, тем более что ели каждый своё. Мыльникову филёр доставил графинчик рябиновой, розовое сало, солёные огурчики. Инженера японский слуга потчевал рисовыми колобками с кусочками сырой селёдки и маринованной редькой. С обеих сторон последовали вежливые предложения угоститься, столь же вежливо отклонённые. По окончании трапезы Эраст Петрович закурил голландскую сигару, Евстратий Павлович посасывал эвкалиптовую лепёшечку от нервов.

В конце концов, в установленный природой срок наступило утро.

На площади погасли фонари, над влажной мостовой закрубился пар, пронизываемый косыми лучами солнца, под окном погребального бюро по тротуару запрыгали воробьи.

— Вон он! — вполголоса сказал Фандорин, последние полчаса ни на миг не отрывавшийся от бинокля.

— Кто?

— Наш. З-звоню жандармам.

Мыльников проследил за направлением инженерных окуляров, прикинул к своим.

Через широкую, почти безлюдную площадь семенил человечек в натянутом на уши картузе.

— Точно он! — хищно прошептал надворный советник и выкинул фортель, не предусмотренный планом: высунулся в форточку, оглушительно дунул в свисток.

Эраст Петрович застыл с телефонной трубкой в руке.

— Вы что, рехнулись?!

Триумфально оскалившись, Евстратий Павлович бросил через плечо:

— А вы как думали? Что Мыльников железнодорожным всю славу отдаст? Хрену вам тёртого! Мой япошка, мой!

С разных концов площади к кургузому человечку неслись филёры, числом четверо. Заливисто свистели, грозно орал:

— Стой!

Шпион послушался, остановился. Повертел головой во все стороны. Убедился, что бежать некуда, но все-таки побежал — вдогонку за ранним, пустым трамваем, что с лязгом катил в сторону Зацепы.

Филёр, бежавший наперерез, решил, что разгадал намерение врага, — бросился навстречу вагону и лихо впрыгнул на переднюю площадку.

Тут как раз и японец догнал трамвай, однако внутрь не полез, а с разбегу подпрыгнул, зацепился руками за перекладину висячей лесенки и в два счета оказался на крыше.

Агент, оказавшийся в вагоне, заметался среди скамеек — не уразумел, куда подевался беглец. Трое остальных кричали, махали руками, но он их жестикуляции не понимал, а дистанция между ними и трамваем постепенно увеличивалась.

От вокзала на диковинное представление пялились зрители: отъезжающие, провожающие, извозчики.

Тогда Евстратий Павлович высунулся в форточку чуть не до пояса и оглушительным, иерихонским голосом возопил:

— Трамвай тормози, дура!

То ли филёр услышал начальственный вопль, то ли смикитил сам, но кинулся к вагоновожатому, и тут же завизжали тормоза, трамвай замедлил ход, и отставшие филёры стали быстро сокращать дистанцию.

— Врёт, не уйдёт! — удовлетворённо констатировал Мыльников. — От моих орлов — нипочём. Каждый из них стоит десятка ваших железнодорожных олухов.

Трамвай ещё не остановился, ещё скрежетал по рельсам, а маленькая фигурка в пиджачке пробежала по крыше, оттолкнулась ногой, сделала немислимое сальто и аккуратно приземлилась на газетный киоск, стоявший на углу площади.

— Акробат! — ахнул Евстратий Павлович.

Фандорин же пробормотал какое-то короткое, явно нерусское слово и вскинул к глазам бинокль.

Запыхавшиеся филёры окружили деревянную будку. Задрав головы, махали руками, что-то кричали — до похоронной конторы доносилось только «мать-мать-мать!».

Мыльников возбуждённо хохотал:

— Как кошка на заборе! Попался!

Вдруг инженер воскликнул:

— *Сюрикэн!*

Отшвырнул бинокль, выскочил на улицу, громко закричал:

— Берегись!!!

Да поздно.

Циркач на крыше киоска завертелся вокруг собственной оси, быстро взмахивая рукой — будто благословлял филёров на все четыре стороны. Один за другим, как подрубленные, мыльниковские «орлы» повалились на мостовую.

В следующую секунду шпион мягко, по-кошачьи спрыгнул вниз, помчался вдоль улицы к зияющей неподалёку подворотне.

Инженер бежал вдогонку. Надворный советник, в первый миг остолбеневший от потрясения, кинулся следом.

— Что это? Что это? — кричал он.

— Уйдёт! — простонал Эраст Петрович.

— Я ему уйду!

Мыльников выдернул из-под мышки револьвер и, как истинный мастер, открыл стрельбу на бегу. У Евстратия Павловича были основания гордиться меткостью, движущуюся фигуру он обычно клал с пятидесяти шагов первой же пулей, но тут просадил весь барабан, а попасть не сумел. Чёртов японец бежал странно, то косыми скачками, то зигзагами — попробуй подстрели.

— Зараза! — Мыльников щёлкнул бойком по стреляной гильзе. — Стреляйте, что же вы!

— Б-бесполезно.

На пальбу от здания вокзала бежали сорвавшиеся из засады жандармы. В публике началась паника — там кричали, толкались, размахивали зонтиками. С нескольких сторон доносились свистки городских. А беглец тем временем уже исчез в подворотне.

— По переулку, по переулку! — показал Фандорин жандармам. — Слева!

Голубые мундиры бросились в обход дома, Мыльников, свирепо матерясь, лез по пожарной лестнице на крышу, а Эраст Петрович остановился и безнадежно покачал головой.

В дальнейших поисках он участия не принимал. Посмотрел, как суетятся жандармы и полицейские, послушал несущиеся сверху вопли Евстратия Павловича и двинулся обратно к площади.

У газетного киоска толпились зеваки, мелькала белая фуражка околоточного.

Подходя, инженер слышал дребезжащий старческий голос, возвещавший слушателям:

— Сказано в пророчестве: посыплются с небеси звезды железные и поразят грешников...

Эраст Петрович хмуро сказал околоточному:

— Публику убрать.

И хоть был в цивильном платье, полицейский по тону понял — этот имеет право приказывать — и немедленно задудел в свисток.

Под грозное «Пасстаранись! Куда прёшь?» Фандорин обошёл место побоища.

Все четверо агентов были мертвы. Лежали в одинаковой позе, навзничь. У каждого во лбу, глубоко войдя в кость, торчала железная звёздочка с острыми блестящими концами.

— Хос-поди! — закрестился подошедший Евстратий Павлович.

Всхлипнув, присел на корточки, хотел выдернуть железку из мёртвой головы.

— Не трогать! К-края смазаны ядом.

Мыльников отдёргнул руку.

— Что за чертовщина?

— Это *сюрикэн*, он же *сяринкэн*. Метательное оружие «крадущихся». Есть в Японии такая секта потомственных шпионов.

— Потомственных? — часто-часто заморгал надворный советник. — Это как у нашего

Рыкалова из розыскного отдела? У него ещё прадед в Секретной канцелярии служил, при Екатерине Великой.

— Вроде этого. Так вот зачем он на киоск взобрался...

Последняя реплика Эраста Петровича была адресована самому себе, но Мыльников вскинулся:

— Зачем?

— Чтоб метать по неподвижным мишеням. А вы — «к-кошка на заборе». Ну и наломали же вы, Мыльников, дров.

— Что дрова. — По щекам Евстратия Павловича катились слезы. — Наломал — отвечу, не впервой. Людей жалко. Ведь какие молодцы, один к одному. Зябликов, Распашной, Касаткин, Мёбиус...

Со стороны Татарских улиц бешено вылетела коляска, из неё выкатился бледный человек без шляпы, ещё издали закричал:

— Евстратьпалыч! Беда! Ушёл Дрозд! Пропал!

— А наш подсадной что?!

— Нашли с ножом в боку!

Надворный советник зашёлся таким бешеным матом, что из толпы донеслось уважительное:

— Внятно излагает.

А инженер быстрым шагом двигался в сторону вокзала.

— Куда вы? — крикнул Мыльников.

— В камеру хранения. Теперь за мелинитом не явятся.

* * *

Но Эраст Петрович ошибся. Перед распахнутой дверью переминался с ноги на ногу приёмщик.

— Ну как, взяли голубчиков? — спросил он, увидев Эраста Петровича.

— Каких г-голубчиков?

— Да как же! Тех двоих. Которые багаж забрали. Я жал на кнопку, как велено. Потом заглянул в комнату к господам жандармам. Смотрю — пусто.

Инженер застонал, как от приступа боли.

— Д-давно?

— Первый был ровно в пять. Второй минуточек через семь-восемь.

Брегет Эраста Петровича показывал пять двадцать девять.

Надворный советник снова заматерился, но теперь уже не грозно, а жалобно, в миноре.

— Это пока мы по дворам и подвалам лазали, — причитал он.

Фандорин же констатировал траурным голосом:

— Разгром хуже Цусимы.

Слог второй, насквозь железнодорожный

Здесь же, в коридоре, случился межведомственный конфликт. Эраст Петрович, от злости утративший свою обычную сдержанность, высказал Евстратию Павловичу всё, что думает по поводу Особого Отдела, который горазд плодить доносчиков и провокаторов, а как дойдёт до настоящего дела, оказывается ни на что не годен и лишь приносит вред.

— Вы, жандармы, тоже хороши, — огрызнулся Мыльников. — Что это ваши умники без

приказа с засады сорвались? Упустили мелинитчиков, где их теперь искать?

И Фандорин умолк, сражённый то ли справедливостью упрёка, то ли обращением «вы, жандармы».

— Не сложилось у нас с вами сотрудничество, — вздохнул представитель Департамента полиции. — Теперь вы нажалуетесь на меня своему начальству, я на вас моему. Только писаниной делу не поможешь. Худой мир лучше доброй ссоры. Давайте так: вы своей железной дорогой занимайтесь, а я буду товарища Дрозда ловить. Как нам обоим по роду деятельности и должностной инструкции положено. Оно вернее будет.

Охота за революционерами, вступившими в контакт с японской разведкой, Евстратию Павловичу явно представлялась делом более перспективным, чем погоня за неведомыми диверсантами, которых поди-ка сыщи на восьмидесятиверстной магистрали.

Но Фандорину надворный советник до того опротивел, что инженер брезгливо сказал:

— Отлично. Только на глаза мне больше не попадайтесь.

— Хороший специалист никогда не попадает на глаза, — промурлыкал Евстратий Павлович и был таков.

Лишь теперь, каясь, что потратил несколько драгоценных минут на пустые препирательства, Эраст Петрович взялся за работу.

Первым делом подробно расспросил приёмщика о предъявителях квитанций на багаж.

Выяснилось, что человек, забравший восемь бумажных свёртков, был одет как мастеровой (серая рубашка без воротничка, поддёвка, сапоги), но лицо одежде не соответствовало — приёмщик назвал его «непростым».

— Что значит «непростое»?

— Из образованных. Очкастый, волосья до плеч, бородёнка, как у дьячка. Рабочий или ремесленник разве такой бывает. И ещё хворый он. Лицо белое и всё поперхивал, платком губы тёр.

Второй получатель, явившийся через несколько минут после очкастого, заинтересовал инженера ещё больше — тут наметилась явная зацепка.

Человек, унёсший три дощатых ящика, был одет в форму железнодорожного почтовика! Тут приёмщик ошибиться не мог — не первый год служил в ведомстве путей сообщения.

Усатый, скуластое лицо, лет средних. На боку у получателя висела кобура, а это означало, что он сопровождает почтовый вагон, где, как известно, перевозят и денежные суммы, и ценные посылки.

Уже предчувствуя удачу, но подавляя это опасное настроение, Фандорин спросил у подполковника Данилова, только что прибывшего к месту происшествия:

— В последние двадцать минут, после половины шестого, поезда отправлялись?

— Так точно, харбинский. Десять минут, как отошёл.

— Там они, голубчики. Оба, — уверенно заявил инженер.

Подполковник засомневался:

— А может, в город вернулись? Или следующего, павелецкого ждут? Он в шесть двадцать пять.

— Нет. Неслучайно они явились почти в одно и то же время, с интервалом в несколько минут. Это раз. И, учтите, в какое время — на рассвете. Что на вокзале примечательного в шестом часу утра кроме отправления харбинского поезда? Это два. Ну и, конечно, третье. — Голос инженера посуровел. — На что диверсантам п-павелецкий поезд? Что они будут на павелецкой ветке взрывать — сено-солому и редиску-морковку? Нет, наши фигуранты уехали на харбинском.

— Дать телеграмму, чтоб остановили состав?

— Ни в коем случае. Там мелинит. Кто их знает, что это за люди. Заподозрят неладное — могут п-подорвать. Никаких задержек, никаких неурочных остановок. Мелинитчики и так настороже, нервничают. Скажите лучше, где первая остановка по расписанию?

— Это курьерский. Стало быть, остановится только во Владимире. Сейчас посмотрю расписание... В девять тридцать.

* * *

Мощный паровоз, срочно снаряжённый Даниловым, нагнал харбинца на границе Московской губернии и далее сохранял верстовую дистанцию, которую сократил лишь перед самым Владимиром.

Всего с минутным опозданием влетел на соседний путь. Фандорин спрыгнул на платформу, не дожидаясь, пока локомотив остановится. Курьерский стоял на станции десять минут, так что каждый миг был дорог.

Инженера встречал ротмистр Ленц, начальник Владимирского железнодорожно-жандармского отделения, подробно проинструктированный обо всем по телефону. Он диковато взглянул на фандоринский маскарад (засаленная тужурка, седые усы и брови, виски тоже седые, но их подкрашивать не пришлось), вытер платком распаренную лысину, но вопросов задавать не стал:

— Всё готово. Прошу.

О дальнейшем докладывал уже на бегу, поспевая за Эрастом Петровичем:

— Тележка ждёт. Личный состав собран. Не высовываются, как велено...

Станционный почтовик, посвящённый в суть дела, топтался возле тележки, нагруженной корреспонденцией, и, судя по меловому оттенку лица, здорово трусил. Комната была набита голубыми мундирами — все жандармы сидели на корточках, да ещё пригибали головы. Это чтобы не увидели с перрона, через окно, понял Фандорин.

Улыбнулся почтовому служащему:

— Спокойней, спокойней, ничего особенного не случится.

Взялся за ручки, выкатил тележку на перрон.

— Семь минут, — прошептал ему вслед ротмистр. Из почтового вагона, прицепленного сразу за паровозом, высовывался человек в синей куртке.

— Спишь, Владимир? — сердито закричал он. — Что тянете?

Длинноусый, средних лет. Скуластый? Пожалуй, — прикинул Эраст Петрович и снова прошептал напарнику:

— Да не дрожите вы. Зевайте, вы чуть не проспали.

— Вот... Сморило... Вторые сутки на дежурстве, — лепетал владимирец, старательно зевая и потягиваясь.

Ряженный инженер тем временем быстро кидал в открытую дверь почту, а сам примеривался — не обхватить ли длинноусого за пояс, не швырнуть ли на перрон? Уж чего проще.

Решил повременить — проверить, здесь ли три дощатых ящика размером 15x10x10 дюймов. И правильно сделал, что повременил.

Поднялся в вагон, принялся раскладывать владимирскую почту на три кучи: письма, посылки, бандероли.

Внутри был самый настоящий лабиринт из уложенных штабелями мешков, коробок и ящиков.

Эраст Петрович прошёлся вдоль одного ряда, потом вдоль другого, но знакомого багажа не

увидел.

— Чего гуляешь? — рявкнули на него из тёмного прохода. — Живей пошевеливайся! Мешки вон туда, квадратные — туда. Новенький, что ли?

Вот так сюрприз: второй почтальон, тоже лет сорока, скуластый и с усами. Который из них? Жаль, нельзя было прихватить с собой приёмщика из камеры хранения...

— Новенький, — прогудел Фандорин простуженным басом.

— А по виду старенький.

Второй почтовик подошёл к первому, встал рядом. У обоих на поясе висело по кобуре с «наганом».

— Чего руки-то трясутся, погулял вчера? — спросил второй у владимирца.

— Маленько погулял...

— Ты ж говорил, вторые сутки на дежурстве? — удивился первый, длинноусый.

Второй высунулся из двери, посмотрел на станционное здание.

«Который из них? — пытался угадать Фандорин, быстро скользя вдоль штабелей. — Или оба не те? Где ящики, с мелинитом?»

Вдруг оглушительно лязгнуло — это второй почтальон захлопнул дверь и задвинул засов.

— Ты чего, Матвей? — удивился длинноусый. Матвей ощерил жёлтые зубы, щёлкнул взведённым курком:

— Да уж знаю чего! Три синие фуражки в окне, и все сюда пялятся! У меня нюх!

Неимоверное облегчение — вот чувство, которое Эраст Петрович испытал в эту минуту. Значит, не зря брови и усы свинцовыми белилами мазал, не зря три часа паровозной копотью дышал.

— Матвей, ты что, сдурел? — не мог взять в толк длинноусый, моргая на блестящее дуло.

Владимирец — тот сразу сообразил, вжался спиной в стенку.

— Тихо, Лукич. Не суйся. А ты, тля, говори: грузчик твой из сыскарей? Убью! — Объект схватил местного за ворот.

— Моё дело подневольное... Пожалейте... до пенсии годик всего... — сразу капитулировал абориген.

— Эй, милейший, не глупите! — крикнул, высовываясь из-за ящиков, Фандорин. — Деваться вам все равно некуда. Бросайте ору...

Чего он никак не ожидал — что объект выстрелит, даже недослушав.

Инженер едва успел присесть, пуля свистнула над самой головой.

— Ах ты, паскуда! — раздался возмущённый крик длинноусого, которого диверсант назвал «Лукичом».

Снова громыхнуло. Слились два голоса — один застонал, второй взвизгнул.

Эраст Петрович подполз к краю штабеля, выглянул.

Дело приняло совсем скверный оборот.

Матвей засел в углу, выставив вперёд руку с револьвером. Лукич лежал на полу, шаря по груди окровавленными пальцами. Владимирский почтовик визжал, закрыв лицо руками.

В мертвенном свете электрической лампы покачивался сизоватый пороховой дым.

Из позиции, которую занимал Фандорин, подстрелить мерзавца было проще простого, но он нужен был живой и желательно малопомятый. Поэтому Эраст Петрович высунул руку с «браунингом» и послал две пули в стенку, поправее объекта.

Тот, как и следовало, ретировался из угла за штабель картонных коробок.

Не переставая стрелять (три, четыре, пять, шесть, семь), инженер вскочил, с разбегу налетел всем корпусом на коробки — те обрушились, завалив спрятавшегося за ними человека.

Дальнейшее было делом двух секунд.

Эраст Петрович схватил торчащую ногу в яловом сапоге, выдернул диверсанта на Божий (то бишь, электрический) свет и стукнул ребром ладони повыше ключицы.

Один есть.

Теперь нужно было добыть второго, очкастого, что забрал бумажные свёртки.

Только вот как его найти? И вообще, в поезде ли он?

* * *

Но искать очкастого не пришлось — нашёлся сам.

Когда Эраст Петрович откинул засов и распахнул тяжёлую дверь вагона, первое, что он увидел — бегущих по платформе людей, услышал испуганные крики, женский визг.

Возле почтового вагона стоял бледный ротмистр Ленц и вёл себя странно: вместо того чтоб смотреть на инженера, только что подвергшегося смертельной опасности, жандарм то и дело косился куда-то вбок.

— Принимайте, — сказал Фандорин, подтаскивая к краю ещё не очухавшегося диверсанта. — И носилки сюда, здесь раненый. — Кивнул на мечущуюся публику. — Из-за пальбы переполошились?

— Никак нет. Беда, господин инженер. Едва выстрелы послышались, я со своими на перрон выскочил, думал вам на помощь... Как вдруг вон из того вагона (Ленц показал в сторону) вопль, бешеный: «Живым не дамся!» И началось...

Двое жандармов поволокли арестованного Матвея, а Эраст Петрович спрыгнул на перрон и посмотрел в указанном направлении.

Увидел зелёный, третьеклассный вагон, возле которого не было ни души — лишь за опущенными стёклами мелькали белые лица с разинутыми ртами.

— У него револьвер. И бомба, — торопливо рапортовал Ленц. — Верно, подумал, что это мы его брать выскочили... Отобрал у кондуктора ключи, запер вагон с обеих сторон. Там внутри человек сорок. Кричит: «Только суньтесь — всех подорву!»

И в самом деле, из вагона донёсся истошный крик:

— Назад!!! Кто шевельнётся — взрываю всех к черрртовой матери!

— Однако до сих пор не взорвал, — задумчиво произнёс инженер. — Хотя возможность имел. Вот что, ротмистр: срочно все ящики из почтового вагона вынести. После разберёмся, какие из них наши. Нести с соблюдением всех мер осторожности. Если сдетонирует, будете после новый вокзал строить. То есть уже не вы, конечно, — д-другие. За мной не соваться. Я сам.

Пригнувшись, Эраст Петрович побежал вдоль состава. Остановился у окна, из которого давеча грозились «взорвать всех к чёртовой матери». Оно, единственное, было до половины открыто.

Инженер деликатно постучал по стенке: тук-тук-тук.

— Кто там? — откликнулся удивлённый голос.

— Инженер Фандорин. Позвольте войти?

— Зачем это?

— Хотелось бы п-поговорить.

— Так я же сейчас тут всё подорву, — недоуменно сказал голос. — Вы что, не слышали? И потом, как вы войдёте? Дверь я ни за что не открою.

— Это ничего, не беспокойтесь. Я через окошко, вы только не стреляйте.

Ловко подтянувшись, Эраст Петрович просунулся в окно до плеч, немного обождал, чтобы

бомбист получше рассмотрел его почтенные седины, и лишь после этого медленно, очень медленно забрался в вагон.

Дело было швах: револьвер очкастый сунул за пояс, а в руках держал чёрный свёрток, причём пальцы запустил внутрь — надо думать, сжимал стеклянный взрыватель. Чуть надавит — и мина жажнет, а от неё взорвутся остальные семь. Вон они, на верхней полке, под мешковиной.

— Вы не похожи на инженера, — сказал бледный как смерть юноша, разглядывая пыльную одежду мнимого грузчика.

— Вы тоже не похожи на п-пролетария, — парировал Эраст Петрович.

Вагон был бескупейный, он представлял собой длинный проход с деревянными скамейками по обе стороны. В отличие от галдящей перронной публики, заложники сидели тихо — чувствовали близость смерти. Лишь откуда-то донёсся женский голос, слезливо бормочущий молитву.

— Тихо ты, идиотка, сейчас подорву! — крикнул юноша страшным басом, и молитва оборвалась.

Опасен, крайне опасен, определил Фандорин, заглянув в расширенные глаза террориста. Не красуется, не истерику закатывает — в самом деле взорвёт.

— Из-за чего задержка? — спросил Эраст Петрович.

— А?

— Я же вижу: вы смерти не боитесь. Тогда чего тянете? Почему не раздавите взрыватель? Что-то держит вас. Что?

— Вы странный. — Очкастый облизнул белые губы. — Но вы правы... Всё не так. Всё должно было не так... Задёшево пропадаю. Обидно. И она десять тысяч не получит...

— Кто, ваша мать? От кого не получит, от японцев?

— Да какая мать! — сердито дёрнулся юноша. — Ах, как славно было придумано! Она бы ломала голову: кто, откуда? А потом догадалась бы и благословила мою память. Россия прокляла бы, а она бы благословила!

— Та, которую вы любите? — кивнул Фандорин, начиная догадываться. — Она несчастна, несвободна, эти деньги спасли бы её, позволили начать новую жизнь?

— Да! Вы не представляете, какая мерзость эта Самара! А её родители, братья! Скоты, сущие скоты! Пускай она меня не любит, пускай! Да и зачем любить живой труп, выхаркивающий собственные лёгкие? Но я и с того света протяну ей руку, я вытащу её из трясины... То есть вытащил бы...

Молодой человек простонал и затрясся так, что чёрная бумага зашуршала у него в руках.

— Она не получит деньги, потому что вы не сумели взорвать мост? Или туннель? — быстро спросил Эраст Петрович, не сводя глаз со смертоносного свёртка.

— Мост, Александровский. Откуда вы знаете? Хотя какая разница... Да, самурай не заплатит. Я погибаю зря.

— Значит, вы всё это из-за неё, из-за десяти тысяч?

Очкастый мотнул головой:

— Не только. Я хочу России отомстить. Гнусная страна, гнусная!

Фандорин опустил на скамейку, закинул ногу на ногу и пожал плечами:

— Большого вреда России вы теперь нанести не сможете. Ну, подорвёте вагон. Убьёте и покалечите сорок бедных пассажиров третьего класса, а ваша дама сердца останется чахнуть в Самаре. — Он помолчал, чтобы молодой человек как следует вдумался, и энергично произнёс. — У меня есть идея получше. Вы отдаёте мне взрывчатку, и тогда девушка, которую вы любите, получит десять тысяч. А уж Россию предоставьте её собственной судьбе.

— Вы меня обманете, — прошептал чахоточный.

— Нет. Даю слово чести, — сказал Эраст Петрович, и таким тоном, что не поверить было нельзя. На щеках бомбиста выступили пятна румянца.

— Не хочу умирать в тюремной больнице. Лучше здесь, сейчас.

— Это как вам угодно, — тихо сказал Фандорин.

— Хорошо. Я напишу ей записку...

Юноша вытащил из кармана блокнот, лихорадочно застрочил в нем карандашом. Свёрток с бомбой лежал на скамейке, теперь Фандорину ничего не стоило им завладеть, но инженер не тронулся с места.

— Только, пожалуйста, коротко, — попросил он. — Пассажиров жалко. Ведь для них каждая секунда мучительна. Не дай Бог, кого удар хватит.

— Да-да, я сейчас...

Дописал, аккуратно сложил, отдал.

— Там имя и адрес...

Лишь теперь Фандорин взял мину и передал её в окно, подозвав жандармов. За ней последовали и остальные семь: очкастый осторожно брал их, подавал Эрасту Петровичу, тот спускал вниз.

— А теперь выйдите, пожалуйста, — сказал обречённый, взводя курок. — И помните: вы дали слово чести.

Эраст Петрович посмотрел в светло-голубые глаза юноши, понял, что уговаривать бессмысленно, и пошёл к выходу.

Почти сразу же за спиной грянул выстрел.

* * *

Домой инженер вернулся на исходе дня, усталый и грустный. В Москве на вокзале ему вручили телеграмму из Петербурга: «Всё хорошо что хорошо кончается но нужен японец про десять тысяч надеюсь шутка».

Это означало, что платить самарской Belle Dame sans merci [□](#) инженеру придётся из собственного кармана, но печалился он не из-за этого — из головы всё не шёл самоубийца с его любовью и его ненавистью. А ещё мысли Эраста Петровича вновь и вновь возвращались к человеку, который придумал, как извлечь из чужой беды практическую пользу.

От арестованного почтальона про этого человека выяснили немного. Можно сказать, ничего нового. Где его, такого изобретательного, искать, было непонятно. Ещё трудней было предугадать, в какой точке он нанесёт следующий удар.

В дверях казённой квартиры Фандорина встретил камердинер. Сегодня нейтралитет дался Масе особенно тяжело. Всё время, пока господин отсутствовал, японец бормотал сутры и даже пробовал молиться перед иконой, но сейчас был само бесстрашие. Окинул Эраста Петровича быстрым взглядом — цел ли? Увидев, что цел, на миг зажмурился от облегчения и тут же равнодушно доложил по-японски:

— Снова письмо от городского жандармского начальника.

Инженер, морщась, развернул записку, в которой генерал-лейтенант Шарм настоятельно приглашал пожаловать к нему на ужин нынче в половине восьмого. Записка кончалась словами: «А то я, право, обижусь».

Вчера было точно такое же приглашение, за недосугом оставленное без ответа.

Неудобно. Старый, заслуженный генерал. Опять же смежное ведомство, обижать нельзя.

— Помыться, побриться, смокинг, белый галстук, цилиндр, — кисло сказал инженер слуге. — Я ненадолго.

Слог третий, в котором Рыбников даёт волю страсти

25 мая Гликерия Романовна прокатилась вдоль бульвара впустую — Вася не пришёл. Это её расстроило, но не слишком сильно. Во-первых, теперь она знала, где его можно найти, а во-вторых, ей было чем заняться.

Прямо с бульвара Лидина поехала к Константину Фёдоровичу Шарму на службу. Старик ужасно обрадовался. Выставил из кабинета каких-то офицеров с бумагами, велел подать шоколад и вообще был очень мил со своей старомодной галантностью.

Вывести разговор на Фандорина было совсем нетрудно. После болтовни об общих петербургских знакомых Гликерия Романовна рассказала, как чуть не угодила в кошмарное крушение на мосту, красочно описала виденное и свои переживания. Детально остановилась на таинственном господине с седыми висками, руководившем дознанием.

Сильный эпитет, как и рассчитывала Лидина, подействовал.

— Для вас, может, он и таинственный, но не для меня, — снисходительно улыбнулся генерал. — Это Фандорин из Питерского железнодорожного. Умнейший человек, космополит, большой оригинал. Он сейчас ведёт в Москве очень важное дело. Я предупреждён, что в любую минуту может понадобиться моё содействие.

У Гликерии Романовны упало сердце: «важное дело». Бедный Вася!

Но она не подала виду, что встревожена. Вместо этого изобразила любопытство:

— Космополит? Большой оригинал? Ах, милый Константин Фёдорович, познакомьте меня с ним! Я знаю, для вас нет невозможного!

— Нет-нет, и не просите, Эраст Петрович имеет репутацию разбивателя сердец. Неужто и вы не остались равнодушны к его мраморному лику? Берегитесь, я взревную и установлю за вами секретное наблюдение! — шутливо погрозил пальцем генерал.

Но, конечно, упирался недолго — обещал нынче же пригласить петербуржца ужинать.

Гликерия Романовна надела серебристое платье, имевшее у неё прозвание «фатального», надушилась пряными духами и даже чуть-чуть подвела глаза, чего обычно не делала. Хороша была так, что минут пять не могла выйти на лестницу — всё любовалась на себя в зеркало.

А мерзкий Фандорин не пришёл. Весь вечер Лидина просидела рядом с пустым стулом, слушая цветистые комплименты хозяина и разговоры его скучных гостей.

Когда прощалась, Константин Фёдорович развёл руками:

— Не пришёл ваш «таинственный». Даже на записку ответить не соизволил.

Она стала уговаривать генерала, чтоб не сердился — может быть, у Фандорина важное расследование. И сказала:

— Как у вас мило! И гости такие славные. Знаете что, а устройте завтра опять ужин, в том же самом кругу. А Фандорину напишите как-нибудь порешительней, чтоб непременно пришёл. Обещаете?

— Ради удовольствия вновь видеть вас у себя я на все готов. Но что вам так дался Фандорин?

— Не в нём дело, — доверительно понизила голос Лидина. — Это так, пустое любопытство. Если угодно, каприз. Просто мне сейчас очень одиноко, хочется почаще бывать в обществе. Я вам не говорила: я уйду от Жоржа.

Генерал понял доверительность. Оглянувшись на свою мымру-жену, немедленно предложил завтра отобедать за городом, но это Гликерия Романовна быстро исправила. В

сущности, старику было совершенно достаточно слегка пококетничать с молодой привлекательной женщиной, а насчёт обеда у «Яра» это он сказал уж так, по привычке, как отставной гусарский конь, что стучит копытом, заслышав дальний звук трубы.

* * *

Назавтра Фандорин, хоть и с опозданием, но явился. Больше от него, собственно, ничего и не требовалось — в своих чарах у Лидиной никаких сомнений не было. А выглядела она нынче не хуже, чем вчера. Даже ещё лучше, потому что придумала надеть расшитую мавританскую шапочку, спустив с неё на лицо прозрачную, совершенно неземную вуальку.

Стратегию выбрала самую простенькую, но безошибочную.

Сначала не смотрела на него вовсе, а была любезна с самым красивым из гостей — конногвардейцем, адъютантом генерал-губернатора.

Потом, с неохотой уступив просьбам хозяина, исполнила смелый романс г-на Пойгина «Не уходи, побудь со мною», сама себе аккомпанируя на рояле. Голос у Гликерии Романовны был небольшой, но очень милого тембра, на мужчин действовал безотказно. Выпевая страстные обещания «утолить и утомить лаской огневою», смотрела поочерёдно на всех мужчин, но только не на Фандорина.

Когда, по её расчёту, предмет должен был уже созреть — то есть достичь нужного градуса заинтригованности и уязвленности, Лидина приготовилась нанести завершающий удар и даже направилась было к козетке, на которой одиноко сидел Фандорин, но помешал хозяин.

Подошёл к гостю и завёл дурацкие служебные разговоры. Стал нахваливать какого-то железнодорожного штабс-ротмистра Лисицкого, который давеча явился с очень интересным предложением — учредить постоянный пункт на городской телефонной станции.

— Отличная идея пришла в голову вашему подчинённому, — рокотал генерал. — Вот что значит жандармская косточка! Не штафирки из Департамента додумались, а наши! Я уж распорядился выделить необходимую аппаратуру и особую комнату. Лисицкий говорил, что идея телефонного подслушивания принадлежит вам.

— Не «подслушивания», а «прослушивания». К тому же штабс-ротмистр с-скромничает, — недовольно сказал Фандорин. — Я здесь ни при чем.

— Быть может, одолжите мне его на первое время? Дельный офицер.

Вздыхнув, Лидина поняла, что штурм придётся отложить до более удобного момента.

Он настал, когда перед трапезой мужчины по новомодному обычаю вышли в курительную комнату. К этому времени Гликерия Романовна окончательно утвердилась в положении царицы вечера, а у предмета, конечно, не осталось ни малейших сомнений, что он — наименее привлекательный из всех присутствующих кавалеров. Судя по тому что Фандорин украдкой поглядывал на часы, он уже не ждал от суаре ничего приятного и прикидывал, когда будет прилично ретироваться.

Пора!

Стремительно (тут уж медлить было незачем) она подошла к седоватому брюнету, попыхивавшему ароматной сигаркой, и объявила:

— Вспомнила! Вспомнила, где я вас видела! У взорванного моста. Такое необыкновенное лицо трудно забыть.

Следователь (или как он там в своём ведомстве назывался) вздрогнул и уставился на Лидину чуть сузившимися голубыми глазами — надо признать, очень шедшими к подёрнутым серебром волосам. Ещё бы ему не вздрогнуть, от такого комплимента, и к тому же совершенно

неожиданного.

— В самом деле, — медленно произнёс он, поднимаясь. — Я тоже п-припоминаю. Вы, кажется, были не одна, а с каким-то военным...

Гликерия Романовна небрежно махнула:

— Это мой приятель.

Заводить разговор про Васю было рано. Не то чтоб у неё имелся какой-то заранее выработанный план действий — она слушалась одного лишь вдохновения, но мужчине ни в коем случае нельзя показывать, что тебе от него что-то нужно. Он должен пребывать в уверенности, что это ему кое-что нужно, и в её воле — дать это заветное кое-что или не давать. Сначала нужно заронить надежду, потом отобрать, потом снова пощекотать ноздри волшебным запахом.

Умная женщина, которая хочет привязать к себе мужчину, всегда чувствует, какого он типа: из тех, кого в конце концов придётся накормить, или тех, кто должен оставаться вечно голодным — послушной будет.

Рассмотрев Фандорина вблизи, Лидина сразу поняла, что этот не из платонических воздыхателей. Если долго водить за нос, пожмёт плечами и уйдёт.

Тем самым вопрос переходил из фазы тактической в нравственную и, если без экивоков (а Лидина всегда старалась быть с собою предельно честной), мог быть сформулирован следующим образом: возможно ли дойти во флирте с этим человеком до самого конца — ради Васиного спасения?

Да, она была готова к этой жертве. Почувствовав это, Гликерия Романовна испытала нечто вроде умиления и тут же принялась оправдывать подобный поступок.

Во-первых, это будет не разврат, а чистейшей воды самоотверженность — причём даже не из-за страстной влюблённости, а из-за бескорыстной, возвышенной дружбы.

Во-вторых, так Астралову и надо, он заслужил.

Конечно, если б Фандорин оказался жирным, с бородавками и запахом изо рта, о таком жертвоприношении не могло бы идти и речи, но англазированный следователь был хоть и немолод, но вполне привлекателен. И даже более чем привлекателен...

Весь этот вихрь мыслей пронёсся в голове Лидиной за секунду, так что сколько-нибудь заметной паузы в разговоре не образовалось.

— Я видела, вы нынче не сводили с меня глаз, — сказала она низким, вибрирующим голосом и коснулась его руки.

Ещё бы! Она всё делала для того, чтобы гости не забывали о ней ни на минуту.

Брюнет возражать не стал, честно наклонил голову.

— А я на вас не смотрела. Совсем.

— Я з-заметил.

— Потому что боялась... У меня ощущение, что вы появились здесь не просто так. Что нас свела судьба. И от этого мне стало страшно.

— С-судьба? — переспросил он со своим едва заметным заиканием.

Взгляд у него был какой надо — внимательный и, кажется, даже оторопевший.

Лидина решила не тратить времени попусту. Чему быть — того не миновать. И — бесшабашно, как головой в омут:

— Знаете что? Уедем отсюда. К черту ужин. Пускай сплетничают, мне всё равно.

Если Фандорин и колебался, то не более чем мгновение. Глаза сверкнули металлическим блеском, голос прозвучал сдавленно:

— Что ж, едем.

По дороге на Остоженку он вёл себя непонятно. Руку не сжимал, поцеловать не пытался, даже не разговаривал.

Гликерия Романовна тоже молчала, пытаюсь сообразить, как лучше себя вести с этим странным человеком.

И отчего это он так напряжён? Губы плотно сжаты, не сводит глаз с извозчика.

О, да в этом омуте, кажется, черти водятся! Она ощутила внутри сладкое замирание и рассердилась на себя: не бабсья, это тебе не романтическое приключение, нужно Васю спасти.

В подъезде Фандорин повёл себя ещё удивительней.

Пропустил даму вперёд, но сам вошёл не сразу, а после паузы и как-то очень уж стремительно, чуть ли не прыжком.

По лестнице взбежал первым, руку при этом держал в кармане пальто.

А может быть, он того, испугалась вдруг Лидина. Как теперь говорят, с кукареку в голове?

Но отступить было поздно.

Она открыла дверь ключом.

Фандорин отстранил её и скакнул вперёд. Развернулся, прижался спиной к стене прихожей. Быстро повёл взглядом влево, вправо, наверх.

В руке у него чернел непонятно откуда взявшийся маленький пистолет.

— Что это с вами? — воскликнула не на шутку перепугавшаяся Гликерия Романовна.

Сумасшедший следователь спросил:

— Ну и где же он?

— Кто?

— Ваш любовник. Или начальник. Право, уж не знаю, в каких вы с ним отношениях.

— О ком вы говорите? — в панике пролепетала Лидина. — Я не пони...

— О том, чьё задание вы исполняете, — нетерпеливо перебил Фандорин, прислушиваясь. — Штабс-капитан, ваш попутчик. Ведь это он велел вам меня сюда заманить. Но в квартире его нет, я бы почувствовал. Где же он?

Она вскинула руку к груди. Знает, всё знает! Но откуда?

— Вася мне не любовник, — скороговоркой сказала она, не столько осознав, сколько почувствовав, что сейчас нужно говорить правду. — Он мой друг, и я действительно хочу ему помочь. Где он — не спрашивайте, этого я вам не скажу. Эраст Петрович, милый, я хочу просить вас о милосердии!

— О чем?!

— О милосердии! Человек совершил оплошность. Пускай с вашей военной точки зрения она считается преступлением, но это всего лишь рассеянность! Разве можно за рассеянность карать так строго?

Брюнет наморщил лоб, пистолет сунул в карман.

— Что-то я не п-пойму... О ком вы говорите?

— Да о нем, о нем! О Васе Рыбникове! Ну, потерял он этот ваш чертёж, так что же теперь, губить хорошего человека? Ведь это чудовищно! Война через месяц или через полгода кончится, а ему на каторгу? Или того хуже? Это не по-человечески, не по-христиански, согласитесь! — и так искренне, так проникновенно у неё это вырвалось, что у самой на глазах выступили слезы.

Даже сухаря Фандорина проняло — он смотрел с удивлением, даже с растерянностью.

— Как вы могли подумать, что я спасаю своего любовника! — горько произнесла Гликерия Романовна, развивая успех. — Разве стала бы я, любя одного мужчину, зазывать к себе другого?

Да, вначале я намеревалась вас очаровать, чтобы помочь Васе, но... но вы в самом деле вскружили мне голову. Признаться, я даже и забыла, ради чего хотела завлечь вас... Знаете, вот здесь вдруг что-то сжалось... — Она положила руку пониже лифа, чтобы рельефнее обрисовался бюст, и без того очень недурной.

Гликерия Романовна произнесла глухим от страсти голосом ещё несколько фраз в том же роде, не слишком заботясь об их правдоподобии — известно, что мужчины на такие речи доверчивы, особенно, когда добыча столь близка и доступна.

— Я ни о чем вас не прошу. И не буду просить. Забудем обо всем...

Она запрокинула голову и повернула её немного вбок. Во-первых, этот ракурс был самый выигрышный, а во-вторых, так было очень удобно её поцеловать.

Прошла секунда, вторая, третья.

Поцелуя не было.

Открыв и скосив глаза, Лидина увидела, что Фандорин смотрит не на неё, а в сторону. Ничего интересного там не было, лишь телефонный аппарат на стене.

— П-потерял чертёж? Рыбников вам так сказал? — раздумчиво произнёс следователь. — Он вам солгал, сударыня. Этот человек японский ш-шпион. Не хотите говорить, где он, — не нужно. Я и без вас это нынче же узнаю. П-прощайте.

Развернулся и вышел из квартиры.

У Гликерии Романовны чуть ноги не подкосились. Шпион? Какое чудовищное подозрение! Бедный Вася! Нужно немедленно предупредить его! Оказывается, опасность ещё серьёзней, чем он думает! И потом, Фандорин сказал, что нынче же узнает, где Вася прячется!

Она схватила телефонный рожок, но вдруг испугалась, не подслушивает ли следователь с лестницы. Распахнула дверь — никого, только быстрые шаги по ступеням.

Вернулась, стала телефонировать.

— Пансион «Сен-Санс», — проворковал в трубке женский голос. Слышались звуки фортепиано, играющего весёлую польку.

— Мне срочно нужно Василия Александровича!

— Их нету.

— А скоро ли будет?

— Они нам не докладываются.

Какая невоспитанная горничная! Лидина в отчаянии топнула ногой.

Выход был один: ехать туда и дожидаться.

* * *

Швейцар уставился на посетительницу так, будто к нему явилась не нарядная, в высшей степени приличная дама, а черт с рогами, и загородил проход грудью.

— Вам кого? — спросил он подозрительно.

Из дверей, как давеча из телефонной трубки, доносилась развесёлая музыка. Это в пансионе-то, в одиннадцатом часу вечера?

Ах да, ведь нынче 26 мая, окончание учебного года, вспомнила Гликерия Романовна. В пансионе, должно быть, выпускное празднество, потому и столько экипажей во дворе — родители приехали. Неудивительно, что швейцар не хочет пускать постороннего человека.

— Я не на праздник, — объяснила ему Лидина. — Мне нужно дождаться господина Рыбникова. Он, наверное, скоро придёт.

— Пришёл уже. Только к ним не сюда, вон туда пожалуйста, — показал привратник на

крылечко.

— Ах, какая я глупая! Разумеется, не может же Вася жить с пансионерками!

Она взбежала по ступенькам, шурша шёлком. Торопливо позвонила, да ещё и принялась стучать.

В окнах квартиры было темно. Ни тени, ни звука.

Устав ждать, Лидина крикнула:

— Василий Александрович! Это я! У меня срочное, ужасно важное дело!

И дверь сразу открылась, в ту же самую секунду.

На пороге стоял Рыбников и молча смотрел на неожиданную гостью.

— Отчего у вас темно? — спросила она почему-то шёпотом.

— Кажется, перегорел электрический трансформер. Что случилось?

— Но свечи-то у вас есть? — спросила она входя и прямо с порога, волнуясь и глотая слова, принялась рассказывать плохую новость: как случайно, в одном доме, познакомилась с чиновником, ведущим дело, и что этот человек считает Василия Александровича японским шпионом.

— Нужно объяснить ему, что чертёж у вас украли! Я буду свидетельницей, я расскажу про того типа из поезда! Вы не представляете, что за человек Фандорин. Очень серьёзный господин, глаза как лёд! Пускай разыскивает не вас, а того чернявого! Давайте я сама ему все объясню!

Рыбников слушал её сбивчивый рассказ молча и одну за одной зажигал свечи в канделябре. В подрагивающем свете его лицо показалось Гликерии Романовне таким усталым, несчастным и затравленным, что она задохнулась от жалости.

— Я для вас всё сделаю! Я вас не оставлю! — воскликнула Лидина, порывисто хватая его за руки.

Он дёрнулся, и в глазах его вспыхнули странные искры, совершенно преобразившие заурядную внешность. Это лицо уже не казалось Гликерии Романовне жалким — о нет! По чертам Рыбникова металась черно-красные тени, он был сейчас похож на врубелевского Демона.

— Боже, милый, милый, я же люблю вас... — пролепетала Лидина, потрясённая этим открытием. — Как же я... Вы самое дорогое, что у меня есть!

Она протянула ему руки, лицо, всё своё тело, трепеща в предвкушении встречного движения.

Но бывший штабс-капитан издал звук, похожий на рычание — и попятился.

— Уходите, — сказал он хрипло. — Немедленно уходите.

Лидина не помнила, как выбежала на улицу.

* * *

Какое-то время Рыбников стоял в прихожей неподвижно, смотрел на огоньки свечей застывшим, помертвевшим взглядом.

Потом в дверь тихонько постучали.

Одним прыжком он подскочил, рванул створку.

На крыльце стояла графиня.

— Извините за беспокойство, — сказала она, взглядываясь в полумрак. — У меня нынче шумно, так я пришла справиться, не досаждают ли вам гости. Я могу сказать им, что на фортепиано лопнула струна, и завести граммофон в малой гостиной. Тогда будет тише...

Почувствовав в поведении постояльца какую-то необычность, Бовада умолкла на полуслове.

— Почему вы так на меня смотрите?

Василий Александрович молча взял её за руку, притянул к себе.

Графиня была женщиной хладнокровной и чрезвычайно опытной, но тут от неожиданности растерялась.

— Пойдём, — рванул её за собой преобразившийся Рыбников.

Она шла за ним, недоверчиво улыбаясь.

Но когда Василий Александрович с глухим стоном впился в неё губами и сжал в своих сильных руках, улыбка на полном, красивом лице вдовы испанского гранда сменилась сначала изумлением, а позднее гримасой страсти.

Полчаса спустя Беатрису было не узнать. Она плакала у любовника на плече и шептала слова, которых не произносила много лет, с раннего девичества.

— Если бы ты знал, если бы ты знал, — всё повторяла она, вытирая слезы, но что именно он должен знать, объяснить так и не умела.

Рыбников её еле выпроводил.

Наконец оставшись в одиночестве, он сел на пол в неудобной, замысловатой позе. Пробыл так ровно восемь минут. Потом встал, по-собачьи встряхнулся и сделал телефонный звонок — ровно за тридцать минут до полуночи, как было условлено.

* * *

А в это самое время на другом конце бульварного кольца Лидина, ещё не снявшая накидки и шляпы, стояла у себя в прихожей перед зеркалом и горько плакала.

— Кончено... Жизнь кончена, — шептала она. — Я никому, никому не нужна...

Она покачнулась, задела ногой что-то шуршащее и вскрикнула. Весь пол прихожей был покрыт живым ковром из алых роз. Если б нос бедной Гликерии Романовны не заложило от рыданий, она ощутила бы дурманящий аромат ещё на лестнице.

Из тёмных глубин квартиры, сначала вкрадчиво, потом всё мощней и мощней полились чарующие звуки. Волшебный голос запел серенаду графа Альмавивы:

— "Скоро восток золото-ою ярко заблещет зарё-ою..."

Слезы из прекрасных глаз Гликерии Романовны хлынули ещё пуще.

Слог четвёртый, где все поминается Японский Бог

Едва дочитав срочное послание от старшего бригады, что прибыла из Петербурга взамен сражённых стальными звёздами филёров, Евстратий Павлович выскочил из-за стола и кинулся к двери — даже про котелок забыл.

Дежурные пролётки стояли наготове, у входа в Охранное, а езды от Гнездниковского до Чистопрудного было, если с ветерком, минут десять.

— Ух ты, ух ты, — приговаривал надворный советник, пытаясь ещё раз прочесть записку — это было непросто: коляска прыгала на булыжной мостовой, света фонарей не хватало, да и накалякал Смуров, будто курица лапой. Видно было, что опытейший агент, приставленный следить за фандоринскими передвижениями, разволновался не на шутку — буквы прыгали, строчки перекошились.

"Принял дежурство в 8 от ст. филёра Жученко, у дома генерала Шарма. Чернобурый вышел из подъезда без трех 9 в сопровождении барыньки, которой

присвоена кличка Фифа. Доехали на извозчике до Остоженки, дом Бомзе. В 9.37 Чернобурый вышел, а через пять минут выбежала Фифа. Двоих отправил за Чернобурым, мы с Крошкиным последовали за Фифой — вид у неё был такой встревоженный, что это показалось мне примечательным. Она доехала до Чистопрудного бульвара, отпустила коляску у пансиона «Сен-Санс». Поднялась на крыльцо флигеля. Звонила, стучала, ей долго не открывали. С занятой мной позиции было видно, как из окна выглянул мужчина, посмотрел на неё и спрятался. Там напротив яркий фонарь, и я хорошо разглядел его лицо. Оно показалось мне знакомым. Не сразу, но вспомнил, где я его видел: в Питере, на Надеждинской (кличка Калмык). Только тут сообразил, что по приметам похож на Акробата, согласно описанию в циркулярной ориентировке. Он это, Евстратий Павлович, ей-богу он!

Ст. филёр Смуров"

Донесение было написано с нарушением инструкции, а заканчивалось и вовсе неподобающим образом, но надворный советник на Смурова был не в претензии.

— Ну что он? Всё там? — кинулся Мыльников к старшему филёру, выскочив из пролётки.

Смуров сидел в кустах, за оградой скверика, откуда отлично просматривался двор «Сен-Санса», залитый ярким светом разноцветных фонарей.

— Так точно. Вы не сомневайтесь, Евстратий Павлович, Крошкин у меня с той стороны дежурит. Если б Калмык полез через окно, Крошкин свистнул бы.

— Ну, рассказывай!

— Значится так. — Смуров поднёс к глазам блокнотик. — Фифа пробыла у Калмыка недолго, всего пять минут. Выбежала в 10.38, вытирая слезы платком. В 10.42 из главного хода вышла женщина, кличку ей дал Пава. Поднялась на крыльцо, вошла. Пава пробыла до 11.20. Вышла, всхлипывая и слегка покачиваясь. Больше ничего.

— Чем это он, ирод узкоглазый, так баб расстраивает? — подивился Мыльников. — Ну, да ничего, сейчас и мы его малость расстроим. Значит, так, Смуров. Я с собой шестерых прихватил. Одного оставляю тебе. На вас троих окна. Ну, а я с остальными пойду японца брать. Он ловок, только и мы не лыком шиты. Опять же темно у него — видно, спать лёг. Умаялся от бабья.

Пригнувшись, перебежали через двор. Перед тем как подняться на крыльцо, сняли сапоги — топот сейчас был ни к чему.

Люди у надворного советника были отборные. Золото, а не люди. Объяснять таким ничего не нужно — довольно жестов.

Щёлкнул пальцами Саплюкину, и тот вмиг согнулся над замком. Пошебуршал отмычкой, где надо капнул маслицем. Минуты не прошло — дверь бесшумно приоткрылась.

Мыльников вошёл в тёмную прихожую первым, держа наготове удобнейшую штуку — каучуковую палицу со свинцовым сердечником. Япошку надо было брать живьём, чтоб после Фандорин не разгноился.

Щёлкнув кнопкой потайного фонарика, Евстратий Павлович нащупал лучом три белых двери: одну впереди, одну слева, одну справа.

Показал пальцем: ты прямо, ты сюда, ты туда, только тс-с-с.

Сам остался в прихожей с Лепиньшем и Саплюкиным, готовый ринуться в ту дверь, из-за которой раздастся условный сигнал: мышинный писк.

Стояли, сжавшись от напряжения, ждали.

Прошла минута, другая, третья, пятая.

Из квартиры доносились неясные ночные шорохи, где-то за стенкой завывал граммофон.

Часы затеяли бить полночь — так неожиданно и громко, что у Мыльникова чуть сердце не выскочило.

Что они там возятся? Минутное дело — заглянуть, повертеть башкой. Под землю, что ли, провалились?

Надворный советник вдруг почувствовал, что больше не испытывает охотничьего азарта. И разгоряченности как не бывало — наоборот, по коже пробежали противные ледяные мурашки. Проклятые нервы. Вот возьму японца — и на минеральные воды, лечиться, пообещал себе Евстратий Павлович.

Махнул филёрам, чтоб не трогались с места, осторожненько сунул нос в левую дверь.

Там было совсем тихо. И пусто, как убедился Мыльников, посветив фонариком. Значит, должен быть проход в соседнее помещение.

Беззвучно ступая по паркету, вышел на середину комнаты.

Что за черт! Стол, кресла. Окно. На противоположной от окна стене зеркало. Другой двери нет — и Мандрыкина нет.

Хотел перекреститься, но помешала зажатая в руке палица.

Чувствуя, как на лбу выступает холодный пот, Евстратий Павлович вернулся в прихожую.

— Ну что? — одними губами спросил Саплюкин.

Надворный советник от него только отмахнулся. Заглянул в комнату, что справа.

Она была точь-в-точь такая же, как левая — и мебель, и зеркало, и окно.

Ни души, пусто!

Мыльников встал на карачки, посветил под стол, хотя предположить, что филёр вздумал играть в прятки, было невозможно.

В прихожую Евстратий Павлович вывалился, бормоча: «Господи, владычица небесная».

Оттолкнул агентов, бросился в дверь, что располагалась спереди, — уже не с палицей, а с револьвером.

Это была спальня. В углу умывальник, за шторой — ванная с унитазом и ещё какой-то фаянсовой посудиною, ввинченной в пол.

Никого! Из окна на Мыльникову глумливо косилась щербатая луна.

Он погрозил ей револьвером и с грохотом принялся распахивать шкафы. Заглянул под кровать, даже под ванну.

Японец пропал. И прихватил с собой трех лучших мыльниковских филёров.

Евстратий Павлович испугался, не случилось ли с ним затмение рассудка. Истерически закричал:

— Саплюкин! Лепиньш!

Когда агенты не отозвались, бросился в прихожую сам.

Только и там уже никого не было.

— Господи Иисусе! — воззвал надворный советник, роняя револьвер и широко крестясь. — Рассей чары беса японского!

Когда трижды сотворённое крёстное знамение не помогло, Евстратий Павлович окончательно понял, что Японский Бог сильнее русского, и повалился перед Его Косоглазием на колени.

Уткнулся лбом в пол и пополз к выходу, громко подвывая «банзай, банзай, банзай».

Слог последний, самый протяжный

Как он мог не узнать её сразу! То есть, конечно, устал, томился скукой, с нетерпением ждал, когда можно будет уйти. И она, разумеется, выглядела совсем по-другому: тогда, на

рассвете, у взорванного моста, была бледной, измождённой, в мокром и запачканном платье, а тут вся светилась нежной, ухоженной красотой, опять же затуманивавшая черты вуаль. Но всё же, хорош сыщик!

Лишь когда она сама подошла и сказала про мост, Эраста Петровича будто громом ударило: узнал, вспомнил её показания, повлекшие за собой роковую, постыдную ошибку, а главное — вспомнил её спутника.

Там, у склада на станции «Москва-Товарная», увидев в бинокль получателя мелинита, Фандорин сразу понял, что где-то видел его прежде, однако, спутанный японскостью лица, повернул не в ту сторону — вообразил, будто шпион похож на кого-то из давних, ещё японской поры, знакомых. А всё было гораздо проще! Этого человека, одетого в грязную штабс-капитанскую форму, он видел у места катастрофы.

Теперь всё встало на свои места.

Литерный был взорван именно Акробатом, как метко окрестил его Мыльников. Японский диверсант ехал на курьерском поезде, и сопровождала его сообщница — эта самая Лидина. Как ловко направила она жандармов по ложному следу!

И вот теперь враг решил нанести удар по тому, кто за ним охотится. Один из любимых трюков секты «крадущихся», называется «Кролик съедает тигра». Ну да ничего, у нас на то тоже есть своя поговорка: «Ловила мышка кошку».

Предложение Гликерии Романовны поехать к ней не застало инженера врасплох — он был готов к чему-то в этом роде. Но все равно внутренне напрягся, задавшись вопросом: справится ли он в одиночку со столь опасным противником?

«Не справлюсь — значит, такая карма, пускай дальше воюют без меня», философски подумал Эраст Петрович — и поехал.

Но в доме на Остоженке вёл себя с предельной осторожностью. Карма кармой, однако играть в поддавки он не собирался.

Тем сильнее было разочарование, когда оказалось, что Акробата в квартире нет. Тут уж Фандорин миндальничать не стал — сомнительную барыньку требовалось прояснить прямо здесь и немедленно.

Не агентка, это он понял сразу. Если сообщница, то невольная и ни во что не посвящённая. Правда, знает, где Акробата искать, но ни за что не скажет, потому что влюблена по уши. Не пыткам же её подвергать?

Здесь взгляд Эраста Петровича упал на телефонный аппарат, идея созрела в одно мгновение. Не может быть, чтобы у шпиона такой квалификации не было телефонного номера для экстренной связи.

Припугнув Лидину пострашнее, Фандорин сбежал по лестнице на улицу, взял извозчика и велел что есть мочи гнать на Центральную телефонную станцию.

* * *

Лисицкий обустроился на новом месте с уютом. Коммутаторные барышни успели надарить ему вышитых салфеточек, на столе стояла вазочка с домашним печеньем, варенье, заварной чайничек. Кажется, бравый штабс-ротмистр пользовался здесь успехом.

Увидев Фандорина, он вскочил, сдёрнул наушник и с энтузиазмом воскликнул:

— Эраст Петрович, вы истинный гений! Второй день здесь сижу и не устаю это повторять! Ваше имя нужно высечь золотыми буквами на скрижалях полицейской истории! Вы не представляете, сколько любопытного и пикантного я узнал за эти два дня!

— Не представляю, — перебил его Фандорин. — В квартире три, дом Бомзе, Остоженка, какой номер?

— Секундочку. — Лисицкий затянул в справочник. — 37–82.

— Проверьте, куда звонили с 37–82 в минувшие четверть часа. Б-быстро!

Штабс-ротмистр пулей вылетел из комнаты и через три минуты вернулся.

— На номер 114-22. Это пансион «Сен-Санс», на Чистопрудном бульваре, я уже проверил.

Разговор был короткий, всего полминуты.

— Значит, не застала... — пробормотал Фандорин. — Что за пансион? В мои времена такого не было. Учебный?

— В некотором роде, — хохотнул Лисицкий. — Там обучают науке страсти нежной. Заведение известное, принадлежит некоей графине Бовада. Характернейшая особа, проходила у нас по одному делу. И в Охранном её хорошо знают. Настоящее имя Анфиса Минкина. Биография — истинный роман Буссенара. Весь свет объездила. Личность тёмная, но её терпят, потому что время от времени оказывает соответствующим ведомствам услуги. Интимного, но не обязательно полового свойства, — снова засмеялся весёлый штабс-ротмистр. — Я велел подключиться к пансиону. Там зарегистрировано два номера, так я к обоим. Правильно сделал?

— М-молодцом. Сидите и слушайте. А я пока сделаю один звонок.

Фандорин протелефонировал к себе на квартиру и велел камердинеру отправляться на Чистопрудный бульвар — понаблюдать за одним домом.

Помолчав, Маса спросил:

— Господин, будет ли это вмешательством в ход войны?

— Нет, — успокоил его Эраст Петрович, немного покривив душой, но другого выхода у него сейчас не было — Мыльников нет, а железнодорожные жандармы обеспечить грамотное наблюдение не сумеют. — Ты просто будешь смотреть на пансион «Сен-Санс» и сообщишь, если увидишь что-то интересное. Там неподалёку электротеатр «Орландо», в нем есть публичный телефон. Я буду на номере...

— 20–93, — подсказал Лисицкий, у которого к каждому уху было прижато по наушнику.

— Звонок, по левому! — воскликнул он минуту спустя. Эраст Петрович схватил отводную трубку, услышал вальяжный мужской голос:

— ...Беатрисочка, душенька, горю весь, мочи нет. Сей же час к вам. Уж приготовьте мой кабинетик. И Зюлейку, непременно.

— Зюлейка с кавалером, — ответил на другом конце женский голос, очень мягкий и приятный. Мужчина заполошился:

— Как с кавалером? С кем? Если с Фон-Вайлем, я вам этого не прощу!

— Я вам мадам Фриду приготовлю, — заворковала женщина. — Помните такую, рослую, дивного сложения. Virtuозно хлещет плеточкой, не хуже Зюлейки. Вашему превосходительству понравится.

Штабс-ротмистр затрясся, давясь беззвучным смехом, Фандорин досадливо бросил трубку.

В течение последующего часа звонков было много, некоторые ещё более пикантного свойства, но все в левое ухо Лисицкого, то есть на номер 114-22, второй телефон молчал.

Он очнулся в половине двенадцатого, причём звонили из пансиона. Мужчина попросил дать 42–13.

— 42–13 — что это? — шёпотом спросил инженер, пока барышня соединяла.

Жандарм и сам уже шелестел страницами. Нашёл, подчеркнул строчку ногтем.

«Ресторан „Роза ветров“», прочёл Фандорин.

— Ресторан «Роза ветров», — сказали в трубке. — Слушаю-с?

— Милейший, подзовите-ка мне господина Мирошниченко, он сидит за столиком у окна,

один, — попросил «Сен-Санс» мужским голосом.

— Сию минуту-с.

Долгое, на несколько минут, молчание. Потом на ресторанном конце спокойный баритон спросил:

— Это вы?

— Как условились. Готовы?

— Да. Будем в час ночи.

— Там много. Без малого тысяча ящиков, — предупредил пансион.

Фандорин стиснул трубку так, что побелели пальцы. Оружие! Транспорт с японским оружием, не иначе!

— Людей достаточно, — уверенно сказал ресторан.

— Как будете переправлять? По воде?

— Разумеется. Иначе на что бы мне понадобился склад на реке?

— Говорите, где склад.

В этот миг на столе перед Лисицким замигал лампочками аппарат.

— Это экстраординарный, — шепнул офицер, схватив рожок и крутанув рычаг. — Эраст Петрович, вас. Срочно. По-моему, ваш слуга.

— Слушайте! — кивнул Фандорин в сторону трубки и взял рожок. — Да?

— Господин, вы велели сообщить, если будет интересно, — сказал Маса по-японски. — Тут очень интересно, приезжайте.

Пояснять ничего не стал — видимо, в электротеатре было много публики.

Между тем разговор между «Розой ветров» и «Сен-Сансом» завершился.

— Ну что, назвал м-место? — нетерпеливо повернулся инженер к Лисицкому. Тот сокрушённо развёл руками:

— Очевидно, в те две секунды, когда вы отложили трубку, а я ещё не взял... Я слышал только, как этот, из ресторана, сказал: «Да-да, знаю». Какие будут приказания? Послать в «Розу ветров» и «Сен-Санс» наряды?

— Не нужно. В ресторане вы никого уже не застанете. А пансионом я займусь сам.

* * *

Летя в экипаже вдоль ночных бульваров, Фандорин думал о страшной опасности, нависшей над древним городом — нет, над всем тысячелетним государством. Чёрные толпы, вооружённые японскими (или какими там) винтовками, стянут переулки удавкой баррикад. С окраин к центру поползёт бесформенное кровавое пятно. Начнётся затяжная, лютая резня, в которой победителей не будет, лишь мертвецы и проигравшие.

Главный враг всей жизни Эраста Петровича, бессмысленный и дикий Хаос пялился на инженера бельмастыми глазами тёмных окон, скалился гнилой пастью подворотен. Разумная, цивилизованная жизнь сжалась в ломкую проволочку фонарей, беззащитно мерцающих вдоль тротуара.

Маса подждал возле решётки.

— Я не знаю, что происходит, — быстро заговорил он, ведя Фандорина вдоль пруда. — Смотрите сами. Плохой человек Мырников и с ним ещё пятеро прокрались в дом вон через то крыльцо. Это было... двенадцать минут назад. — Он с удовольствием взглянул на золотые часы, в своё время подаренные ему Эрастом Петровичем к 50-летию микадо. — Я тут же вам позвонил.

— Ах, как скверно! — с тоской воскликнул инженер. — Этот шакал разнюхал и опять всё испортил!

Камердинер философски заметил:

— Все равно теперь ничего не поделаешь. Давайте смотреть, что будет дальше.

И они стали смотреть.

Слева и справа от входа было по окну. Свет в них не горел.

— Странно, — прошептал Эраст Петрович. — Что они там делают во мраке? Ни выстрелов, ни криков...

И в ту же секунду крик раздался — негромкий, но полный такого звериного ужаса, что Фандорин и его слуга, не сговариваясь, выскочили из своего укрытия и побежали к дому.

На крыльцо выполз человек, проворно перебирая локтями и коленками.

— Банзай! Банзай! — вопил он без остановки.

— Пойдём! — оглянулся инженер на остановившегося Масу. — Что же ты?

Слуга стоял, скрестив руки на груди, немое воплощение обиды.

— Вы обманули меня, господин. Этот человек японец.

Уговаривать его было некогда. Да и совестно.

— Он не японец, — сказал Фандорин. — Но ты прав: тебе лучше уйти. Нейтралитет так нейтралитет.

Инженер вздохнул и двинулся дальше. Камердинер тоже вздохнул и побрёл прочь.

Из-за угла пансиона один за другим вылетели три тени — люди в одинаковых пальто и котелках.

— Евстратий Павлович! — галдели они, подхватив ползущего и ставя его на ноги. — Что с вами?

Тот выл, рвался из рук.

— Я Фандорин, — сказал Эраст Петрович, приблизившись.

Филёры переглянулись, но ничего не сказали — очевидно, в дальнейших представлениях нужды не было.

— Мозга с мозги съехала, — вздохнул один, постарше остальных. — Евстратий Павлович давно не в себе, наши примечали. А тут совсем с резьбы сошёл...

— Японский бог... Банзай... Изыди, бес... — всё дёргался припадочный.

Чтоб не мешал, Фандорин сжал ему артерию, и надворный советник успокоился. Опустил голову, всхрапнул, повис на руках у своих помощников.

— Пусть полежит, ничего с ним не случится. Ну-ка, за мной! — приказал инженер.

Быстро прошёлся по комнатам, всюду зажигая электричество.

В квартире было пусто, безжизненно. Лишь в спальне билась и трепетала занавеска на распахнутом окне.

Фандорин кинулся к подоконнику. Снаружи был двор, за ним пустырь, сумрачные силуэты домов.

— Ушёл! Почему никого не поставили под окном? Это непохоже на Мыльников!

— Да стоял я, вон там, — принялся оправдываться один из филёров. — Как услышал, что Евстратъпалыч кричит, — побежал. Думал, выручать надо...

— Где наши-то? — изумлённо вертел головой старший. — Мандрыкин, Лепиный, Саплюкин, Кутько и этот, как его, ушастый. Вдогонку что ль припустили, в окно? Так свистели бы...

Эраст Петрович приступил к более внимательному осмотру квартиры. В комнате, что находилась слева от прихожей, обнаружил на ковре несколько капель крови. Потрогал — свежая.

Повёл взглядом вокруг, уверенно направился к серванту, распахнул приоткрытую дверцу. Там, зажатый в столярных тисках, торчал небольшой арбалет. Разряженный.

— Так-так, знакомые фокусы, — пробормотал инженер и стал прощупывать пол в том месте, где кровь. — Ага, вот и п-пружина. Под паркетинной спрятал... Где же тело?

Повернул голову вправо, влево. Направился к зеркалу, висевшему на противоположной от окна стене. Пощупал раму, не нашёл механизма и просто двинул кулаком по блестящей поверхности.

Филёры, тупо наблюдавшие за действиями «Чернобурого», ахнули — зеркало со звоном провалилось в чёрную нишу.

— Вот она где, — удовлетворённо промурлыкал инженер, щёлкнув кнопкой.

В обоях открылась дверца.

За фальшивым зеркалом оказался чуланчик. С другой стороны в нём имелось окошко, откуда отлично просматривалось соседнее помещение, спальня. Половину тайника занимал фотографический аппарат на треноге, но не он заинтересовал Фандорина.

— Говорите, ушастый? — спросил инженер, нагибаясь и рассматривая что-то на полу. — Не этот?

Выволок под мышки безжизненное тело с торчащей из груди стрелой, короткой и толстой.

Филёры сгрудились над мёртвым товарищем, а инженер уже спешил в комнату напротив.

— Тот же фокус, — объявил он старшему из агентов, когда тот вошёл следом. — Тайная пружина под паркетом. В шкафу спрятан арбалет. Смерть мгновенная, острие смазано ядом. А труп вон там. — Он показал на зеркало. — Можете убедиться.

Но в этом тайнике, точь-в-точь похожем на предыдущий, тел оказалось целых три.

— Лепиньш, — вздохнул филёр, вытаскивая верхнего. — Саплюкин. А внизу Кутько...

Пятый труп нашёлся в спальне, в щели за платяным шкафом.

— Не знаю, как ему удалось расправиться с ними поодиночке... Скорее всего, дело было так, — принялся восстанавливать картину Фандорин. — Те, что вошли в боковые комнаты, погибли первыми, от стрел, и были спрятаны в з-зазеркалье. Этот, в спальне, убит голой рукой — во всяком случае, видимых повреждений нет. У Саплюкина и этого, как его, Лепиньша, переломлены шейные позвонки. Судя по разинутому рту Лепиньша, он успел увидеть убийцу. Но не более... Акробат умертвил этих двоих в прихожей и оттащил в правую комнату, бросил вверх Кутько. Я одного не пойму: как это Мыльников уцелел? Должно быть, развеселил японца своими воплями «банзай!»... Ну всё, довольно лирики. Главное дело у нас впереди. Вы, — ткнул он пальцем в одного из филёров, — берите своего скорбного разумом начальника и везите его на Канатчикову дачу. А вы двое — со мной.

— Куда, господин Фандорин? — спросил тот, что постарше.

— На Москву-реку. Черт, уже половина первого, а нам ещё искать иголку в стоге сена!

* * *

Поди-ка отыщи на Москве-реке неведомо какой склад. Грузового порта в Первопрестольной не имеется, товарные пристани начинаются от Краснохолмского моста и тянутся с перерывами вниз по течению на несколько вёрст, до самого Кожухова.

Начали прямо от Таганки, с пристани «Общества пароходства и торговли Волжского бассейна». Потом был дебаркадер «Торгового дома братьев Каменских», склады нижегородской пароходной компании г-жи Кашиной, пакгаузы Москворецкого товарищества и прочая, и прочая.

Искали так: ехали вдоль берега на извозчике, вглядываясь в темноту и прислушиваясь — не донесётся ли шум. Кто станет работать в этот глухой час кроме людей, которым есть что скрывать?

Временами спускались к реке, слушали воду — большинство причалов располагалось на левом берегу, но изредка попадались и на правом.

Возвращались к коляске, ехали дальше.

С каждой минутой Эраст Петрович делался все мрачнее.

Поиски затягивались — брегет в кармане звякнул дважды. Словно в ответ пробили два раза часы на колокольне Новоспасского монастыря, и мысли инженера повернули в сторону божественности.

Самодержавная монархия может держаться лишь на вере народа в её мистическое, сверхъестественное происхождение, думал хмурый Фандорин. Если эта вера подорвана, с Россией будет, как с Мыльниковым. Народ наблюдает за ходом этой несчастной войны и с каждым днём убеждается, что японский бог то ли сильнее русского, то ли любит своего помазанника больше, чем Наш любит царя Николая. Конституция — вот единственное спасение, размышлял инженер, несмотря на зрелый возраст всё ещё не изживший склонности к идеализму. Монархии нужно перенести точку опоры с религиозности на разум. Чтоб народ исполнял волю власти не из богобоязненности, а потому что с этой волей согласен. Но если сейчас начнётся вооружённый бунт, всему конец. И уж неважно, сумеет монархия залить восстание кровью или не сумеет. Джинн вырвется из бутылки, и трон всё равно рухнет — не сейчас, так через несколько лет, при следующем сотрясении...

В темноте тускло заблестели пузатые железные цистерны — нефтяные резервуары общества «Нобель». В этом месте река делала изгиб.

Эраст Петрович тронул возницу за плечо, чтоб остановился. Прислушался — издалека, от воды, отчётливо донеслось мерное, механическое побряхтывание.

— За мной, — махнул инженер филёрам.

Рысцой пробежали через рощицу. Ветерок донёс запах мазута — где-то близко, за деревьями, было Постылое озеро.

— Есть! — выдохнул старший агент (его фамилия была Смуров). — Вроде они!

Внизу, под невысоким спуском, темнел длинный причал, у которого было пришвартовано несколько барж, причём одна, самая маленькая, сцеплена с крутобоким буксирчиком на парах. Это её попыхивание уловил слух Фандорина.

Из склада, вплотную примыкающего к пристани, выбежали двое грузчиков, неся ящик, скрылись в трюме маленькой баржи. За ними появился ещё один, с чем-то квадратным на плечах — и по сходням взбежал туда же.

— Да, это они, — улыбнулся Фандорин, вмиг забывший о своих апокалиптических видениях. — Торопятся, с-санкюлоты.

— Кто? — заинтересовался непонятным словом второй филёр, Крошкин.

Более начитанный Смуров, пояснил:

— Это были такие боевики, навроде эсэров. Про французскую революцию слышал? Нет? А про Наполеона? И на том спасибо.

Из склада выбежал ещё грузчик, потом сразу трое проволокли что-то очень тяжёлое. В углу причала вспыхнул огонёк спички, через секунду-другую сжавшийся до красной точки. Там стояли ещё двое.

Улыбка на лице инженера сменилась озабоченностью.

— Что-то многовато их... — Эраст Петрович осмотрелся вокруг — Это что там темнеет? Мост?

— Так точно. Железнодорожный. Строящейся окружной дороги.

— Отлично! Крошкин, вон в той стороне, за Постылым озером, станция Кожухово. Берите извозчика, и скорей туда. На станции должен быть телефон. Звоните подполковнику Данилову, номер 77-235. Не будет подполковника — говорите с дежурным офицером. Обрисуете ситуацию. Пусть сажает на дрезины караул, дежурных — всех, кого сможет собрать. И сюда. Всё, бегите. Только револьвер отдайте. И запас патронов, если есть. Вам ни к чему, а нам может п-приподиться.

Филёр сломя голову бросился назад к пролётке.

— Ну-ка, Смуров, подберёмся ближе. Вон превосходный штабель из рельсов.

* * *

Пока Дрозд прикуривал, Рыбников взглянул на часы.

— Без четверти три. Скоро рассвет.

— Ничего, успеем. Основную часть погрузили, — кивнул эсэр на большую баржу. — Осталась только сормовская. Ерунда, пятая часть груза. Поживей, товарищи, поживей! — подбодрил он грузчиков.

Товарищи-то товарищи, но сам ящиков не таскаешь, мимоходом подумал Василий Александрович, прикидывая, когда лучше завести разговор о главном — о сроках восстания.

Дрозд не спеша двинулся в сторону склада. Рыбников за ним.

— А московскую когда? — спросил он про главную баржу.

— Завтра речники перегонят в Фили. Оттуда ещё куда-нибудь. Так и будем перемещать с места на место, чтоб глаза не мозолила. Ну, а маленькая прямо сейчас пойдёт в Сормово, вниз по Москве-реке, потом по Оке.

Ящиков на складе уже почти не осталось, лишь плоские коробки с проводами и дистанционными механизмами.

— Как по-вашему «мерси»? — ухмыльнулся Дрозд.

— Аригато.

— Ну, стало быть, пролетарское аригато вам, господин самурай. Вы своё дело сделали, теперь обойдёмся без вас.

Рыбников веско заговорил о самом важном:

— Итак. Забастовка должна начаться не позднее, чем через три недели. Восстание — самое позднее через полтора месяца...

— Не командуйте, маршал Ояма. Как-нибудь без вас сообразим, — перебил эсэр. — По вашим нотам играть не станем. Думаю, ударим осенью. — Он ослабился. — До тех пор пощипите с Николашки ещё пуха-перьев. Пускай он перед народом совсем голеньким предстанет. Вот тогда и вмажем.

Василий Александрович ответил на улыбку улыбкой. Дрозд даже не догадывался, что в эту секунду его жизнь, как и жизнь его восьми товарищей, висела на волоске.

— Право, нехорошо. Мы же договорились, — укоризненно развёл руками Рыбников.

Глаза революционного вождя вспыхнули озорными искорками.

— Держать слово, данное представителю империалистической державы, — буржуазный предрассудок. — Попыхтел трубкой. — А как по-вашему будет «покеда»?

Подошедший рабочий вскинул на спину последнюю коробку и удивился:

— Чего-то больно лёгок. Не пустой ли?

Поставил обратно на землю.

— Нет, — объяснил Василий Александрович, открывая крышку. — Это набор проводов для разных нужд. Вот этот бикфордов, этот камуфляжный, а этот, в резиновой оболочке, для подводного минирования.

Дрозд заинтересовался. Вынул ярко-красный моток, рассмотрел. Подцепил двумя пальцами металлический сердечник — тот легко вылез из водонепроницаемого покрытия.

— Ловко придумано. Подводное минирование? Может, грохнем царскую яхту? Есть у меня там в команде свой человек, отчаянная голова... Надо будет подумать.

Грузчик поднял коробку, побежал на пристань.

Тем временем Рыбников принял решение.

— Что ж, осенью так осенью. Лучше поздно, чем никогда, — сказал он. — А забастовку через три недели. Мы на вас надеемся.

— Что вам ещё остаётся? — бросил Дрозд через плечо. — Всё, самурай, мы расстаёмся. Катитесь к вашей японской матери.

— Я сирота, — улыбнулся одними губами Василий Александрович и снова подумал, как хорошо было бы переломить этому человеку шею — чтоб посмотреть, как перед смертью выпучатся и остекленеют его глаза.

В этот миг тишина кончилась.

* * *

— Господин инженер, похоже, всё. Закончили, — шепнул Смуров.

Фандорин и сам видел, что погрузка завершена. Баржа осела чуть не до самой ватерлинии. Была она хоть и небольшая, но, похоже, вместительная — шутка ли, принять на борт тысячу ящиков с оружием.

Вот по трапу поднялась последняя фигура — судя по походке, с совсем не тяжёлой ношей, и на барже одна за другой загорелись семь, нет, восемь сигарок.

— Пошабашили. Сейчас покурят и уплывут, — дышал в ухо филёр.

Крошкин побежал за подмогой без четверти три, прикидывал инженер. Предположим, в три он добрался до телефона. Минут пять, а то и десять у него уйдёт на то, чтоб втолковать Данилову или дежурному офицеру, в чем дело. Эх, надо было послать Смурова — он поречистей. Положим, в десять, нет в пятнадцать минут четвёртого поднимут караул. Прежде половины четвёртого не тронутся. А ехать от Каланчевки до Кожуховского моста на дрезине не менее получаса. Раньше четырех жандармов ждать нечего. А сейчас три двадцать пять...

— Доставайте оружие, — приказал Фандорин, беря в левую руку свой «браунинг», в правую крошкинский «наган». — На три-четыре палите в сторону баржи.

— Зачем? — всполошился Смуров. — Их вон сколько! Куда они с реки денутся? Придёт подмога — берегом догоним!

— Откуда вы знаете, что они не отгонят баржу за город, где безлюдно, да не перегрузят оружие на подводы, пока не рассвело? Нет, их надо з-задержать. У вас сколько патронов?

— Семь в барабане, да семь запасных, и всё. Мы же филёры, а не башибузуки какие...

— У К-Крошкина тоже четырнадцать. У меня только семь, запасной обоймы не ношу. Я, увы, тоже не янычар. Тридцать пять выстрелов — для получаса маловато. Ну, да делать нечего. Действуем так. Первый барабан высаживаете подряд, чтоб произвести впечатление. Но потом каждую пулю расчётливо, со смыслом.

— Далековато, — прикинул Смуров. — Их борт наполовину прикрывает. По поясной фигуре с такой дали и днём-то попасть непросто.

— Вы в людей-то не цельте, все-таки соотечественники. Стреляйте так, чтоб никто с баржи на буксир не перелез. Ну, три-четыре!

Эраст Петрович поднял свой пистолет кверху (все равно от него, короткоствольного, на таком расстоянии проку было мало) и семь раз подряд нажал на спуск.

* * *

— Вот тебе на, — протянул Дрозд, услышав частую пальбу.

Осторожно высунулся из дверей. Рыбников тоже.

Огоньки выстрелов вспыхивали над грудой рельсов, сваленных в полусотне шагов от пристани.

С баржи ответили беспорядочной пальбой в восемь стволов.

— Шпики. Выследили, — хладнокровно оценил ситуацию Дрозд. — Только их мало. Трое-четверо, навряд ли больше. Сейчас мы эту закавыку решим. Крикну ребятам, чтобы обошли слева и справа...

— Стойте! — схватил его за локоть Василий Александрович и заговорил быстро-быстро. — Нельзя ввязываться в бой, они именно этого от вас и хотят. Их немного, но они наверняка послали за подмогой. Перехватить баржи на реке нетрудно. Скажите, на буксире кто-то есть?

— Нет, все были на погрузке.

— Полицейские появились недавно, — уверенно сказал Рыбников. — Иначе здесь уже была бы целая рота жандармов. Значит, погрузку главной баржи они не застали, мы чуть не час провозились с сормовской. Вот что, Дрозд. Сормовским грузом можно пожертвовать. Спасайте большую баржу. Уходите отсюда, вернётесь завтра. Идите, идите. Я уведу полицию за собой.

Он взял у эсэра моток красного провода, сунул в карман и, двигаясь зигзагами, выбежал наружу.

* * *

Чёрные силуэты на барже как ветром сдуло, исчезли и алые огоньки. Но вместо них секунду спустя над бортом запылали белые вспышки выстрелов.

Из склада к судну, петляя, пронеслась ещё одна фигура — её инженер проводил особенно внимательным взглядом.

Сначала пули свистели высоко над головой, потом боевики пристрелялись. От рельсов, рассыпая искры и издавая противный визг, зарикоштели кусочки свинца.

— Господи, смерть моя пришла! — ойкал Смуров, то и дело ныряя с головой за штабель.

Фандорин не сводил глаз с баржи, готовый стрелять, как только кто-нибудь попытается сунуться на буксир.

— Не робейте, — сказал инженер. — Чего её бояться? Столько уже народу на том свете, нас с вами дожидаются. Встретят как родного. И ведь какие люди, не ч-чета нынешним.

Удивительно, но выдвинутый Фандориным аргумент подействовал.

Филёр приподнялся:

— И Наполеон дожидается?

— И Наполеон. Любите Наполеона? — рассеянно пробормотал инженер, щуря левый глаз. Один из боевиков, посообразительней других, полез с баржи на буксир.

Эраст Петрович всадил пулю в обшивку — прямо перед носом у умника. Тот юркнул

обратно под прикрытие борта.

— Внимательней, не зевайте, — сказал Фандорин напарнику. — Теперь они поняли, что им пора уходить, и полезут один за другим. Не пускать, отсекай огнём.

Смулов не ответил.

Инженер коротко взглянул на него и чертыхнулся.

Филёр привалился щекой к рельсам, волосы на макушке блестели от крови, открытый глаз заворожённо смотрел в сторону. Убит...

Встретится ли с Наполеоном, мелькнуло в голове у инженера, которому в этот миг было не до сантиментов.

— Товарищ рулевой, в рубку! — донёсся с баржи звонкий голос. — Скорее!

Фигура, спрятавшаяся на носу снова полезла на буксир. С тяжёлым вздохом Фандорин выстрелил на поражение — тело с плеском упало в воду.

Почти сразу же сунулся ещё один, но его было хорошо видно на фоне белой палубной надстройки, и Эраст Петрович сумел попасть ему в ногу. Во всяком случае, подстреленный заорал — значит, жив.

Патроны, доставшиеся Эрасту Петровичу от Крошкина, кончились. Фандорин взял револьвер мертвеца, но и у того в барабане было всего три пули. А до четырех часов оставалось ещё целых восемнадцать минут.

— Смелей, товарищи! — крикнул все тот же голос. — У них патроны на исходе. Руби швартовы!

Корма баржи отползла от причала; мостки, заскрипев, рухнули в воду.

— Вперёд, на буксир! Все разом, товарищи!

И тут уж поделаться было ничего нельзя.

Когда с баржи к носу кинулась целая гурьба людей, Фандорин и стрелять не стал — какой смысл?

Буксир изрыгнул из трубы сноп искр, зашлёпал колёсами. Канаты натянулись, зазвенели.

Отправились в три сорок шесть, посмотрел по часам инженер.

Удалось задержать на двадцать одну минуту. Плата — две человеческих жизни.

Он двинулся по берегу, параллельно барже.

Сначала поспевать было нетрудно, потом пришлось перейти на бег — буксир постепенно набирал скорость.

Когда Эраст Петрович миновал железнодорожный мост, сверху, с насыпи, донёсся грохот стальных колёс. Из темноты на полной скорости неслась большая дрезина, густо наполненная людьми.

— Сюда! Сюда! — замахал Фандорин и выпалил в воздух.

По скосу к нему тяжело бежали жандармы.

— Кто с-старший?

— Поручик Брянцев!

— Вон они, — показал Эраст Петрович в сторону удаляющейся баржи. — Половину людей по мосту на тот берег. И с обеих сторон. Догоним — огонь по рубке буксира. До тех пор, пока не сдадутся. Марш!

Странная погоня пеших жандармов за плывущей по реке баржей продолжалась недолго.

Ответный огонь с буксира быстро ослабел. Боевики все реже рисковали высовываться из-за железных бортов. Стекло в рубке вылетело, пробитое пулями, и рулевой вёл судёнышко, не высовываясь — вслепую. Из-за этого через полверсты от моста буксир налетел на мель и остановился. Баржу стало медленно разворачивать боком.

— Прекратить огонь, — приказал Фандорин. — Предложите им сдаться.

— Клади оружие, болваны! — кричал с берега поручик. — Куда вам деться? Сдавайтесь!

Детсья эсэрам и в самом деле теперь было некуда. Над водой клубился неплотный предрассветный туман, тьма таяла на глазах, а по обе стороны реки залети жандармы, так что даже поодиночке, вплавь, было не уйти.

У рубки кучкой собрались уцелевшие — похоже, совещались.

Потом один выпрямился во весь рост.

Он!

Акробат, он же штабс-капитан Рыбников — несмотря на расстояние, ошибиться было невозможно.

На буксире нестройно запели, а японский шпион разбежался и перескочил на баржу.

— Что это он? Что делать? — нервно спросил поручик.

— "Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!" — донеслось с буксира.

— Стреляйте, стреляйте! — воскликнул Фандорин, увидев, как у Акробата в руках вспыхивает маленький огонёк, похожий на бенгальский. — Это динамитная шашка!

Но было поздно. Шашка полетела в трюм баржи, а фальшивый штабс-капитан, дёрнув с борта спасательный круг, прыгнул в реку.

Секунду спустя баржа вздыбилась, переломленная надвое несколькими мощными взрывами. Передняя половина подпрыгнула и накрыла собою буксир. В воздух летели куски дерева и металла, по воде растекалось пылающее топливо.

— Ложи-ись! — отчаянно заорал поручик, но жандармы и без команды уже попадали на землю, прикрыв голову руками.

Подле Фандорина в землю врезалось согнутое винтовочное дуло. Брянцев с ужасом смотрел на шлёпнувшуюся рядом с ним ручную гранату. Та бешено вертелась, поблёскивая фабричной смазкой.

— Не бойтесь, не взорвётся, — сказал ему инженер. — Она без взрывателя.

Офицер сконфуженно поднялся.

— Все целы? — браво рявкнул он. — Выходи строиться, переключка. Эй, фельдфебель! — крикнул, сложив руки рупором. — Твои как?

— Одного зацепило, вашбродь! — донеслось с того берега.

На этой стороне обломками зашибло двоих, но несильно.

Пока перевязывали раненых, инженер вернулся к мосту, где давеча приметил будку бакенщика.

Назад, к месту взрыва, приплыл на лодке. Грёб бакенщик, Фандорин же стоял на носу и смотрел на щепки и масляные пятна, которыми была покрыта вся поверхность реки.

— Позвольте к вам? — попросился Брянцев. Минуту спустя, уже оказавшись в лодке, спросил. — Что вы высматриваете? Господа революционеры на дне, это ясно. После приедут водолазы, поднимут трупы. И груз — сколько найдут.

— Здесь глубоко? — повернулся инженер к гребцу.

— Об эту пору сажени две будет. Местами даже три. Летом, как солнце нажарит, помельчает, а пока глыбко.

Лодка медленно плыла вниз по течению. Эраст Петрович всё не отрывал глаз от воды.

— Этот, что шашку кинул, отчаянный какой, — сказал Брянцев. — Не спас его круг. Смотрите, вон плывёт.

И в самом деле, впереди на волнах покачивалось красно-белое пробковое кольцо.

— Ну-ка, г-греби туда!

— На что он вам? — спросил поручик, глядя, как Фандорин тянется к спасательному кругу.

Эраст Петрович снова не удостоил говорливого офицера ответом. Вместо этого пробормотал:

— Угу, вот ты где, голубчик.

Потянул круг из воды, и стало видно, что с внутренней стороны к нему привязана красная резиновая трубка.

— Знакомый фокус, — усмехнулся инженер. — Только в древности использовали бамбук, а не резиновый провод с выдернутым сердечником.

— Что это за клистирная трубка? Какой ещё фокус?

— Хождение по дну. Но я вам сейчас покажу фокус ещё интересней. Засаекаем время. — И Фандорин сдвинул трубку пальцами.

Прошла минута, потом вторая.

Поручик смотрел на инженера с все возрастающим недоумением, инженер же поглядывал то на воду, то на секундную стрелку своих часов.

— Феноменально, — покачал он головой. — Даже для них...

На середине третьей минуты саженьях в пятнадцати от лодки из воды вдруг показалась голова.

— Гребите! — крикнул Фандорин лодочнику. — Теперь возьмём! Если не остался на дне — возьмём!

И, разумеется, взяли — спастись бегством хитроумному Акробату было некуда. Он, впрочем, и не сопротивлялся. Пока жандармы вязали ему руки, сидел с отрешённым лицом, прикрыв глаза. С мокрых волос стекали грязноватые струйки, к рубашке прилипла зелёная тина.

— Вы сильный игрок, но вы проиграли, — сказал по-японски Эраст Петрович.

Арестованный открыл глаза и долго рассматривал инженера. Так и неясно было, понял он или нет.

Тогда Фандорин наклонился и произнёс странное слово:

— Тамба.

— Что ж, амба так амба, — равнодушно обронил Акробат, и это было единственное, что он сказал.

* * *

Молчал он и в Крутицкой гарнизонной тюрьме, куда его доставили с места задержания.

Вести допрос съехалось всё начальство — и жандармское, и военно-судебное, и охранное, но ни угрозами, ни посулами от Рыбникова не добились ни слова. Тщательно обысканный и переодетый в арестантскую робу, он сидел неподвижно. На генералов не смотрел, лишь время от времени поглядывал на Эраста Петровича Фандорина, который участия в допросе не принимал и вообще стоял поодаль.

Промучившись с упрямым весь день до самого вечера, начальники велели увести его в камеру.

Камера была специальная, для особенно опасных злодеев. Ради Рыбникова приняли и дополнительные меры предосторожности: койку и табурет заменили тюфяком, вынесли стол, керосиновую лампу убрали.

— Знаем мы японцев, читали, — сказал комендант Фандорину. — Расшибёт себе башку об острый угол, а нам отвечай. Или керосином горящим обольётся. Пускай лучше при свечечке посидит.

— Если такой ч-человек захочет умереть, помешать ему невозможно.

— Очень даже возможно. У меня месяц назад один анархист, ужас до чего отпетый, две недели пролежал спелёнутый, как младенец. И рычал, и по полу катался, и пробовал башку об стенку расколотить — не желал на виселице подохнуть. Ничего, сдал голубчика палачу, как миленького.

Инженер брезгливо поморщился, бросил:

— Это вам не анархист. — И ушёл, чувствуя непонятную тяжесть на сердце.

Загадочное поведение арестанта, который вроде бы сдался, а в то же время явно не собирався давать показания, не давало инженеру покоя.

* * *

Оказавшись в камере, Василий Александрович провёл некоторое время за обычным для заключённого занятием — постоял под зарешеченным оконцем, глядя на кусочек вечернего неба.

Настроение у Рыбникова было хорошее.

Оба дела, ради которых он не остался на илистом дне Москвы-реки, а вынырнул на поверхность, были сделаны.

Во-первых, он убедился, что главная баржа, нагруженная восемьюстами ящиков, осталась необнаруженной.

Во-вторых, посмотрел в глаза человеку, о котором столько слышал и столько думал.

Кажется, всё.

Разве что...

Он сел на пол, взял коротенький карандаш, оставленный арестанту на случай, если захочет дать письменные показания, и написал японской скорописью письмо, начинавшееся обращением «Отец!».

Потом зевнул, потянулся и вытянулся на тюфяке во весь рост.

Уснул.

Василию Александровичу снился чудесный сон. Будто он мчится в открытом экипаже, переливающимся всеми цветами радуги. Вокруг кромешный мрак, но далеко, на самом горизонте, сияет яркий и ровный свет. На чудо-колеснице он едет не один, но лиц своих спутников не видит, потому что его взгляд устремлён только вперёд, к источнику быстро приближающегося сияния.

Спал арестант не более четверти часа.

Открыл глаза. Улыбнулся, ещё находясь под впечатлением от волшебного сна.

Усталости как не бывало. Всё существо Василия Александровича наполнилось ясной силой и алмазной твёрдостью.

Он перечитал письмо отцу и без колебаний сжёг его на огне свечи.

Потом разделся до пояса.

Пониже левой подмышки у арестанта был прилеплен пластырь телесного цвета, замаскированный так ловко, что тюремщики его при обыске не заметили.

Рыбников содрал пластырь, под которым оказалась узкая бритва. Сел поудобней и стремительным круговым движением сделал надрез по периметру лица. Зацепил ногтями кожу, сорвал её всю, от лба до подбородка, а потом, так и не произнеся ни единого звука, полоснул себя лезвием по горлу.

Безжалостная дама (*фр.*).